ДАЕШЬ АТОММАШ!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1978

ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ 3

В целом коммунисты старшего поколения могут, я думаю, быть довольны советской молодежью наших дней. Она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
ИЗ РЕЧИ НА XVIII СЪЕЗДЕ ВЛКСМ 25 АПРЕЛЯ 1978 ГОДА

НЕТ ПРЕГРАД!

Александр ЖАРОВ,
делегат III съезда РКСМ

Нам каждый шаг к заветной цели дорог,
Нас в путь зовет опять оркестров медь...
Есть подвиги,
Величие которых
Не сразу удается разглядеть.

Романтика землянок и палаток
Спускалась нелегко на целину.
Она тонула
В топях неполадок,
И у невзгод была она в плену.

Но, крылья раскрывая постепенно,
Призывной силой вешнего тепла,
И песней, и мечтою дерзновенной
Она героев
В мирный бой звала.

С природой хмурой силою моторов,
А то и рукопашно шла борьба,
Чтобы заставить спящие просторы
Проснуться
И начать родить хлеба!..

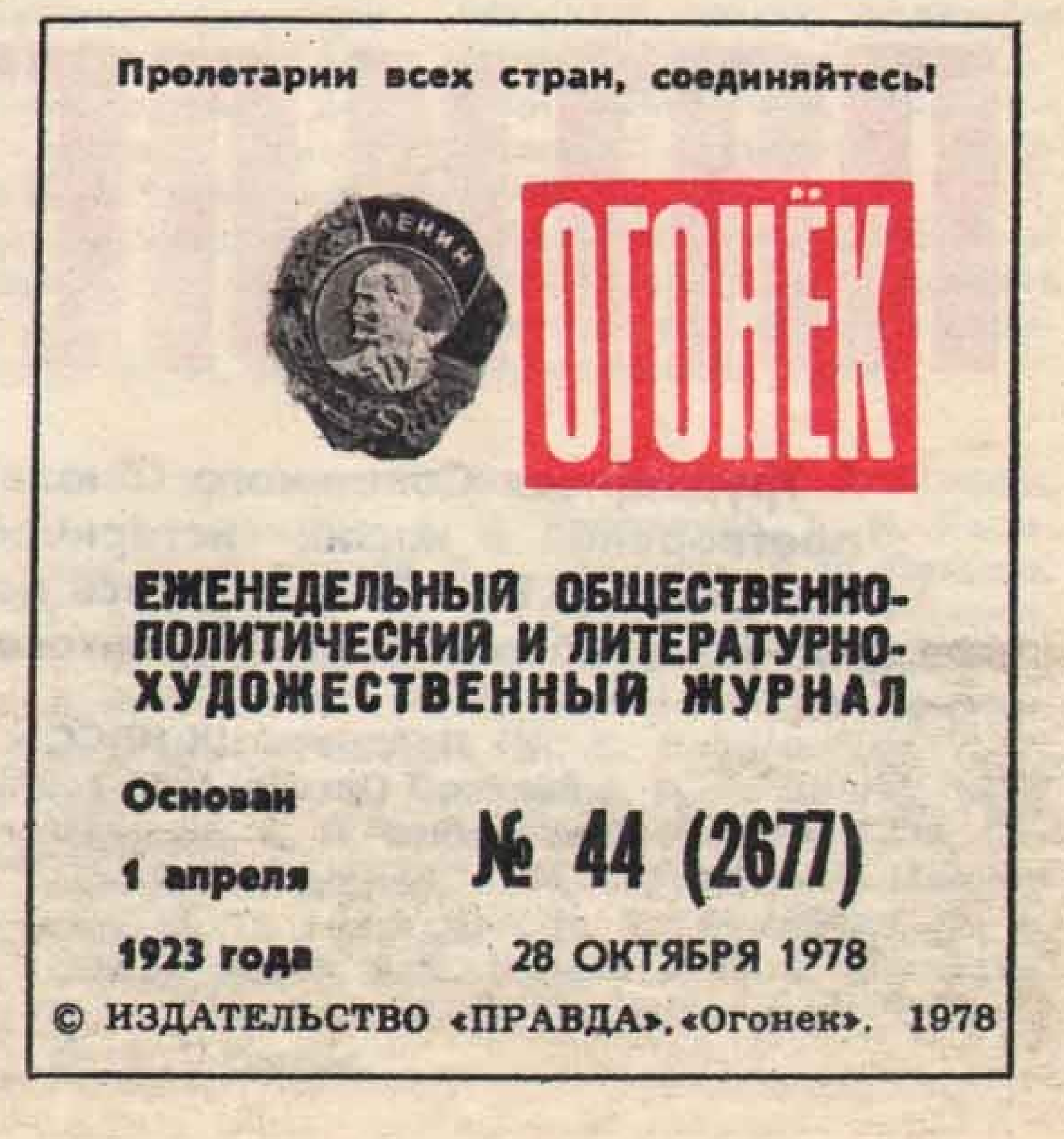
Был летом зной. Зимой бело и голо.
Неделями кромешной вьюги власть...
И все-таки с путевкой комсомола
Стихиям наша юность не сдалась.

Романтикою нашей правит разум.
У всей страны, у мира на виду
Она в ладу
И с БАМом и с КамАЗом,
Она с Тюменью трудовой в ладу.

Тьма всюду отступает перед светом.
Нигде для комсомольцев нет преград!
С какой счастливой гордостью об этом
Сегодня
Ветераны говорят.

Б. Иогансон, В. Соколов, Д. Тегин, Н. Файдыш-Крандиевская, Н. Чебаков.
ВЫСТУПЛЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА НА III СЪЕЗДЕ КОМСОМОЛА. (Фрагмент).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2677)

28 ОКТЯБРЯ 1978

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ПРИЕМ В КРЕМЛЕ

23 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле государственного секретаря США С. Вэнса и имел с ним беседу, в которой участвовал член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Основное внимание в ходе беседы было уделено обсуждению вопросов, касающихся заключения между СССР и США соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Отметив полезность и конструктивность переговоров по этим вопросам, состоявшихся в Москве, обе стороны заявили о своей решимости приложить все усилия и довести до конца это важное дело, с тем чтобы обеспечить скорое подписание соглашения.

Было выражено также обоюдное намерение способствовать прогрессу на переговорах по другим вопросам ограничения вооружений и разоружения с целью достижения конкретных договоренностей на этот счет.

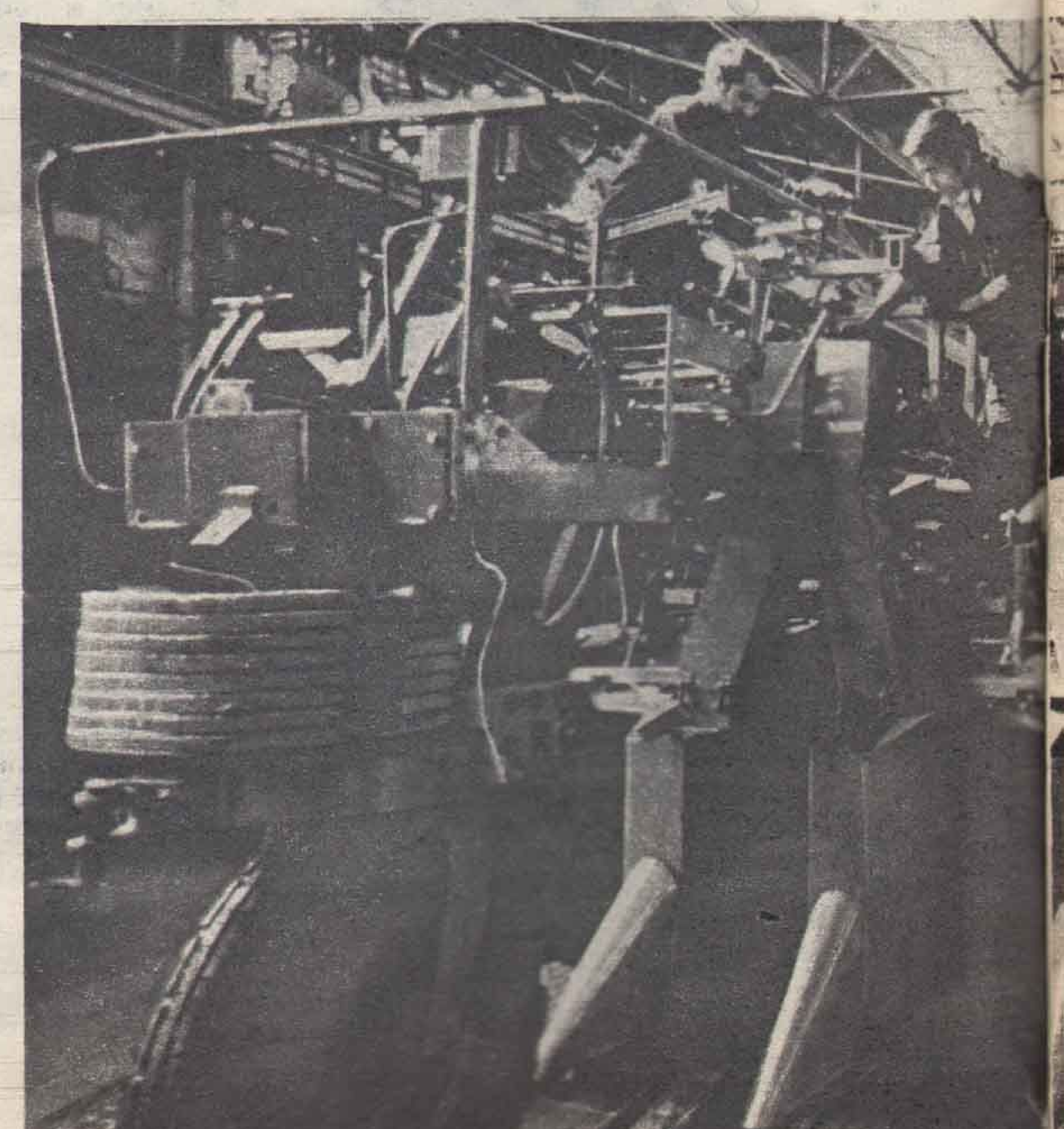
Обратив внимание на отрицательные моменты в советско-американских отношениях, появившиеся за последнее время, Л. И. Брежнев подчеркнул, что выравнивание отношений между СССР и США, обеспечение их развития по восходящей линии отвечало бы интересам народов обеих стран, целям углубления процесса разрядки международной напряженности и укрепления мира во всем мире.

ЧЕТКИЙ РИТМ ПЯТИЛЕТКИ

Трудящиеся Советского Союза! Боритесь за претворение в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС, стремитесь полностью реализовать возможности развитого социализма!

Из Призывов ЦК КПСС к 61-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

На главном конвейере «Ташсельмаша».

Опубликовано сообщение ЦСУ СССР «Об итогах выполнения Государственного плана промышленностью СССР за девять месяцев 1978 года».

Перевыполнен план по объему реализации продукции и производству большинства видов изделий. 4,8 процента по сравнению с соответствующим периодом прошлого года — таков прирост промышленного производства. На 3,5 процента возросла производительность труда; три четверти прироста промышленной продукции получено за счет повышения производительности труда.

Улучшились по сравнению с соответствующим периодом прошлого года показатели технико-экономического уровня производства и качества выпускаемой продукции.

Таковы радующие итоги девяти месяцев нынешнего года.

Широко шагает советская промышленность, работники которой стремятся порадовать страну новыми успехами в честь первой годовщины новой Конституции СССР и 61-й годовщины Великого Октября.

В сообщении ЦСУ говорится, в частности, и о том, что за девять месяцев нынешнего года хлопкоуборочных машин произведено больше, чем за тот же период года прошлого. И сегодня «Огонек» публикует репортаж с «Ташсельмаша», где выпускаются такие машины.

Сначала требования к хлопкоуборочным машинам были небольшими: лишь бы как-нибудь взять основную массу урожая, а уж затем руками подобрать остальное. Тут уж не до чистоты волокон, не до целости семян!

Первые отечественные уборочные машины для массового сбора хлопка-сырца родились на заводе «Ташсельмаш». Ныне здесь производится серийно шесть видов машин, поставляемых во все хлопкосеющие республики страны. Только в Узбекистане ими будет убрано семьдесят процентов урожая.

— Чем порадовал «Ташсельмаш» хлопкоробов в нынешнем году? — спросили мы секретаря парткома завода Сакиджана Каюмовича Тажиева.

— У коллектива наших машиностроителей нашлось чем встретить июльский Пленум ЦК КПСС и ответить на доклад Леонида Ильича Брежнева,— сказал он.— Наш идеал — избирательность человеческой руки в главных рабочих органах машины. Такая общая устремленность позволила уже в нынешнюю страду выпустить на семенные участки первые шестьсот шестьдесят специальных машин. В них вложена «ручная» нежность в обращении с сырцом, чуткость к кондиции семян. Сбор ведется по ярусам.

— Значит, уже недалеко и до решения проблемы уборки тонковолокнистого хлопка?

— Эта проблема, можно сказать, задала тон всему производству,— продолжал Сакиджан Каюмович, доставая из стола газету «Правда» с подчеркнутыми в ней словами Леонида Ильича Брежнева: «Центральной задачей является повышение качества продукций, всемерное увеличение производства хлопка тонковолокнистых сортов».— Убирать такой хлопок надо очень аккуратно. Попавший в него мусор резко снижает качество волокна, особенно при хранении в бунтах... Чертежи новой, как мы говорим, аккуратной, машины завод получил в прошлом году и выпустил их более девятисот штук, наладив серийное производство. В этом году на полях Узбекистана, Туркмении, Таджикистана парк увеличивается еще на одну тысячу шестьсот единиц.

Немало сделано и для облегчения такой неизбежной операции, как подбор хлопка с земли,— сказал в заключение секретарь парткома.— Опадает хлопок по разным причинам, в том числе и при движении уборочного агрегата. Так вот, ныне «Ташсельмаш» выпускает на поля экспериментальную партию машин с пневматическим подборщиком и малогабаритным очистителем. Вроде бы рука человеческая поднимает потускневший белый комок, удаляет пыль и кладет его чистым в бункер... Из бросового — первый сорт!

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Фото В. Сваричевского

Анастас Иванович МИКОЯН

21 октября 1978 года на 83-м году жизни скончался Анастас Иванович Микоян, активный участник революционного движения, один из видных государственных и партийных работников, член Коммунистической партии Советского Союза с 1915 года.

А. И. Микоян родился 25 ноября 1895 года в селении Санаин Алавердского района Армении в семье рабочего-плотника. С юношеских лет он активно включается в революционное движение и всю свою жизнь посвящает делу ленинской партии, борьбе за счастье трудящихся.

В 1917—1920 годах А. И. Микоян принимал деятельное участие в работе большевистских организаций Закавказья, в установлении и упрочении Советской власти в Азербайджане. В 1920 году партия направляет А. И. Микояна в Нижний Новгород для руководства губернской партийной организацией, а весной 1922 года — в Ростов-на-Дону, где он работает сначала секретарем Юго-Восточного бюро ЦК, а затем — секретарем Северо-Кавказского краевого комитета партии.

С 1926 года А. И. Микоян является наркомом внешней и внутренней торговли, затем наркомом снабжения, наркомом пищевой промышленности, а с 1937 года — заместителем Председателя Совнаркома СССР. На этих постах он показал себя крупным организатором, хозяйственным работником, глубоко разбирающимся в проблемах развития экономики.

В годы Великой Отечественной войны А. И. Микоян был членом Государственного комитета обороны СССР, участвовал в решении важнейших вопросов обеспечения Советской Армии всем необходимым для разгрома врага, отдавал много сил и энергии восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

С 1946 года А. И. Микоян — заместитель Председателя, а с 1955 года — первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Одновременно до 1949 года он работал министром внешней торговли, а с 1953 года — министром торговли СССР.

В 1964—1965 гг. А. И. Микоян является Председателем Президиума Верховного Совета СССР, а с декабря 1965 по июль 1974 года — членом Президиума Верховного Совета СССР.

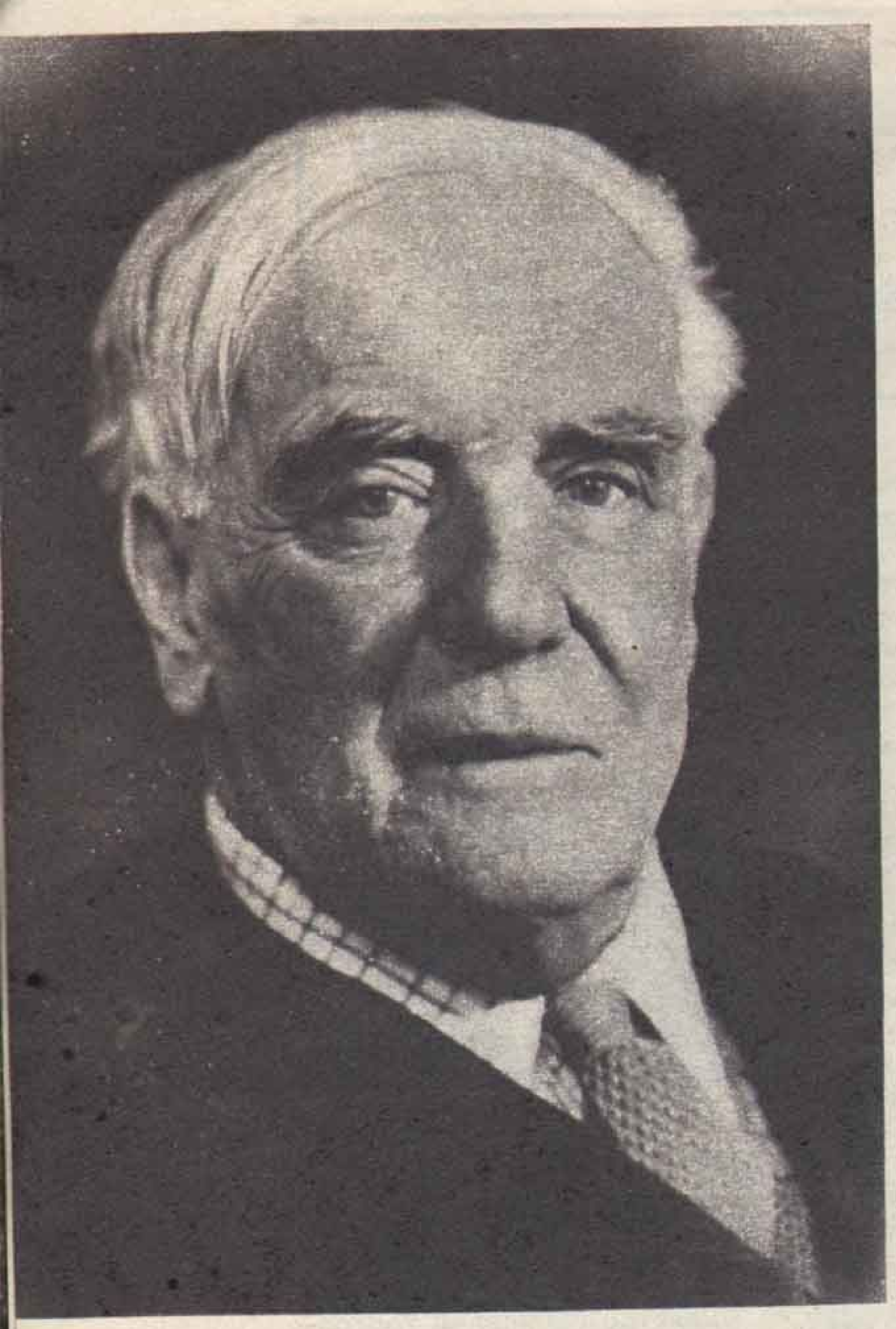
А. И. Микоян избирался делегатом многих съездов партии. С XII съезда — он член Центрального Комитета, с 1926 года кандидат в члены Политбюро, а с 1935 года — член Политбюро ЦК ВКП(б), а затем с 1952 по 1966 год — член Президиума ЦК КПСС.

А. И. Микоян многократно избирался членом ВЦИК, а затем — ЦИК СССР, был депутатом Верховного Совета СССР первого — восьмого созывов.

Заслуги А. И. Микояна высоко оценены Коммунистической партией и Советским государством. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Красного Знамени и медалями.

Светлая память об Анастасе Ивановиче Микояне навсегда сохранится в сердцах советских людей.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, К. У. Черненко, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, Г. Ф. Сизов, Н. А. Тихонов, А. И. Струев, Н. С. Патоличев, М. П. Георгадзе, К. С. Демирчян, Э. А. Шеварднадзе, Б. Е. Саркисов, Ф. Т. Саркисян, И. Х. Баграмян, Н. П. Богданов, А. Ф. Горкин, П. Н. Поспелов.

ПЕТР КАПИЦА — ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

17 октября телеграф принес нам приятное и радостное известие: выдающемуся советскому ученому-физику академику П. Л. Капице присуждена Нобелевская премия за фундаментальные открытия и исследования в области физики низких температур.

Один из крупнейших физиков-экспериментаторов современности, Петр Леонидович Капица внес огромный вклад в развитие физики магнитных явлений, физики и техники низких температур, квантовой физики конденсированного состояния, атомной физики, электроники больших мощностей, физики плазмы.

Весь творческий путь П. Л. Капицы, начиная с момента окончания им в 1918 году Петроградского политехнического института, полон творческого горения. Уже в 1920 году им совместно с Н. Н. Семеновым, впоследствии академиком, лауреатом Ленинской, Государственных и Нобелевской премий, был предложен метод определения магнитных моментов атомов в атомном пучке. В 1924 году Петр Леонидович предлагает импульсный метод получения сверхсильных магнитных полей и создает для этого соответствующую установку, в которой были достигнуты рекордные значения полей. Принцип создания импульсных полей широко используется в практике работы многих лабораторий мира.

Велика роль ученого в развитии исследований в области физики и техники низких температур. В 1934 году он разрабатывает оригинальный метод ожижения гелия, а в 1937 году открывает явление сверхтекучести жидкого гелия, что определило развитие экспериментальной физики низких температур на многие годы вперед. В ходе этих исследований Петр Леонидович проявляет себя не только тонким физиком-экспериментатором, но и талантливым инженером. Открытия ученого в этой области положили начало развитию нового направления в физике — физики квантовых жидкостей.

Разработанный им в 1939 году метод ожижения воздуха широко применяется для промышленного получения кислорода, открывшего эпоху кислородного дутья в металлургии. Все современные ожижители гелия в основе своей также создаются по предложенному им принципу.

В конце 40-х годов внимание П. Л. Капицы обращается к вопросу создания мощных генераторов СВЧ колебаний непрерывного действия, что приводит его затем к новому направлению исследований — поискам путей осуществления управляемого термоядерного синтеза.

Партия и правительство по достоинству оценили многогранную научную деятельность выдающегося ученого, присвоив ему дважды звание Героя Социалистического Труда, наградив его шестью орденами Ленина.

Вклад П. Л. Капицы в развитие науки был также широко отмечен международной научной общественностью. Он избран действительным или почетным членом академий и научных обществ многих стран, в том числе Лондонского Королевского общества, Королевской академии наук Дании, Национальной академии наук США, Королевской Ирландской академии наук, Американской академии искусств и наук в Бостоне, Королевской Нидерландской академии наук, Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (ГДР), Польской академии наук, Сербской академии наук и искусства. Ему присвоены степени почетного доктора наук многих зарубежных университетов, а также присуждены награды зарубежных университетов и научных обществ.

П. Л. Капица не только выдающийся ученый, но и крупный организатор науки и общественный деятель. Он основатель и директор Института физических проблем имени С. И. Вавилова АН СССР, член Президиума Академии наук СССР, главный редактор «Журнала экспериментальной и теоретической физики». Он был одним из инициаторов создания Московского физико-технического института, где возглавляет кафедру физики низких температур и координационный совет этого уникального учебного заведения. Большое внимание уделяет он воспитанию молодых научных работников. Он является членом Советского национального комитета Пагуошского движения ученых и активно участвует в этом движении.

Г. СКРЯБИН,
Главный ученый секретарь Президиума Академии наук, член-корреспондент АН СССР

«Я БОЛЬШОЙ ОПТИМИСТ»

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

П. Л. КАПИЦА отвечает на вопросы корреспондента «Огонька» Ирины Гардениной.

— Петр Леонидович, в последние годы вы уделяете главное внимание физике плазмы и управляемого термоядерного синтеза. Весь мир возлагает большие надежды на успехи в этой области, поскольку решение проблемы даст буквально неиссякающий источник энергии. Чего достигли в этой области советские ученые?

— Когда человек начинает идти по очень длинной и трудной дороге, ему трудно сказать, сколь быстро он дойдет до цели. Однако могу сказать: теперь мы знаем, что путь выбран правильно. Поскольку я большой оптимист, то думаю, что уже к началу будущего столетия человек научится управлять термоядерной реакцией, решив тем самым на многие века вперед энергетическую проблему.

— Вы удостоены Нобелевской премии вместе с американскими коллегами — доктором Арнольдом Пензиасом и доктором Робертом В. Вильсоном. Что вы можете сказать о международном сотрудничестве ученых?

— Прежде всего скажу, что горячо поздравляю моих американских коллег нобелевских лауреатов этого года.

Что касается международного сотрудничества в области науки, то оно имеет две стороны. Самое главное — мы помогаем друг другу, обмениваемся опытом, научными трудами, обсуждаем результаты исследований, встречаясь на различных симпозиумах, конференциях и конгрессах. Мы не таим секретов друг от друга. С другой стороны, мы соревнуемся. И это очень полезно, но лишь в том случае, если соревнование в лучшем смысле носит спортивный характер. Иными словами, ученые соревнуются как друзья, в то же время помогая друг другу продвинуться к решению задачи. Благодаря такому сотрудничеству мы получаем очень многое — экономим человеческие и материальные ресурсы и выигрываем время.

— Вы являетесь одним из активных участников Пагуошского движения ученых, выступающих за мир, разоружение и международную безопасность, за предотвращение термоядерной войны и за научное сотрудничество. Движение началось в 1955 году. Как развивается оно сейчас, в связи с опасностью использования нейтронного оружия?

— Ваш вопрос, мне кажется, сводится к проблеме социального долга, к гражданственной позиции ученого. Пагуошское движение было создано как заслон против термоядерной войны. Опасность такой войны, невзирая на определенные успехи в политической разрядке, не уменьшается, а, напротив, возрастает. Агрессивные силы стремятся наладить производство новых видов оружия массового уничтожения. В такой обстановке ученый-гражданин не может молчать. Его обязанность — аргументированно заявить, что ядерная война означала бы уничтожение человеческой цивилизации. Ведь только ученые располагают достаточными знаниями и данными. Только они могут с фактами в руках показать народам, куда их заведут безответственные деятели, заботящиеся лишь о сверхприбылях и собственной власти. Вот почему я принял предложение участвовать в работе Стокгольмского международного института исследования проблем мира. Этот институт является международным учреждением, объединяющим ученых и издающим их труды, касающиеся проблем сохранения мира. Публикации института содержат массу ценных сведений о затратах на гонку вооружений. Эти труды являются важным подспорьем для всех людей, выступающих за мир и разрядку.

— Петр Леонидович, вы почетный член Шведской королевской академии наук, которая присуждает Нобелевские премии. Как развиваются ваши контакты со шведскими коллегами?

— Наука соседней Советскому Союзу Швеции дала много блестящих имен, и я сейчас с радостью вспоминаю мои давнишние встречи, например, с физиком Сванте Аррениусом. Когда я работал в 30-х годах в Кембридже, в Англии, вместе с Резерфордом, то мне довелось слушать интересные лекции шведского коллеги Те Свердберга. Я не раз виделся и знаком с работами 92-летнего шведского физика Карла Манне Зигбана. Мы дружим и часто встречаемся и в Швеции и в нашем институте в Москве с Ханнесом Альвеном и Эриком Рюдбергом. И сейчас я с радостью жду новой поездки в Швецию, на этот раз на церемонию вручения Нобелевской премии, происходящую десятого декабря, и новых плодотворных контактов с учеными Швеции.

— И последний вопрос, непосредственно о вашей работе, удостоенной Нобелевской премии. Прошло сорок лет со времени, когда вы открыли сверхтекучесть гелия. Каково ваше мнение о значении этого открытия для развития науки и техники в течение последовавших затем четырех десятилетий?

— Эта область науки развивается очень быстро. Развитие заметно ускорилось после того, как начали использовать гелий-3, получаемый в ядерных реакторах. Гелий-3 и гелий-4 очень интересные вещества — квантовые жидкости. Гелий-3 открыл возможность получения сверхнизких температур и ряда других эффектов квантового характера.

Я занимался не только фундаментальными научными проблемами, но и их техническими решениями. В области техники низких температур мне удалось добиться двух важных вещей.

Во-первых, был создан гелиевый ожижитель с так называемым поршневым детандером, что дало возможность быстро и экономично получать жидкий гелий в достаточно больших количествах. Это играет важную роль для создания сверхпроводящих магнитов — основной части ускорителей и многих других физических установок.

Во-вторых, был разработан высокоэффективный турбодетандер, обеспечивающий установки как для получения жидкого воздуха, так и для разделения воздуха. Это необходимо для получения больших количеств газообразного кислорода. Газообразный кислород используется в металлургии в Советском Союзе и во всем мире для выплавки стали высших марок. Интересно отметить, что экономический эффект получения газообразного кислорода в установках низкого давления в нашей стране составляет сотни миллионов рублей.

Так наука непосредственно участвует в повышении промышленного потенциала страны.

ПАМЯТНАЯ ДАТА

В. МАРЬИНА,
старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР

Утром 28 октября 1918 года Прагу облетела весть о капитуляции Австро-Венгрии перед союзниками. Тысячи пражан вышли на улицы города, восприняв это известие как крах «лоскутной монархии» и избавление от ненавистного ига Габсбургов. Ликование было всеобщим и бурным. Прекратили работу все предприятия города. Участники стихийных манифестаций срывали с государственных учреждений и общественных зданий символы монархии — гербы и черно-желтые австрийские флаги. На фасадах домов и балконах вывешивались красно-белые чешские национальные флаги. Закрашивались надписи и объявления на немецком языке. Люди собирались толпами и пели национальные песни. Особенно часто слышна была мелодия чешской национально-патриотической песни «Где мой дом?», которая впоследствии легла в основу государственного гимна Чехословакии. На стихийных митингах ораторы провозглашали создание самостоятельной Чехословацкой республики. Еще днем вышла чешская социал-демократическая газета «Вечерник права лиду» с заголовком: «Безоговорочная капитуляция Австро-Венгрии, конец войны, конец Австро-Венгрии».

Австрийские власти, потерявшие контроль над чешскими землями, не в силах были воспрепятствовать национальным манифестациям. Главной тактической задачей чешской буржуазии было организовать «национальную революцию» с разрешения австрийского правительства. В переговоры с ним вступил Национальный комитет, созданный буржуазией для овладения национально-освободительным движением. Национальный комитет заявил, что «в интересах сохранения спокойствия и порядка» он вынужден полностью взять власть в свои руки.

Чешские буржуазные политики, вступив в соглашение с австрийскими военными властями, опираясь на поддержку пражской полиции и мобилизовав членов спортивного общества «Сокол», сделали все, чтобы свести выступление масс к безобидным демонстрациям. «Мы решили,— признавался один из чешских буржуазных деятелей,— найти оркестры, которые маршировали бы по городу, чтобы энтузиазм народа был введен в нормальную колею и народ разрядил свою энергию в пении патриотических песен».

В 6 часов вечера 28 октября был принят документ, который вошел в историю как Первый закон Чехословацкого государства. В нем заявлялось, что Национальный комитет становится временным носителем верховной государственной власти в стране. Все существующие законы сохранялись. Главной целью этого документа, по словам одного из его авторов, было — «чтобы 29 октября работа шла так, будто революции совсем не было».

28 октября стало официальным днем рождения Чехословацкого государства. Но фактически вопрос о его образовании был решен еще раньше, и не господами из Национального комитета, а чешскими и словацкими трудящимися. Главную роль в распаде Австро-Венгрии и создании Чехословакии сыграло широкое социальное и национально-освободительное движение народных масс, развернувшееся к концу войны под влиянием ее тягот и особенно усилившееся под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции.

Самой активной силой в антивоенной, социальной и национальной борьбе народных масс был рабочий класс. Горячими пропагандистами революционных идей становились возвращавшиеся из России бывшие военнопленные — свидетели и участники происшедших там событий. В течение 1918 года по всей Австро-Венгрии (в том числе по чешским землям и Словакии) прокатывались забастовки, носившие не только экономический, но и политический характер, вспыхивали восстания в армии и флоте, проходили многочисленные антивоенные демонстрации. Особенно много стачек было в промышленно развитых чешских землях. Именно чешские рабочие выдвинули требование «создания самостоятельного Чехословацкого государства, опираясь на великую идею русской революции и право на самоопределение всех наций Европы». Возглавлявшие рабочее движение социал-демократические партии были заражены оппортунизмом и шли в фарватере буржуазии, а левые, революционные силы в них только начали формироваться и были слабы. Поэтому буржуазным кругам удалось захватить руководство освободительным движением. Их политически наиболее активные представители за границей — Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и М. Штефаник — создали в Париже Чехословацкий национальный совет, который в сентябре 1918 года был преобразован во временное чехословацкое правительство и признан державами Антанты и США.

Внутри страны, также руководимые представителями буржуазии, действовали Национальный комитет и Словацкий национальный совет.

Решающее значение в образовании Чехословакии имели события 14 октября 1918 года. В этот день чешские земли были охвачены всеобщей забастовкой протеста против вывоза австрийскими властями продовольствия, промышленного оборудования и железнодорожного парка. Под влиянием левых социал-демократов, виднейшим представителем которых в ту пору был Б. Шмераль, впоследствии один из основателей Коммунистической партии Чехословакии, забастовка переросла в массовое политическое выступление. В ряде мест произошли стычки забастовщиков и демонстрантов с войсками и полицией. Во многих городах Чехии и Моравии участники демонстраций и митингов провозглашали создание Чехословацкой республики.

Забастовка и массовые политические выступления 14 октября из-за предательства и оппортунизма социал-демократических вождей не привели к гегемонии пролетариата в развертывавшейся революции, но они нанесли сильнейший удар по монархии и сыграли решающую роль в определении формы Чехословацкого государства как республики.

28 октября по образцу пражского был создан Национальный комитет в Брно, который взял политическую власть в Моравии. 29 октября весть о провозглашении в Праге Чехословацкого государства дошла в Словакию. 30 октября в Турчанском Мартине Словацкий национальный совет, состоявший в большинстве из представителей различных буржуазных групп, принял Декларацию словацкого народа, в которой фактически было выражено желание словаков войти в состав нового государства.

Так в октябре 1918 года в Европе родилось новое государство — Чехословацкая республика. Три цвета красно-бело-синего знамени символизировали объединение в общих границах Чехии, Моравии и Словакии. Гегемония буржуазии в национально-демократической революции предопределила возникновение Чехословакии как государства финансового капитала. Но, несмотря на это, создание самостоятельного государства чешского и словацкого народов было исторически прогрессивным явлением. Впервые в истории в нем объединились чехи и словаки, два братских славянских народа, чрезвычайно близкие по происхождению, языку и культуре, в течение многих веков поддерживавшие между собой тесные духовные связи.

Лишь два десятилетия просуществовала буржуазная Чехословацкая республика. Мюнхенское соглашение, заключенное в конце сентября 1938 года между Великобританией и Францией, с одной стороны, и фашистскими Германией и Италией — с другой, отдало Чехословакию во власть внешних и внутренних сил реакции и явилось прологом ликвидации ее национальной независимости. Только Советский Союз осудил предательский мюнхенский сговор и предложил Чехословакии руку помощи, которую тогдашние ее правители отвергли.

В марте 1939 года ЧСР прекратила существование как суверенное государство, став очередной жертвой поощряемых западными империалистами немецко-фашистских захватчиков. Шесть лет чешский и словацкий народы под руководством коммунистов сражались с фашизмом, за свою национальную свободу. После освобождения Чехословакии Советской Армией коммунистическая партия возглавила борьбу трудящихся масс против буржуазии, которая стремилась вернуть себе господствующее положение и восстановить домюнхенские порядки. В феврале 1948 года трудящиеся одержали решительную победу над реакцией. Это была победа социалистической революции. Народ Чехословакии приступил к строительству основ социализма. За исторически короткий срок с помощью Советского Союза и других братских стран в Чехословакии были осуществлены коренные политические и социально-экономические преобразования. За тридцать лет после победы в стране социалистической революции достигнут небывалый расцвет экономики, культуры, социалистической демократии. На последовательно ленинских принципах решен национальный вопрос. 28 октября 1978 года исполняется десять лет со дня принятия закона о федеративном устройстве ЧССР, создавшего новые широкие возможности для дальнейшего национального развития и сближения чешского и словацкого народов.

Выступая на торжественном собрании в Праге 31 мая 1978 года, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев подчеркивал: «Нынешний день Чехословакии — это мощная и планомерно развивающаяся экономика; это — передовые наука и культура; это — высокий уровень народного благосостояния; это — широчайшие возможности для развития личности, активное участие миллионов граждан в управлении государственными и общественными делами».

60-летие образования чехословацкого государства трудящиеся страны встречают активной работой по претворению в жизнь обширной экономической и социальной программы, намеченной XV съездом КПЧ. «Мы знаем,— отмечал Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак,— что только в тесном союзе с СССР и другими социалистическими странами мы можем успешно выполнить трудную, но реальную программу, принятую XV съездом КПЧ. Это программа дальнейшего развития социализма, нового подъема нашей социалистической родины, все более полной и богатой жизни чехословацкого народа».

Прага. 1918 год. Первомайская демонстрация.

С ПОБЕДОЙ, АНАТОЛИЙ КАРПОВ!

БАГИО, ФИЛИППИНЫ

Товарищу КАРПОВУ Анатолию Евгеньевичу

Дорогой Анатолий Евгеньевич!

Был очень рад получить Вашу телеграмму. Горячо и сердечно поздравляю Вас с победой в ответственном и нелегком матче.

Вся наша страна гордится тем, что в тяжелой, упорной борьбе Вы проявили высокое мастерство, несгибаемую волю и мужество, словом, наш советский характер.

Уверен, что Вы в дальнейшем умножите свои творческие усилия и внесете крупный вклад в сокровищницу шахматного искусства.

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья, ярких побед во славу нашей великой Родины.

Л. БРЕЖНЕВ

Если театр начинается с вешалки, то спортивное соревнование начинается с прогнозов. Читатель газет, болельщик хочет заранее узнать от специалистов, каков будет исход матча, каковы шансы соперников. Заниматься прогнозами — дело сложное. В спорте так же легко ошибиться, как и в предсказании погоды.

Сделать прогноз накануне матча А. Карпов — В. Корчной было нетрудно. На страницах «Огонька» мы высказали абсолютную уверенность в победе чемпиона мира, отметив, однако, что Карпова ждет нелегкий матч с опасным, опытным противником. В матче на первенство мира слабого соперника быть не может.

Пока в Багио все шло по прогнозам «Огонька», в редакции было тихо. Правда, поступило два-три письма от читателей, которым не нравились «хвастливые» заголовки, как, например, «Парадом командует Карпов». Но если счет 4 : 1 и даже 5 : 2, то кто же командует парадом? Разумеется, Карпов! Один читатель критиковал нас за последнюю фразу в предматчевой статье: «На что, собственно говоря, надеется претендент?» Претендент, разумеется, надеялся на победу. Мы котировали его шансы трезво, а именно: Корчной может рассчитывать на 2 : 6, максимум на 3 : 6.

По ходу спортивной борьбы матч должен был закончиться давно, еще в сентябре. При счете 4 : 1 я находился в Вене. Газеты сообщали, что 20-я партия отложена, и Корчной, вероятно, сдаст ее без игры. Одна венская газета поместила эту информацию под заголовком «Корчной может ехать домой!».

Но, к общему удивлению, чемпион мира выпустил выигрыш в этой встрече и не использовал явно «голевые» моменты в 22-й и 25-й партиях. Претенденту даже удалось снизить разрыв — 4 : 2 — и воспрянуть духом.

Промахи Карпова в сентябрьские дни можно объяснить усталостью чемпиона мира. В предматчевой статье мы, вероятно, немного переоценили физическую форму Карпова, хотя я по-прежнему считаю, что Карпова на измор взять нельзя. Но Анатолий Карпов не Геркулес, не железный человек.

Тут следует сказать, что шахматному миру не нужна изнурительная борьба на выносливость. Матч должен определить, кто лучше играет в шахматы. А это, несомненно, Карпов. Безлимитный матч игрался 51 год тому назад, в 1927 году, в Буэнос-Айресе между А. Алехиным и Х. Капабланкой. Но то, что было приемлемо тогда, не обязательно годится сегодня. Борьба в Багио была современным экспериментом. Оправдался ли он? Вероятнее всего, ведущие шахматисты мира потребуют внести какую-то реформу в регламент проведения матча на первенство мира. Подождем высказываний самого чемпиона мира по этому вопросу.

Золотую медаль чемпиона прикрепляет Анатолию Карпову вице-президент ФИДЕ Б. Кажич.

Фото АП — ТАСС.

Итак, настал октябрь, а борьба продолжалась вовсю. Если чемпион мира временно и расслабился, то в 27-й партии он доводит счет до 5 : 2. Казалось, можно складывать чемодан. Но тут начались такие неожиданности, такие драматические события, какие никому не могли и в голову прийти. Вместо того, чтобы без особенного труда сделать три ничьи, Карпов потерпел три поражения, и невероятное стало фактом: счет сравнялся — 5 : 5. Карпов практически выиграл матч после 17-й партии, тем более после 27-й. Теперь при счете 5 : 5 надо во что бы то ни стало победить вторично, причем в микроматче, в одной-единственной партии.

Бой нервов близился к концу. Нервы сдали у некоторых друзей претендента: они поторопились заключить, что Корчной будет тринадцатым чемпионом мира. Даже на далеком от Багио расстоянии нетрудно было представить себе состояние Карпова. Психологически он попал в невыгодную ситуацию.

Но в эти дни кризиса Карпов отлично понимал, сознавал, что его последние неудачи нарушили сон многих миллионов советских людей, твердо верящих в его победу. Подвести их он не имеет права. Последний бой — Карпов знает эту песню,— он трудный самый. Надо выиграть, обязательно выиграть!

Из практики хорошо известно, как трудно, о, как трудно, выиграть по заказу. Тридцать вторую партию чемпион мира провел по спецзаказу многомиллионной армии советских шахматистов, и не только шахматистов. На эту партию в буквальном смысле слова смотрел весь мир. Для достижения победы в такой решающей схватке надо отдать все силы, пусть последние, надо проявить огромную волю, мужество. Микроматч мог продолжаться долго, но Карпов выиграл его с первой же попытки. Это победоносный, мощный заключительный аккорд, это партия, в которой Корчной был сметен с шахматной доски. Официальную капитуляцию в 32-й партии побежденный объявил 19 октября. Кстати, это день рождения великого Александра Алехина. 19 октября стало днем нового триумфа Анатолия Карпова.

Битва — именно битва — в Багио за шахматной доской закончилась после напряженной борьбы заслуженной, закономерной победой сильнейшего — Анатолия Карпова.

Битва в Багио была и нравственной борьбой, в которой Анатолий Карпов — исключительно корректный спортсмен — победил злобного противника, окруженного себе подобными персонажами.

Чемпион мира имел в Багио двух секундантов — Ю. Балашова и И. Зайцева. Но без преувеличения можно сказать, что секундантом Карпова был весь советский народ. А с таким могучим секундантом нельзя было не победить!

Два гражданина СССР — Владимир Коваленок и Александр Иванченков — «болели» за Карпова в космосе. Рекордсмены космоса радовались за Карпова, который стал дважды чемпионом мира в присутствии председателя Советской шахматной федерации, летчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза В. И. Севастьянова. Скоро В. Коваленок, А. Иванченков и А. Карпов пожмут друг другу руку на родной земле, по которой они так стосковались.

Все хорошо, что хорошо кончается. Анатолий Карпов был и остается чемпионом мира. А если опять же заниматься прогнозами, то — да простят меня осторожные люди — Карпов будет чемпионом мира очень долго. Опасного соперника пока что-то не видно...

Поздравительная телеграмма от Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, полученная А. Карповым, полна теплых, сердечных слов. Она адресована лично Карпову, но беру на себя смелость сказать, что в ней дается лестная оценка самим шахматам, этой мудрой древней игре, и признание их в государственном масштабе.

На груди Карпова сверкает вторая золотая медаль чемпиона мира. Ровно четыре месяца чемпион мира не был дома. Признанного лидера советских шахматистов ждет торжественная встреча в Москве, Ленинграде, в любом городе нашей страны. Нелегкий «матч» Карпову предстоит с журналистами, фоторепортерами. Но он сумеет отразить их штурм, выдержать их прессинг.

Карпова ждет масса телеграмм, писем с выражением восторга. Коллектив нашего журнала присоединяется к огромному количеству поздравлений и искренне, сердечно поздравляет Карпова с победой. Мы бы с удовольствием приветствовали визит Карпова в нашу редакцию, но таких желающих много. Мы подождем. А пока предлагаем всем: дадим Анатолию немного отдыха — он его вполне заслужил...

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель «Огонька»

См. стр. 32.

Красная площадь — сердце нашей Родины. Сюда идут советские люди в самые главные свои дни. Вот и студенты, у которых начался трудовой семестр, пришли на площадь накануне отъезда на ударные стройки.

КОМСОМОЛА ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД

Валерий ГАНИЧЕВ,
главный редактор газеты
«Комсомольская правда»

Значителен и интересен тот факт, что праздничный день рождения Ленинского комсомола отмечают поистине все советские люди. Для многих из них это воспоминание о своей боевой революционной юности, о славных трудовых делах энергичной «комсы», о мечтах и мыслях их молодых сверстников. «С любовью, доверием и требовательностью!» — этот партийный принцип по отношению к молодежи существует в абсолютном большинстве коллективов, в отношениях старших товарищей к своим младшим коллегам по труду, духовной деятельности, творческому поиску. И, наверное, поэтому такой горячий отклик нашла инициатива магнитогорских металлургов: трудовым рекордом комсомольцев всех поколений встретить день рождения комсомола. Это естественно в стране, где более ста сорока миллионов человек прошло через школу комсомола.

В канун 60-летия ВЛКСМ на страницах «Комсомольской правды» появилась рубрика «Авторское право комсомола».

Ленинский комсомол стал инициатором и организатором многих славных починов и начинаний. С его именем связаны известные всему советскому народу слова: ударная стройка, комсомольский штаб, первоцелинник, «Комсомольский прожектор», движение НТТМ — научно-техническое творчество молодежи, ССО — студенческий строительный отряд, пионервожатый, поход по местам революционной, трудовой и боевой славы, ВКШ — Высшая комсомольская школа, БММТ «Спутник»— Бюро международного молодежного туризма «Спутник» и многие другие, вошедшие в обиход наших дней.

Да и сама «Комсомольская правда» рождена поиском и опытом комсомола. Это сейчас кажется совершенно ясным, что у массовой молодежной организации должна быть своя газета, а в начале 20-х годов, когда комсомол под руководством партии переходил на путь активного участия в мирном хозяйственном строительстве, вопрос о выходе центрального массового печатного органа был предметом дискуссий и широких обсуждений. В 1921 и 1923 годах была предпринята попытка выпускать такой орган совместно с Московским горкомом РКСМ. Однако вследствие того, что не была налажена связь с периферией, отсутствовали корреспонденты на местах, не хватало бумаги, эти попытки окончились неудачей. Находились активисты, которые заявляли: «Создавать фантастический комсомольский «Таймс» нам ни к чему». Однако партия видела серьезную необходимость в создании центральной политической газеты Коммунистического союза молодежи. И на XIII съезде партии было принято решение о выходе такого печатного издания. С мая 1925 года газета «Комсомольская правда» выходит как центральный орган ВЛКСМ, флагман всей комсомольской печати страны. За свою более чем пятидесятилетнюю историю газета была боевой трибуной комсомольцев и молодежи страны, поддерживала родившиеся в их рядах инициативы, сама была тоже инициатором многих начинаний, всерьез обсуждала и ставила вопросы, связанные с правами и обязанностями молодого поколения.

Сейчас комсомол имеет боевую программу, поставленную перед ним XXV съездом КПСС, в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, в его речи на XVIII съезде ВЛКСМ.

Программа эта воплощается в жизнь. Героически трудятся молодые первопроходцы БАМа. Наступает один из самых ответственных и боевых периодов: Байкало-Амурская магистраль подходит к Байкалу с севера, началась прокладка многокилометровых туннелей, ответвление от города Тынды вступило в якутскую землю. Растет темп строительства, хотя нисколько не уменьшаются морозы, не твердеют болота, так же коварна вечная мерзлота, так же непроходима тайга. И если растут

темпы, то это значит: крепнут люди, совершенствуется их мастерство, страна постоянно питает «стройку века» всем необходимым.

Комсомол хорошо знает героев БАМа, руководителей комсомольско-молодежных коллективов В. Лакомова, В. Мучицына, Л. Казакова и других упорных и настойчивых, веселых и задумчивых, по-настоящему замечательных бамовских ребят. Люди они требовательные и к себе и к делу, не желающие мириться с недостатками, неполадками и застарелыми методами руководства. Так, недавно с письмом в «Комсомольскую правду» обратился водитель автобазы управления «БАМтуннельстрой» Д. Первак. Член комсомольско-молодежного коллектива остро поставил вопросы организации труда на стройке, ремонта и эксплуатации дорог, улучшения быта водителей дальних рейсов. «Для устранения недостатков, которые я назвал,— писал Д. Первак,— требуются не столько капитальные вложения, сколько разумный хозяйский взгляд, заинтересованность, контроль за выполнением хороших решений». Молодой последователь героев первых пятилеток ставил вопросы с заинтересованностью и требовательностью, с уверенностью государственного человека в своей правоте. Комсомольцы семидесятых наследуют боевой дух новаторства и ударничества старших братьев, дух, который породил Алексея Стаханова и Александра Бусыгина, Марию Демченко и Дарью Гармаш, Михаила Довжика и Валентину Гаганову. Нередко и сегодня задается вопрос: а можно и нужно ли в наше время — время деловых, четких ритмов, научной организации труда и напряженного плана — добиваться рекордных результатов, есть ли для этого резервы в коллективе и у личности? Галерея молодых героев, представленных в газете в этом году, показывает, что неистощим источник комсомольского энтузиазма, что сегодня, как и у комсомольцев тридцатых, пятидесятых, рекорд получает массовый отклик, повторение и новый его штурм.

О выполнении планов трех лет пятилетки к 60-й годовщине комсомола рапортуют молодые строители БАМа, обеспечившие проведение первого эшелона с южноякутским углем, строители Нурекской и Зейской ГЭС, давшие ток на очередных агрегатах, металлурги комсомольской Магнитки, досрочно выпустившие 250-миллионную тонну проката. Рекорд становится нормой молодых.

В дни, предшествовавшие XVIII съезду ВЛКСМ, молодой шахтер из Донбасса Михаил Михайлов добился выдающегося результата, перекрыв плановое задание в 18 раз. Этот действительно ошеломляющий результат в честь комсомольского съезда мог бы показаться неправдоподобным, если бы не рекорды других молодых шахтеров, да и самого Михаила, установленные в ответ на это достижение. Молодой коммунист, член бюро Донецкого обкома комсомола, студент, Михаил Михайлов достойно принял стахановскую эстафету.

Или перейдем с фронта промышленности на фронт сельского хозяйства.

Жатва в этом году была необычно сложная. Да простых жатв и не бывает, разве что когда суховей или непогода проведут эту работу за человека. Но тогда легкость уборки оборачивается горем. В этом же году полновесный колос требовал к себе и полновесного напряженного отношения. Жатва выдвинула новых героев, их имена узнала страна, и радостно, что среди них немало молодых.

Возьмем двух героев жатвы-78... Хозяином земли по праву называют Николая Нетесова, бригадира механизаторов из деревни Шестаково, Бобровского района, Воронежской области. Не сразу пришло умение и слава к парню. Любовь к земле, мастеровитость, хорошая комсомольская закалка утвердили его в звании истинного хлебороба, бригадира над бывалыми и умудренными механизаторами. За прошлые успехи Николай уже получил орден Ленина. Урожай этого года пришлось вырывать у природы от весны и до осени. И эти усилия были не напрасны. Бригада, которую возглавляет знаменосец XVIII съезда ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР Николай Нетесов, собрала рекордный урожай. Воронежский обком ВЛКСМ учредил именной приз Н. Нетесова лучшему молодому механизатору. Как видим, есть свои признанные герои у молодежи семидесятых.

На II пленуме ЦК ВЛКСМ неторопливо и уверенно выступил звеньевой комбайнеров Владимир Пряхин.

— Соберем богатый урожай,— сказал он, хотя до уборки еще было много времени.

Но Владимир знал, что уберут, потому что был уверен в себе и своих ребятах. Добавлю: накануне страды Пряхин перешел работать в отстающее хозяйство. Такая уверенность бывает далеко не у каждого руководителя и родиться может только там, где все делят сообща: успех и неудачу, труд и отдых. Хотя, честно признаться, последнего в дни жатвы было не так много, работали иногда круглые сутки, отдыхая по два-три часа, да и то для подгонки комбайна. Выращенный урожай — это результат одухотворенного коллективного усилия, мастерства, совершенного владения техникой, комбайном, который лауреат премии Ленинского комсомола, член ЦК ВЛКСМ Владимир Пряхин чувствует, как говорится, нутром. И это умение ладить с людьми, владеть техникой и позволило Владимиру и его звену добиться выдающегося результата — выдать 80 тысяч центнеров зерна из бункеров комбайна. В тот же день Бюро ЦК ВЛКСМ наградило Пряхина Почетным знаком ВЛКСМ.

Одна из героинь хлопковой страды этого года — Айсара Арзакулова, руководитель комсомольско-молодежного звена совхоза имени 5-летия Узбекистана, Ташкентской области. Она окончила курсы механизаторов, получила право управлять хлопкоуборочной машиной. В прошлом году она выгрузила из бункера своего комбайна двести двадцать тонн хлопка. Отлично идут у девушки дела и сейчас. Следуя ее примеру, пошла учиться на курсы и младшая сестра — Гульнара. Брат Абдумалик работает в поле рядом с Айсарой.

Принято, что на ударное строительство молодые отправляются в дальние края, перемещаются с обжитых мест в районы суровые, малопригодные для жилья. Но вот уже несколько лет аншлаги комсомольских газет, обращенные к молодым, гласят: «Ударная — за околицей села». Эти слова обращены к комсомольцам Нечерноземья.

Здесь сегодня развернулась по указанию партии и правительства целеустремленная работа по подъему села, его экономики и культуры. Это исторические и героические места России, не раз воспетые Пушкиным и Тургеневым, Толстым и Буниным, Горьким и Твардовским.

Жестокая война разорила землю, уничтожила большую часть населения. Еще и сейчас можешь встретить на Смоленской и Брянской земле на месте бывших сел лишь холмики, поросшие травой. Значит, сюда уже никто не вернулся, да и не мог... Помните, из стихотворения М. Исаковского: «Хотел я выпить за здоровье, а должен пить за упокой». Но упокой земли не состоялся. Человек снова работает на ней. Сделать предстоит еще очень много. Вот почему этот край, его стройки объявлены комсомольскими ударными. Важно, чтобы на этой земле оставалась молодежь, чтобы она не отправлялась за тридевять земель в поисках хорошей жизни, а творила ее в родном краю. Поэтому столь широкий отклик получило обращение товарища Л. И. Брежнева к костромским школьникам, изъявившим желание остаться после окончания учебы у себя на селе. Важность этого почина была подчеркнута еще раз на XVIII съезде ВЛКСМ в речи товарища Л. И. Брежнева. За два года по примеру своих костромских сверстников 600 тысяч школьников остались в родных селах.

Костромичи много сделали и до этого, чтобы молодежь не уезжала из села. Но после съезда комсомола те из бывших школьников, кто прошел через сложности психологической неуверенности и уже выдержал испытание временем, поработал несколько лет, освоил специальность,— эти юноши и девушки с полным основанием взяли на себя новую ответственность за выпускников этого года. Эта «товарищеская педагогика» вошла составной частью в те инициативы и почины, которые проявляет комсомол на всех участках коммунистического строительства, что делает его верным помощником партии.

Возьмем еще один факт, который о многом говорит. Делегат XVIII съезда ВЛКСМ, механизатор-мелиоратор из Калининградской области А. Богатырев обратился с открытым письмом к своим коллегам-механизаторам, которые сейчас ведут осушение болот, выкорчевывают кусты, подготавливают к посевам землю. «Кто ты — хозяин или прохожий? Как ты относишься к земле?» — поставил вопросы А. Богатырев. Было очень много откликов. С этой повесткой дня прошли комсомольские собрания. Но был еще один важный аспект письма. А. Богатырев резко критиковал ведомства, проектные институты за недостатки в подготовке и обучении молодых рабочих, строительстве культурно-бытовых объектов, плохое качество некоторых проектов и т. д. Высказал он и серьезные пожелания в адрес «Главнечерноземводстроя». Богатыреву ответили. Организации разработали необходимые меры. Коллегия министерства по письму комсомольца приняла развернутое решение. Мы опубликовали ответы, взяли их под контроль. Вроде бы ничего особенного. Это факт нашей жизни. Но именно этот факт потряс на фестивале в Гаване моего зарубежного коллегу. «Министерство отвечает рабочему!— удивился он.— И отвечает всерьез, принимая меры и ставя себя под контроль общественности. Я думаю, что в нашем западном обществе разглагольствования о «правах человека» рабочий и не подумает обращаться к министру. Он знает, что ему или не ответят, или он попадет под фонтан социальной демагогии».

В здании ЦК ВЛКСМ есть мемориальный зал, где находятся святыни Ленинского комсомола, его ордена, свидетельства героических подвигов сынов коммунистического союза. Торжественно проходят здесь подписание соглашений между комсомолом и международными партнерами, встречи с видными людьми страны. Здесь находится Книга Почета ЦК ВЛКСМ и высятся красные бархатные знамена, врученные комсомолу ЦК РКП(б) в 1923 году и ЦК КПСС в год пятидесятилетия создания союза. Шесть десятков лет идет комсомол под славным знаменем коммунистов, служит делу великой партии Ленина.

Комсомол с первых дней своих окреп организационно, неизмеримо возрос образовательный уровень комсомольца. Можно вспомнить: на III съезде РКСМ, где В. И. Ленин сформулировал главную задачу молодежи: «учиться коммунизму»,— процент делегатов с высшим и средним образованием равнялся почти нулю; на последнем, XVIII съезде он составлял 94,3 процента от общего числа делегатов. Только одну привилегию, одно право завоевал за эти годы комсомол: вслед за коммунистами быть первыми в атаке, бою, действии, в трудном деле созидания.

В сознании советских людей прочно утвердился образ комсомольца как человека, беззаветно преданного делу партии, делу Ленина, занимающего активную жизненную позицию, самоотверженно участвующего в коммунистическом строительстве. Достойный гражданин, ударник, оптимист, человек высокого коммунистического духа — таким мы видим комсомольца семидесятых.

Комсомол — юный связной поколений. Прививаемые им качества становятся определяющими на всю жизнь. Миллионы людей с благодарностью вспоминают его школу, школу коммунистического воспитания. И по праву в преддверии праздника нашу Родину назвали страной вечной молодости — страной с комсомольским билетом.

Двадцать две тысячи боевых, беззаветных членов союза были в комсомоле в год его создания. Тридцать восемь миллионов юношей и девушек принимают эстафету через шесть десятков лет. А то, что эта эстафета проносится достойно, еще раз подтвердил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев с трибуны XVIII съезда ВЛКСМ, дав высокую оценку молодому поколению нашей советской молодежи:

«Она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина. Миллионы юношей и девушек показывают образцы мужества, стойкости, верности идеалам Октября. С большим энтузиазмом они работают всюду, где проходит фронт коммунистического строительства, активно борются за выполнение напряженных планов развития страны. Во всякое дело они вносят свой особый романтический порыв и, я бы сказал, молодую окрыленность. За все это спасибо комсомолу, спасибо всем молодым людям Советской страны!»

60 лет ВЛКСМ

НАША МАМА

В нашей семье есть старая, пожелтевшая от времени фотография, которую мы храним как большую реликвию.

На ней М. И. Калинин и С. М. Буденный сфотографированы в Кремле среди делегатов Чрезвычайного XVII Всероссийского съезда Советов в январе 1937 года. Вторая слева от Калинина наша мама, Татьяна Тимофеевна Голубина. Она родилась в простой рабочей семье; окончила школу ФЗУ в городе Сарапуле и в 1934 году по комсомольскому призыву поехала в Новосибирск, на строящийся кожевенно-обувной комбинат. Мама много рассказывала о тех днях, о том, как она усовершенствовала рабочий стол закройщика и стала выкраивать в рабочую смену вместо сорока пяти пар обуви сто.

Рядовая работница, стахановка, комсомолка, которой тогда исполнилось 20 лет, участвовала в обсуждении Конституции России. Именно в те дни и состоялась незабываемая встреча с М. И. Калининым.

В 1938 году — выборы в Верховный Совет РСФСР. Депутатом от Новосибирской области была избрана наша мама. Затем учеба в Промышленной академии, выпускные экзамены в июне 1941 года... Мирный труд, учеба были нарушены войной. Уже 2 октября мама была в действующей армии помощником начальника политотдела фронта по комсомольской работе.

О войне мы с братом знаем по рассказам матери, воспоминания эти интересны, а боевые ордена на ее груди говорят сами за себя. Войну закончила в звании капитана.

После войны мама стала работать на мирном фронте. За хороший труд она удостоена ордена Октябрьской Революции. И сейчас она ведет большую патриотическую и воспитательную работу. Мы гордимся нашей матерью. Молодому поколению нашей семьи есть «делать жизнь с кого», да, наверное, и в каждой советской семье найдется такой человек, биография которого неразрывно связана с биографией нашей страны.

Семья ВОЛКОВЫХ

Новосибирск.

ЧЕРЕЗ КАРПАТЫ

В октябре 1944 года наш 875-й самоходный артиллерийский полк прибыл в предгорья Карпат. До переднего края немногим более 10 километров: слышны глухие раскаты.

Командир полка подполковник Ольховенко вызвал к себе командиров батарей. Его боевая машина стояла у кирпичного дома в тени старого тополя. Командир развернул карту и карандашом указал дорогу, ведущую в горы. Обращаясь ко мне, сказал: «В твоей батарее есть опытные командиры, в горах воевать умеют. Поэтому она первой и пойдет. Только осторожно, чтобы ни одной самоходки не потерять...»

Лейтенант Прокофьев, молодой, красивый, с орденом Отечественной войны на груди, вызвался ехать первым. Его механик-водитель сержант Емец был мастером своего дела, да и воевали они вместе давно.

Самоходки батареи шли в походной колонне. Я на машине Прокофьева. Дорога забита до отказа: люди, автомашины, пушки, и все движется в сторону врага. То и дело сигналим. Вдруг движение остановилось: противник взорвал мост через глубокий, как пропасть, овраг. Мы с лейтенантом Прокофьевым и механиком-водителем пошли посмотреть. Склон оврага был очень крут. Я думал, что самоходка не сможет спуститься, сорвется вниз, но сержант Емец попросил разрешения попробовать. Я согласился, но приказал в самоходке остаться только сержанту. Когда он подогнал машину к пропасти, пехотинцы заохали: загремит водитель!

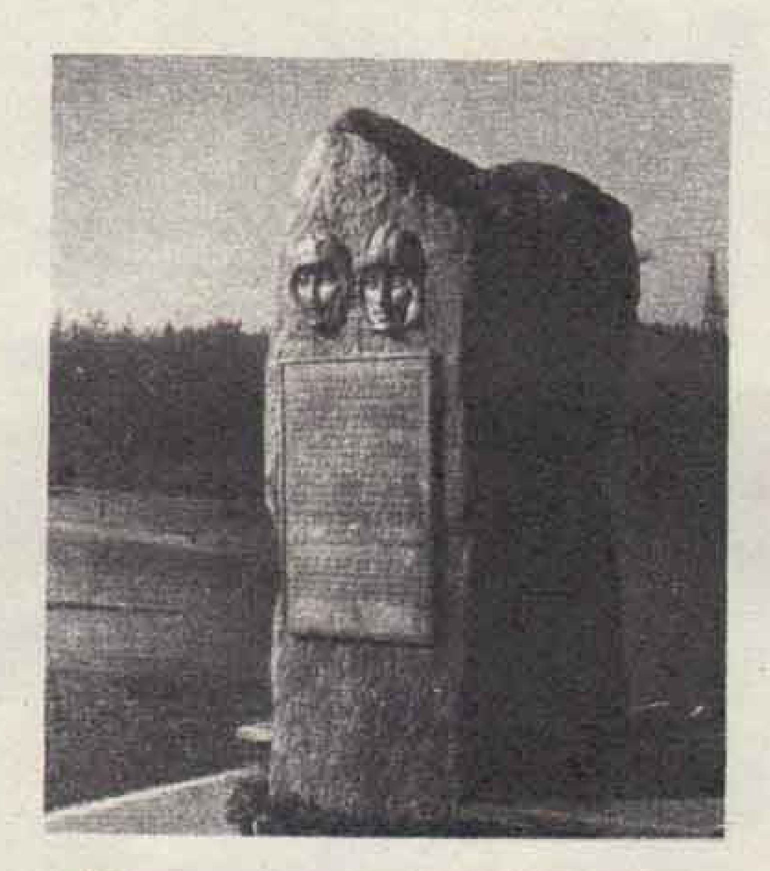
Говоря по совести, я был готов оставить все это. Но самоходка уже начала спуск и плавно наклонилась над обрывом. Вот-вот сорвется! Емец выглянул из люка и осторожно дал газ. Из-под гусениц в пропасть посыпались камни. У меня сердце дрогнуло: ну, думаю, погибает человек! И хоть бы в бою... Но нет! Самоходка тихонько сползала вниз и вдруг, на самом крутом месте, пошла юзом. Я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что, цепляясь гусеницами за каменистый откос, машина неторопливо продолжает движение. Еще немного, и она достигла дна пропасти. Все закричали:

— Молодец самоходчик!

Наша батарея, а за ней и весь полк благополучно преодолели овраг. Задание командования было выполнено.

А. Ф. ЗАБОТИН,
бывший командир батареи СУ

село Борисово-Покровское, Горьковской области.

Обелиск на Ужокском перевале в память советских воинов, преодолевших его.
Фото С. Козлова

КОМСОМОЛЬСКИЙ ЭКПРАВ

Край наш исстари кустарный.

Идешь, бывало, по деревне и видишь, как за полночь тускло светятся замерзшие окошки крестьянских изб и деревянных фабричонок, как движутся по ним тусклые тени работающих.

Тяжел был труд ткача. Работали семьями: на смену уставшему мужу становилась жена, а ее сменяли сын или дочь. Так изо дня в день, из года в год сотни людей деревни Поповкино гнули хребет на сельских богатеев. Такая же картина была в соседних деревнях Волоколамского уезда.

Во время гражданской войны кустарное производство заглохло. Но вместе с нэпом ожили и старые хозяева и их посредники-мастерки. Снова во многих избах застучали станки, завертелись колеса. Кое-кто попытался восстановить старые традиции эксплуатации. Советская власть поднялась на защиту ткачей. Был организован групповой комитет текстильщиков, председателем которого избрали ткача Василия Дрычкова. На помощь сельскому Совету и профсоюзной организации пришли и комсомольцы, молодые ткачи Павел Леонов, Николай Липатов, Петр Желаннов и другие.

Коммунист у нас в то время на всю волость был только один, заведующий избой-читальней Семен Сидорович Зайцев — токарь с московского завода «Серп и молот», присланный на партийную работу в деревню.

Сил было явно мало, а работы непочатый край. Чем только не занимались в те годы комсомольцы: оборудовали клуб на 200 мест, открыли две школы и две библиотеки, обучали неграмотных взрослых крестьян, организовали два пионерских отряда и школьный кооператив, текстильную артель. Но, пожалуй, самой трудной была работа экправа — защитника экономических и правовых интересов трудящейся молодежи от кулацкой эксплуатации.

Безработица в те годы была бичом. Многие ткачи так думали: «Не даст хозяин работы — куда пойдешь?» — и терпели любую несправедливость. Порой комсомольским активистам приходилось самим ходить по улицам деревень, высматривать, где окна светятся допоздна, прислушиваться, где стучат станки.

Утром экправ Илья Силаев идет к хозяину Кудрявцеву.

— Кабалин от вас работает?

— Что вы? Не-ет,— отнекивается хозяин.

— Ну, если не от вас, значит, основа, уток и одеяла, которые у дяди Ивана, тоже не ваши.

Увидев, что грозит убыток больший, чем налог или взнос в кассу соцстраха за этого ткача, хозяин наконец сознается, что Иван Кабалин работает от него. Тут же посылали за ткачом, составляли трудовое соглашение, и ткач-кустарь, работавший нелегально, становился советским рабочим и членом профсоюза текстильщиков.

Вполне понятно, что у экправа было немало врагов. Ему грозили вооруженной расправой, поджигали дома, подстерегали ночами на узкой дорожке.

Раз приехал в деревню корреспондент «Крестьянской газеты» и пришел к экправу ночевать.

— Как тут у вас с классовой борьбой? Не стреляют? Не убивают? — с ходу спросил он.

— Нет, у нас тихо,— успокоил его экправ.

Поужинали, легли спать. Ночью их разбудил набат.

— Вставай, горим!— крикнул экправ.

Выскочили в проулок, увидели, что горит соседний, набитый пенькой овин. Ветер нес поток искр на избу экправа. Расчет врагов был прост: спалить дом комсомольского активиста, а заодно и сарай, набитый колхозным клевером. Хорошо, подоспели соседи и общими силами потушили пожар.

В таких условиях боролись комсомольцы двадцатых годов за новую жизнь деревни.

И. СМИРНОВ,
бывший комсомолец,
член КПСС с 1924 года

Илья Силаев — комсомольский экправ (с л е в а) и его друг Миша Корнилин.

Ленинский — такое имя по праву принял Союз молодежи, рожденный молодой Советской республикой. В. И. Ленин и К. Е. Ворошилов среди делегатов X съезда РКП(б).

ФОТОЛЕТОПИС

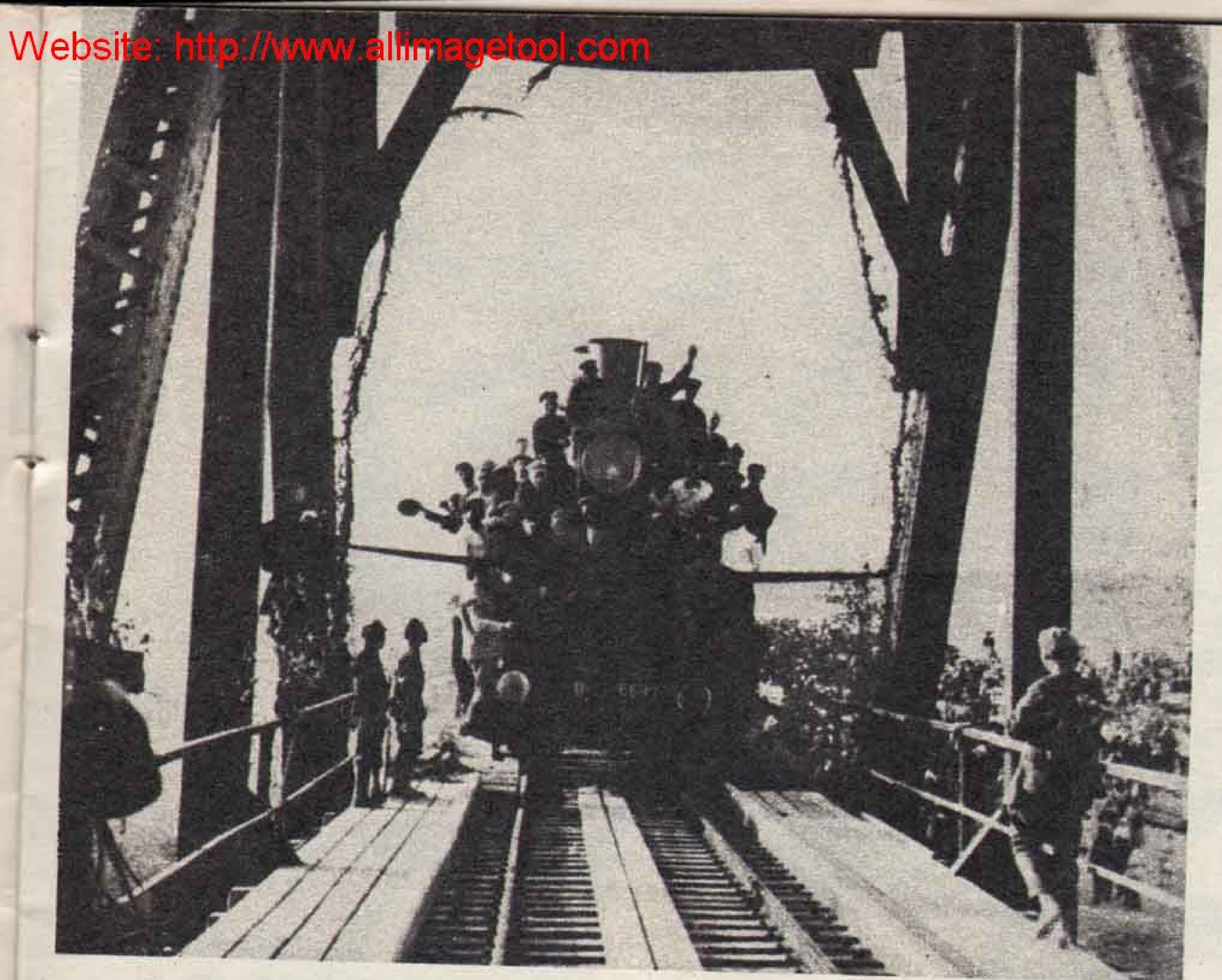

Год 1920-й. Южный фронт гражданской войны. Комсомольцы Первой Конной армии в разведке.

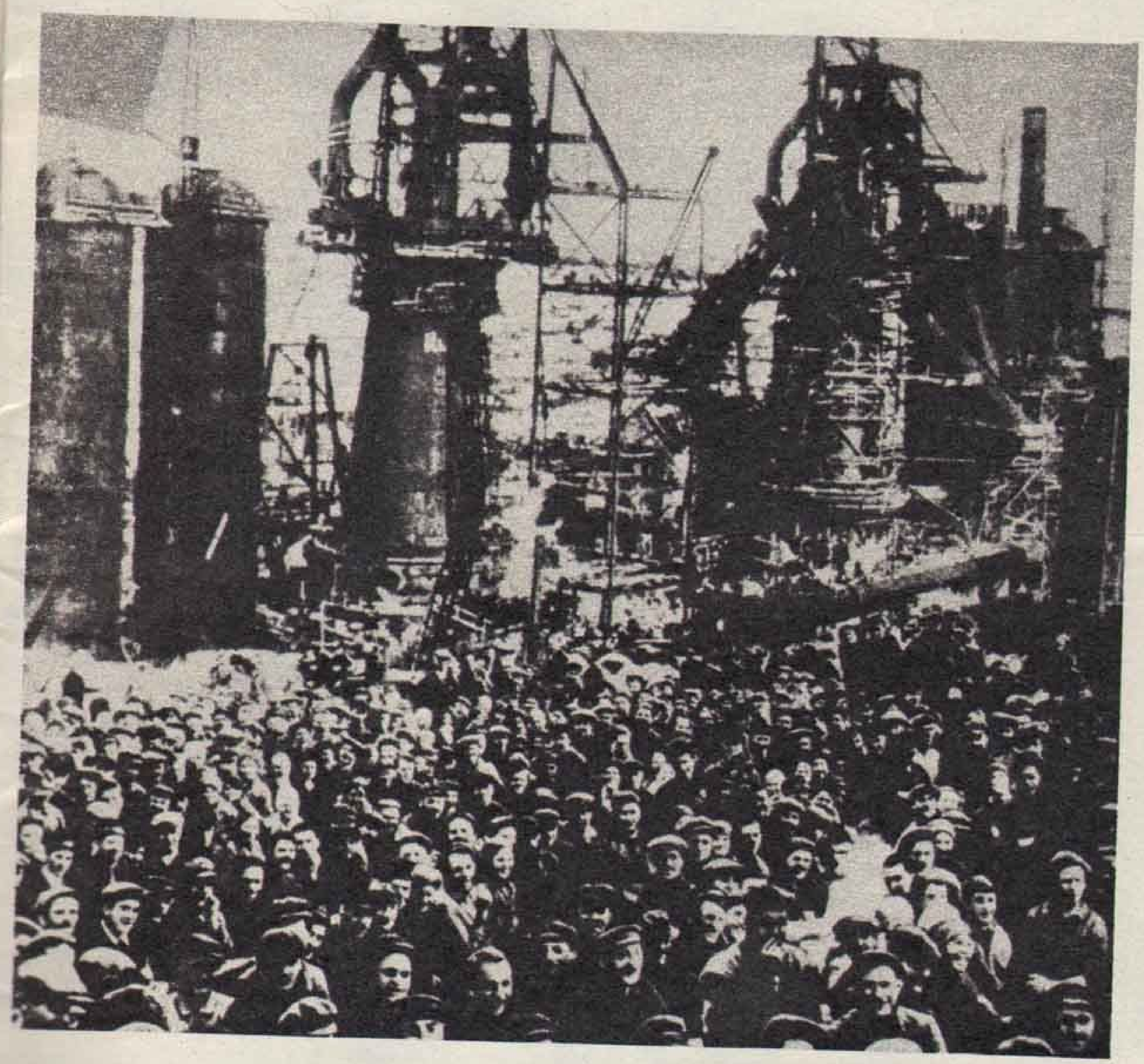

Комсомольцы проложили в барханах Большой Ферганский канал...

Комсомол работал на стройке Турксиба...

Комсомол строил Магнитку...

«Даешь!» Лозунг вчерашнего комсомольца-конника стал лозунгом молодого коммуниста — строителя новой жизни.

Ь КОМСОМОЛА

Девушки-комсомолки внесли в летопись ВЛКСМ свой лозунг: «Даешь Дальний Восток!» По призыву В. Хетагуровой уезжали они к Тихому океану.

Началась Великая Отечественная война. Комсомольцы снова в первых рядах сражающихся.

Комсомольские экипажи танкистов громили врага...

Быстро взрослели молодые воины в суровых буднях войны...

Тыл становился фронтом, на котором сражались женщины, подростки, старики. Вот так руками девушек комсомольско-молодежных бригад ковалась Победа.

Не только в тылу своей страны — на фронтах войны, в подполье, в партизанских отрядах приближали День Победы девушки-комсомолки.

Этот снимок сделан зимой 1945 года. Бригада Полины Шило восстанавливает Днепрогэс.

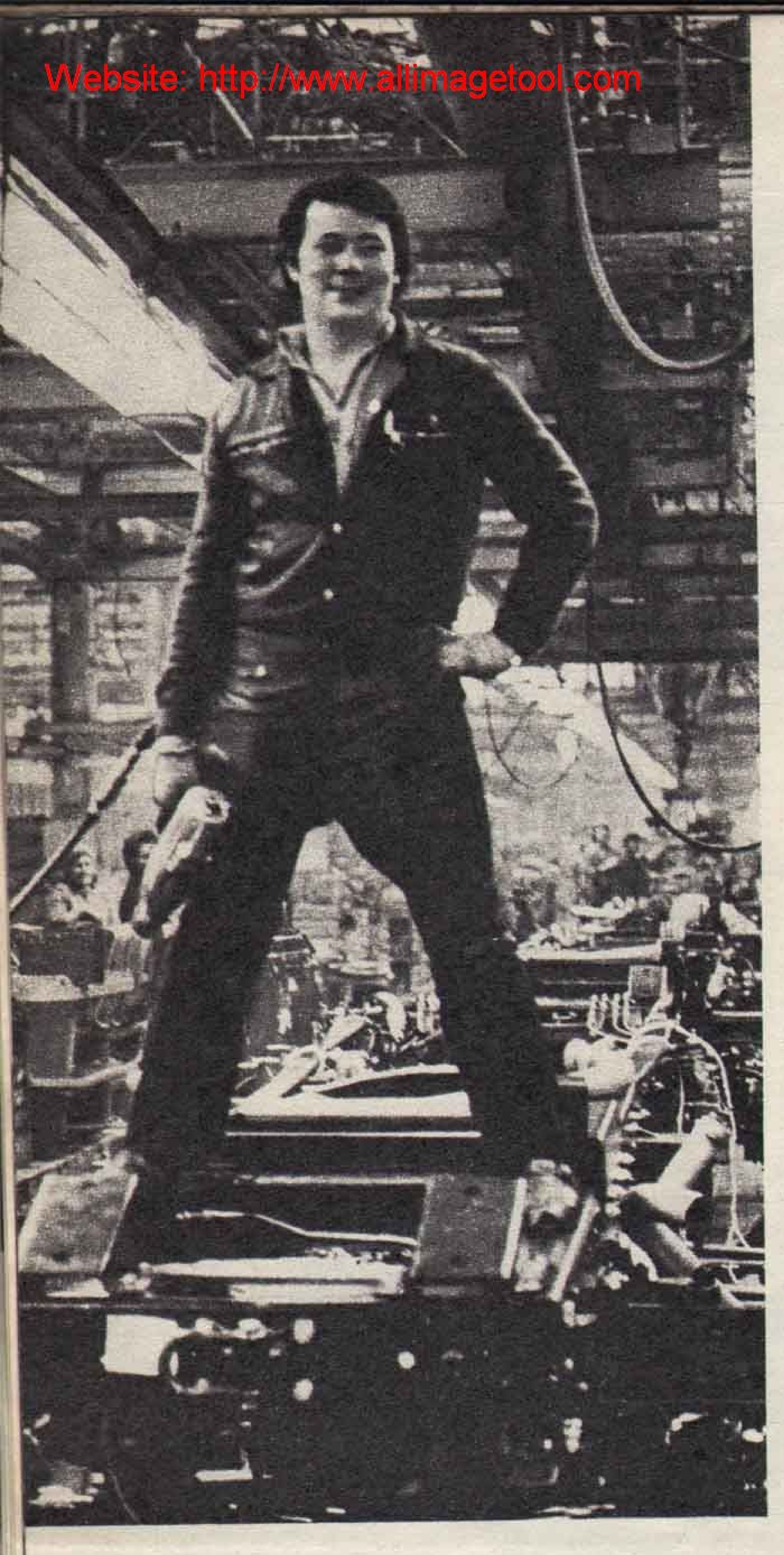

Родине — комсомольский хлеб целины...

Родине — комсомольский уголь Донбасса.

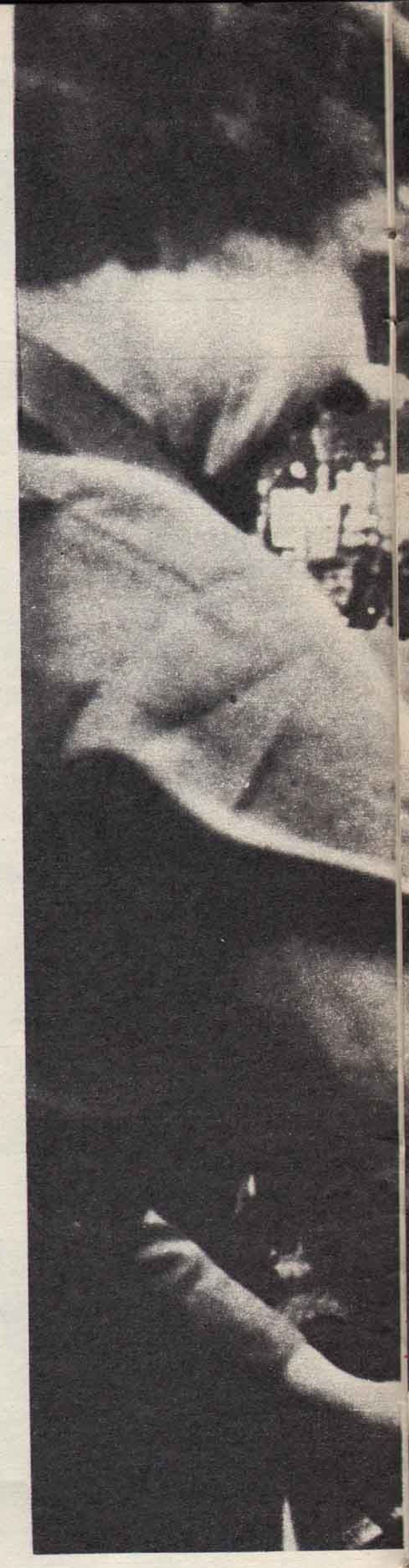
Могучим оружием молодежи стало знание.

Подвиг молодежи наших дней — комсомольский гигант КамАЗ.

Фотографии ТАСС, Центрального Государственного архива кинофотофонодокументов СССР, М. Альперта, Дм. Бальтерманца, И. Гаврилова, В. Кузнецова, А. Морозова, Петра Оцупа, Г. Розова, М. Савина, С. Фридлянда, Е. Халдея.

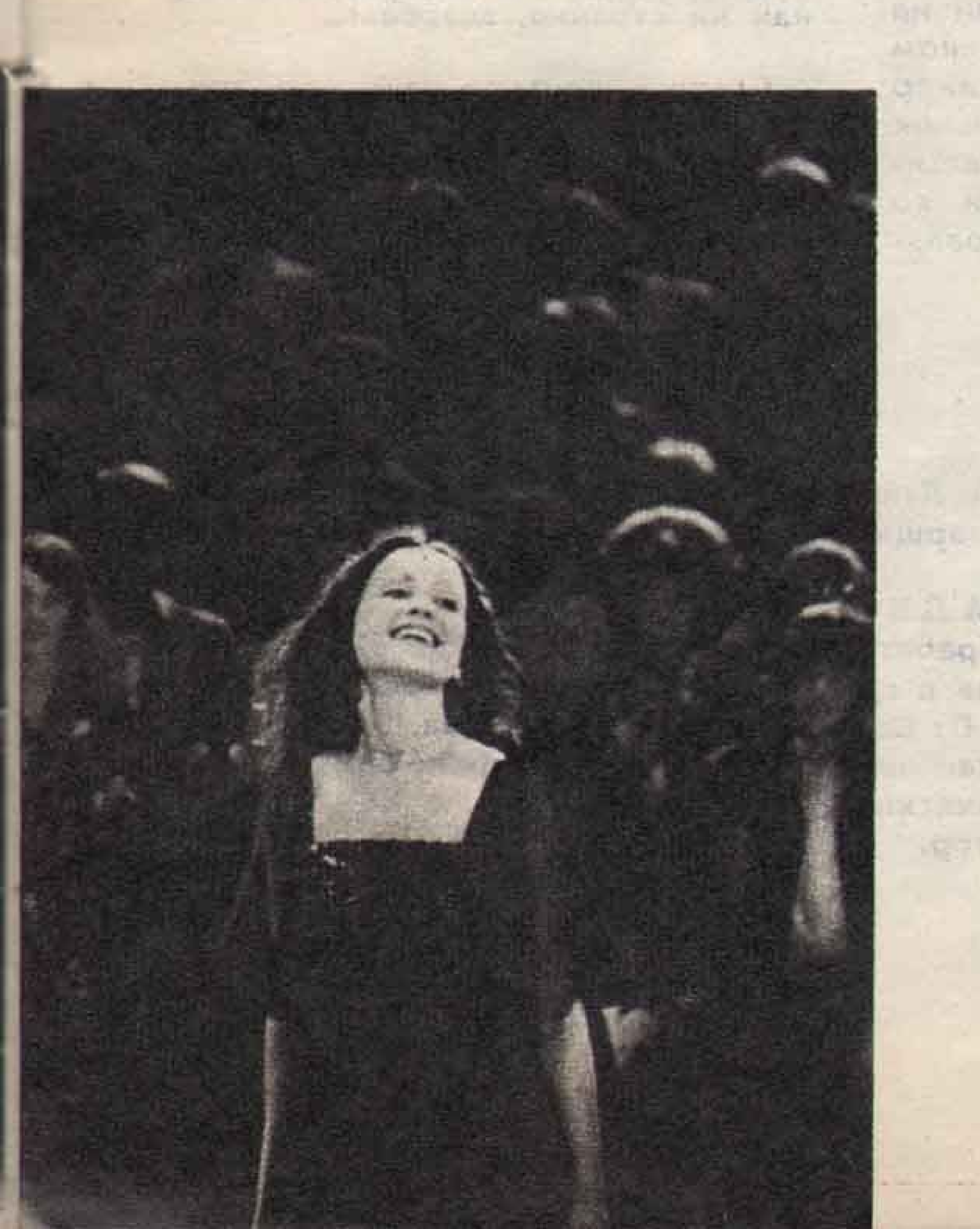
В любой стройке, в любом свершении, в любом завоевании дружной семьи советских республик — весомая доля труда молодежи.

Подвиг комсомола воплощен не только в делах — он в книгах, стихах, песнях.

Москва, 30 апреля 1976 года. Встреча товарища Л. И. Брежнева с рабочими ЗИЛа.

БАМ — это дорога в будущее.

«Уралмаш»! На уникальных станах, сделанных в его цехах, производится восемьдесят процентов общесоюзного автолиста, семьдесят — чугуна и семьдесят шесть — жести, а кроме того, все наши цельнокатаные колеса. «Уралмаш» — это доменное и сталеплавильное оборудование, карьерные экскаваторы, это сто процентов буровых для нефтяных и газовых скважин глубиной более двух с половиной километров.

«Уралмаш» — это девять высоких наград: шесть орденов СССР и три зарубежных. Десятки тысяч мастеров высокой квалификации. Первые ряды советских коммунистов и комсомольцев.

КОМСОРГИ

Н. ХРАБРОВА,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Надя звонит по телефону в цеха, собирает комсоргов в зал «Д».

...Интересно, кто и когда, на каком торопливом комсомольском митинге произнес неостывающее слово «комсорг»? В духе своего времени слил два длинных — «комсомольский организатор» — в одно короткое, бросил, как искру, зажег юные сердца. Два слога выразили жизненную позицию многих: более 140 миллионов граждан нашей страны за шестьдесят лет существования комсомола состояли в его рядах.

Комсомольским вожаком становятся еще до выборов на собрании: выберут того, к кому пригляделись, кого признали лучшим. Самого честного, чуткого, самого ответственного. Такого, кому несвойственна духовная расслабленность, даже просто успокоенность в материальном благополучии будней. Такого, чтобы умел постоять за честь коллектива. И чтобы с ним можно было идти в разведку, в атаку, на труднейшую стройку и просто на картошку или в турпоход — он зажжет и тебя научит зажечь самый сырой костер с первой спички...

Надя, технический секретарь комитета комсомола, все звонит и звонит: ей надо пригласить в зал «Д» многих.

Я тоже жду своих комсоргов. В комитете комсомола я не очень-то уверенно — ведь полвека прошло — спросила у ребят: а что, если попытаться разыскать комсомольцев старших поколений?

— Не будем пытаться,— ответил Петр Салунов, заместитель секретаря комитета комсомола,— просто позвоним и попросим прийти. Они у нас частые гости. Точнее, не гости, свои.

И они пришли, и я попросила рассказать о главном в их жизни.

ЧТО ТАКОЕ КОМСОМОЛЬСКАЯ РАБОТА?

— Это правильный тон, заданный человеку в юности на всю его дальнейшую жизнь,— считает Сергей Александрович Любимов, старший научный сотрудник Уральского научного центра АН СССР. Сейчас Сергей Александрович занимается проблемами социально-экономического развития городов Урала. А полвека назад, в 1928 году, комсомольцем, молодым инженером — выпускником Пермского политехникума, по путевке Уралобкома прибыл на Уралмашстрой. Вскоре первый комсорг Коля Кондаков уехал учиться, и секретарем комсомольской ячейки избрали Сергея Любимова.

— Комсомольскую работу нам диктовала жизнь, а примеров ее у нас тогда не было,— рассказывает Сергей Александрович.— Мы прислушивались к каждому слову партии, к каждому решению ЦК ВКП(б), все применяли к жизни завода, но, конечно, не механически, а творчески. Огромную роль сыграло в нашей жизни обращение XVI партконференции о развертывании всесоюзного социалистического соревнования. Это было в апреле 1929 года. У меня осталось от тех дней молодое, весеннее ощущение. Мы создавали ударные комсомольско-молодежные бригады.

Ребята из теперешнего комитета комсомола могут подтвердить: те бригады начали отсчет социалистического соревнования на «Уралмаше».

Сергей Любимов был уже коммунистом, работал инженером, когда случилась на заводе беда: сгорел кузнечно-прессовый цех с импортным оборудованием. Не рыдать же было на головешках... Любимов посоветовался с товарищами и предложил: восстановить цех за самые короткие сроки, и притом на советском оборудовании. Сергея Александровича командировали в Москву, к Серго Орджоникидзе. Нарком поддержал, помог с оборудованием. Комсомольско-молодежные бригады «Уралмаша» за месяц на советском электрооборудовании восстановили цех.

— Мы принимали в комсомол самых лучших, грамотных и ставили условие: хочешь быть комсомольцем — учись! Мы умели вовремя оказываться там, где надо,— продолжает Сергей Александрович,— могли, например, ночью поднять весь поселок на разгрузку только что прибывшего эшелона с остронеобходимым кирпичом или металлом. Чуть где появился тревожный сигнал, комсомол выходил в рейд «легкой кавалерии», и я рад, что теперешний «Комсомольский прожектор» интересуется нашим опытом. Мы умели не только работать, но и веселиться. Во всех наших торжествах была комсомольская сердцевина. Заканчивалось строительство шоссе «Уралмаш» — город — мы устроили вечером факельное шествие по его ленте. Доросли до понимания искусства — организовали у себя «Синюю блузу», спектакли ставили, лекции по искусству слушали — наш город славен искусством. «Молнии», «боевые листки» — без этого дня у нас не проходило. А скажите, можно ли считать комсомольской работой организацию технического кружка, где молодежь училась читать чертежи и разбираться в новой технике? Можно. Вот и я так считал и считаю, ведь инициатива исходила от комсомола! Или, например, комсомол берет обязательство — научиться самим — и научились ведь! — вести монтаж импортного оборудования без шеф-монтеров: так мы экономили государству валюту. Разве это не комсомольская работа?..

Конечно, комсомольская! Правильный тон был задан многим поколениям. И не потому ли остался своим человеком у теперешнего комсомола «Уралмаша» Сергей Александрович Любимов, поседевший, но не постаревший комсорг?

КОГДА КОНСТРУКТОРЫ ПЛАЧУТ

Говорит главный конструктор прокатного оборудования «Уралмаша», Герой Социалистического Труда, комсомолец тридцатых годов Георгий Лукич Химич:

— В Свердловске я оказался 1 мая 1929 года. Ехали с приятелем с Украины работать в Сибирь. Вышли из поезда, видим: до Сибири-то не доехали, а уже город, полный заводов, людей, праздничного кумача. Здесь и остались. Сразу после праздника пошли на «Уралмаш». Меня чертежником приняли, а вскоре сам Александр Петрович Банников, начальник строительства, направил на шестимесячные курсы подготовки во втуз. Так я стал студентом Уральского машиностроительного (ныне это Уральский политехнический) института. Учиться было интересно, память у меня недурная: прочитав один раз, мог пересказать почти точно по тексту три страницы. В машиностроении привлекали меня конструкторские проблемы. По окончании института мы вошли в конструкторскую группу при нем, занимались денно и нощно по специальности и — что весьма примечательно — русским языком. На заводе подобралась хорошая конструкторская компания. Много было задумано, многое удалось сделать до войны. А потом 1941-й... Бронь, конечно, нас коснулась, только мы ее ждать не стали: ушли на фронт. Бронь догнала уже в эшелоне, а из эшелона мы сочли возможным не выходить. Так я и провоевал четыре года, был на войне орудийным мастером. Вернулся на «Уралмаш» старшим инженером-конструктором. Работа интереснейшая, все неповторимо, все — самостоятельное, каждый день — творчество.

Конечно, став главным, я занялся вопросами управления и обучения конструкторского коллектива. Но и сам работал как конструктор. Довелось делать универсальный стан для горьковчан, разные толстолистовые станы, рельсобалочный для Тагила. С ним связана смешная история. Это был, собственно, целый цех производительностью в полтора миллиона тонн в год. Собственный вес его — четырнадцать тысяч тонн. Словом, как следует пришлось повозиться. Поехали в Тагил монтировать. И, надо сказать, все хорошо шло, благополучно: смонтировали, помитинговали, торжественно так получилось. А пришли с коллегой в гостиницу и... заплакали в три ручья. Честно говорю, заплакали слезьми... Потом стали разбираться: что это с нами? Усталость, напряжение? Но от этого здоровые мужики не плачут, от этого они спят. Признались друг другу: просто мы поняли, что теперь окончательно разделались с нашим рельсобалочным, насовсем распростились, оставили его, беднягу, детеныша нашего весом в четырнадцать тысяч тонн, в Тагиле. Сейчас вспомню — смешно. А вообще-то за комическим этим случаем можно увидеть и очень серьезное: любовь к своему делу. Чувство это, если оно, конечно, настоящее, заполняет жизнь до краев и дает человеку почти все, что ему нужно: успехи, и счастье, и даже, как ни странно, здоровье...

Степень доктора наук мне присвоили, минуя кандидатскую, за работу «Создание прокатных станов». Все, все связано с прокатом! Звание Героя Социалистического

Ветеран завода Тимофей Лукьянович Олейников вручает комсомольский билет ученику сварщика Алексею Семенову. ✱ Комсорги «Уралмаша».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

На этом станке могут обрабатываться детали весом до 320 тонн. ✱ «Комсомольский прожектор» в цехе сборки крупных узлов. ✱ Комсомольцы разных поколений: П. Васильев, П. Н. Бурнашова, М. Жданов, С. А. Любимов, А. Л. Константинов, Г. Л. Химич. ✱ Инженер Евгений Кирпота определяет механические свойства образцов. ✱ Комсомолка Елена Миронова — конструктор.

УЗТМ
КОНТРОЛЬ
РЕЗУЛЬТАТЫ
РЕЙДОВ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОЖЕКТОР
Молния
ЗАКАЗАМ КМК—
ЗЕЛЕНУЮ УЛИЦУ!
ПЛАН
РАБОТЫ

Труда — тоже за него. И в общем-то, конечно, в связи все с этим же моим делом, десять лет назад на общем собрании АН СССР был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

...Конструкторский труд — специфический. И работа нашей конструкторской комсомольской ячейки складывалась в тридцатые годы тоже своеобразно. Была такая установка: поскольку от нас многое зависит, воспитать в себе и в других мастеров. Вот и выходит: всем я обязан комсомолу.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Уже после войны Полине Ниловне Бурнашовой, контролеру термического цеха «Уралмаша», предложили участвовать в спортивных стрельбах. Почему бы и нет? Согласилась Полина Ниловна. И вскоре стала занимать первые места на районных, на городских соревнованиях. Подходит как-то к ней молодой человек, представляется: тренер по стрельбе, предлагает ее «тянуть на мастера спорта».

— Зачем же меня «тянуть», если я «ворошиловский стрелок»?— удивилась Полина Ниловна. И «тянуть» себя не разрешила.

...Сорок один год назад ехала с Дальнего Востока в Свердловск детдомовская девочка — искать дядю с теткой. Казалось ей, что они замечательные люди и что непременно работают на «Уралмаше». Так и вышло. Полина тоже поступила на «Уралмаш» — ученицей расточника. Потом направили ее в ФЗУ. В училище она вступила в комсомол. С того момента жизнь ее стала причастной всему, что происходило в стране. Ни одна радость Родины не оставила ее равнодушной. И все беды Отечества разделила Полина Бурнашова, член ВЛКСМ с 1938 года. Она с удовольствием вступала всюду, куда в те годы звал комсомол: в кружки МОПРа и ОСОАВИАХИМа, в стрелковый, на курсы санинструкторов и в лыжную секцию. Но вступить — это полдела, вступали многие. Полина же везде занималась и преуспевала. Она была на виду — хорошенькая девушка с нежным лицом, с тяжелой волной волос, в футболке и спортивных тапочках. Казалось, где она появляется — там песня и смех, спортивные успехи, а вечерами — танцы. Казалось, ей всегда и везде будет весело и хорошо.

Но в 1939 году ушла веселая девушка добровольцем на финскую кампанию, санинструктором в 73-й отдельный лыжный батальон. Сырой мороз на финском фронте был намного тяжелее уральского. Трудно приходилось раненым, трудно и санинструктору, с обморожением она попала в госпиталь. А после госпиталя вернулась на «Уралмаш» — учетчицей в лекально-слесарную мастерскую.

22 июня 1941 года Полина снова стала в очередь в военкомат. Послали в госпиталь — в тыловой. Комсоргом. Спасибо за доверие, конечно. Но — не то. Не так ей хотелось воевать. Она направила командованию рапорт, просилась на передовую, писала, что у нее уже есть военный опыт — и не в тылу, а на передовой. Ее и отправили в знакомые места, на Ленинградский фронт, на самую что ни на есть передовую. Снова выносила она раненых с поля боя, а когда было надо, вставала рядом с хирургом — операционной сестрой. Получала ордена. В 1942 году после ранения вышла из госпиталя — вторая группа инвалидности. Поехала в Свердловск, на свой «Уралмаш». Работалось неспокойно, сознание не мирилось со словом «тыл», хотя Полина понимала: какой уж тут тыл, не легче, чем на фронте, разве что не стреляют. И она попросилась в формирующийся Уральский танковый корпус, ушла с ним на Орловско-Курское направление. И легкие ранения были, и потяжелее, и в танке горела. А 25 сентября 1943 года так задело, что чуть не год по госпиталям маялась, в Свердловск вернулась на костылях. И все-таки, как только смогла обходиться без них, снова ушла на фронт и весть о победе встретила в Праге.

После демобилизации снова Свердловск, «Уралмаш». Полина стала контролером термического цеха. Так все послевоенные годы до самой пенсии тут и работала.

— Пора бы мне войну забыть, да не выходит,— говорит Полина Ниловна.— Чуть что — ордена на грудь и пошла: доклады делаю, новобранцев провожаю, в школах выступаю. Секция ветеранов войны поручила мне заниматься военно-патриотическим воспитанием, и я, как прежде, все чувствую себя комсоргом.

ЧУТЬ-ЧУТЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОЖЕШЬ

— Я еще не встречал «старого» комсомольца, который не говорил бы, что его время самое прекрасное, его комсомольская организация неповторима, его комсорг — лучший из лучших.— Тут парторг цеха № 80 Александр Леонидович Константинов улыбнулся:— Я тоже не представляю собой исключения. А коли так, значит, комсомольцам всех шестидесяти лет есть чем и кем гордиться. Если говорить о моем комсорге, то ведь и правда, лучшего я не представляю. Помню, на отчетно-выборном собрании у нас весь зал скандировал: — Воз-дви-жен-ско-го!— вот как мы его повторно выбирали.

Александру Леонидовичу запомнился один славный день в сентябре 1961 года. В Москве проводилось расширенное бюро ЦК ВЛКСМ, приглашены были и передовики производства. «Уралмаш» послал комсомольца Сашу Константинова. Он вошел в зал и увидел лица, знакомые по портретам в «Комсомольской правде». Опустился на свободное место, пригляделся к соседке — оказалось, Валентина Гаганова. В книжном киоске продавались новинки. Выбрал себе несколько, первой схватил «Дорогу в космос» Юрия Гагарина. Смотрит: у всех эта книга в руках — время было такое. Советский Союз открыл космическую эру. И космонавт № 1 — такой же парнишка, из ремесленного, как и большинство собравшихся в этом зале.

— Каждый из нас должен достичь своей высоты,— говорили на совещании молодые рабочие.— Просто хорошо работать — этого нынче мало. Надо стремиться сделать хоть чуть-чуть больше, чем можешь.

Потому так и запомнилось совещание, что позвало оно вперед. Вскоре Саша Константинов поступил в Свердловский машиностроительный техникум, потом окончил его, став техником-технологом. Со станком расстался. Сперва был в цехе инженером по рационализации, затем — мастером. Осенью 1968 года выбрали его секретарем цеховой партийной организации. И вот уже десять отчетно-выборных собраний прошло. Десять лет партийной ответственности за весь цех. Построенный в тридцатых годах, он теперь реконструирован, оснащен станками с программным управлением. Коммунисты в партийной организации — все люди с чувством ответственности, с большим кругозором. Многие ушли отсюда, как из хорошей школы, на руководящую партийную и административную работу. Словом, если судить по видимой части работы — все благополучно. Только не покидает Константинова чувство еще не достигнутой высоты. И, вероятно, никогда не покинет, если уж поставил человек себе задачей — сделать хоть чуть-чуть больше, чем может. А предела этому «чуть-чуть» и нет...

Этой осенью Александр Леонидович в одиннадцатый раз был избран секретарем партийной организации цеха № 80. Выбирали дружно, и он, который раз, вспомнил своего комсорга Сергея Воздвиженского.

ГЛАВНОЕ БУДЕТ ЗАВТРА

— Я групкомсорг сто первого цеха, зовут меня Михаил Жданов. «Уралмаш», можно сказать, для меня друг детства: я рос рядом с заводом, родители мои здесь работают, теперь тоже и Люда, жена. В разговорах окружающих «Уралмаш» если не каждое второе, то уж непременно каждое третье слово. Традиции рабочих династий, всех общественных организаций здесь таковы, что словно бы заранее предопределяют судьбу молодых — вырастешь, и на «Уралмаш». Так было и со мной.

После школы поступил в наше ГПТУ, оттуда со специальностью слесаря-сборщика пришел в сто первый цех. Потом армия, и снова сто первый цех. Рядом новые цеха появились, а в них новая молодежь. И словно заново я открыл свой завод, узнав, что в нашей комсомольской организации десять тысяч человек. Ведь комсомол «Уралмаша» полностью встречается только дважды в год, на ноябрьских и первомайских демонстрациях, иначе мы просто нигде не поместимся! А когда меня избрали групкомсоргом, я понял, что и своих товарищей, цеховых групкомсоргов, тоже далеко не каждый день смогу увидеть всех вместе — нас на «Уралмаше» 560 человек. Заводской комитет комсомола у нас на правах райкома. Большинство ребят в комитете свои, уралмашевские. Почти все инженеры-металлурги или конструкторы, поработали в цехах, хорошо знают завод, и на заводе их знают. Между прочим, придя сюда из цехов, они не только в зарплате потеряли, но и инженерную квалификацию теряют. Мы-то знаем, что для инженера это непросто. Но жалоб не услышишь: ребята здесь не потому, что так «надо», не только по чувству долга, но и по призванию, по таланту, по идейности. Хорошо, когда есть на кого равняться...

Почему меня избрали групкомсоргом? Выбирают ведь и за то, что работать умеешь, и за то, что у тебя есть общественные интересы. А вот что послали делегатом на XVIII съезд комсомола и там избрали членом Центрального Комитета ВЛКСМ,— так это уж не ко мне, Михаилу Жданову, относится, а к представителю «Уралмаша», словом, это — доверие, которое мне еще предстоит оправдать. Дальше пошло событие за событием: я стал членом советской делегации на Всемирном молодежном фестивале. 5 июля уехал на Кубу, а 6-го дочь у меня родилась. Друзья настаивали, чтоб мы назвали ее Кубиной или Гаваной, Люда не согласилась — Наташей назвали.

Есть у меня еще одно очень серьезное комсомольское поручение: я член нашего оперативного комсомольского отряда. Отряд ведет воспитательную работу с подростками. Мы ведь не под стеклянным колпаком живем, в среду подростков — это люди, как известно, неустоявшиеся — проникают и негативные явления, скверные привычки, дань очередной дурной моде или дурному вкусу. Изживаются эти явления трудно, наскоки и категоричность тут не просто не помогут, скорее повредят. В отряде мы и сами учимся быть педагогами.

Дел много, а времени свободного негусто... И событий столько, что каждое из них можно назвать главным. Но мое главное событие все-таки еще впереди. Наш цех собирает буровые для Главтюменнефти. Они называются 3000-ЭУК — электрическая установка кустового бурения. Новейшее слово техники. Мы встретимся с комсомолом Главтюменнефти и заключим договор о социалистическом соревновании. Этот договор определит для нас работу на несколько лет вперед, а контакт с заказчиками поможет нам лучше работать...

* * *

Каждый день тысячи комсомольцев «Уралмаша» заняты множеством дел. Едут в колхозы, помогают собирать урожай. После работы занимаются в школах рационализаторов, в группах научно-технического творчества молодежи, просто в вечерних школах, техникумах и институтах. Во Дворце культуры испытывают радость общения с искусством. Едут в Первоуральск — заниматься на горе Пильной дельта-планеризмом. На стадионах и в спортивных залах под руководством 2750 общественных инструкторов и судей совершенствуются в разных видах спорта. Сдают нормы ГТО. Уходят в далекие и близкие маршруты — пешие и лыжные — по Уралу. Готовят детские праздники в школах соцгорода. Устраивают утренники и вечера в подростковых клубах. «Комсомольский прожектор» проверяет: как экономятся энергоресурсы, как работают ремонтные организации, как хранится оборудование и вовремя ли разгружаются вагоны...

Это жизнь. Комсомольская жизнь. Суть ее комсорг Управления НИИтяжмаша Евгений Онегин определил так:

— Я вижу главную задачу комсомола в том, чтобы молодой человек верно выбирал ориентиры на жизненном пути. Среди множества людей старших поколений, с которыми я встречаюсь ежедневно на работе, могу безошибочно определить бывших комсомольских активистов: по духовному уровню, по ответственному отношению к работе они выше и интереснее тех, кто не сумел активно поработать в комсомоле. Если говорить кратко — я присоединяюсь к нашему заводскому комитету комсомола, который выразил эту мысль почти лозунгово: «Строить нового человека».

Успехов вам, товарищи комсорги!

Тренируются дельта-планеристы. * Ударники коммунистического труда электромонтажники Александр Смагин и Сергей Оболдин. * Молодежная дискотека. * Ансамбль скрипачей заводского Дворца культуры. * К Талькову камню — красивейшему уголку Урала проложили тропу туристы «Уралмаша».

Советские и венгерские строители ЛЭП-750. **Фото Г. Кмит.**

ЭНЕРГОМОСТ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦЫ

«...Современная передовая техника настоятельно требует ***электрификации всей страны — и ряда соседних стран — по одному*** **плану...» Эти пророческие ленинские слова стали реальностью в шестидесятые годы нашего века, когда на экономических картах появились условные обозначения объединенных энергосистем стран — членов СЭВ. Мачты высоковольтных линий шагнули через границы.**

И вот накануне 30-летия СЭВ новая магистраль вступает в строй. ЛЭП-750 Винница — Альбертирша проложена между украинским городом и венгерским поселком при участии Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Советского Союза и Чехословакии.

Юрий СИНЯКОВ

■

Новый международный энергомост почти тысячекилометровой длины — трасса сверхвысокого напряжения. Но теперь, после знакомства с людьми, проложившими магистраль, в этом названии мне видится и другой смысл.

...Даже нашей машине, привычной к высотным карпатским маршрутам, с трудом дается каждый метр. Только что прошел ливень, автомобиль бросает из стороны в сторону. Но вот, кажется, и конец пути—дальше машина не пройдет. Надев высокие резиновые сапоги, мы входим в густой лиственный лес.

Впереди легкой, пружинистой походкой шагает начальник участка Владимир Бережной. Возраст его выдает седина. Опытный инженер не раз получал предложения перейти на руководящую должность, найти работу поспокойнее, но оставался верен и нынешней хлопотливой службе и кочевому образу жизни. Бережной вот уже двадцать лет прокладывает высоковольтные линии, и в третий раз — через Карпаты.

— Карпаты — это всегда экзамен,— говорит Бережной.— На каждом шагу — то болота, то скалы. Бывает, и экскаватор бессилен. Тогда вызываем саперов...

Поднимаемся на холм, где установлена опора номер 141. Отсюда хорошо просматривается трасса магистрали: прямо перед нами — широкая просека, сзади, насколько хватает глаз, высятся стальные опоры. Их монтировали тут же в горах.

Бригада Алексея Багрия как раз устанавливала очередную опору. С помощью мощных тягачей многотонная громада поднималась вверх. «Рост тридцать пять метров, вес тринадцать тонн, высота изоляторов с трехэтажный дом!»—так лаконично описал опору Багрий.

...Справа от шоссе мелькнул указатель — «Альбертирша». Поселок в пятидесяти километрах от венгерской столицы. 11 тысяч жителей, два сельскохозяйственных кооператива. Вокруг ухоженные поля, луга со стадами коров. Мимо цветущих палисадников неторопливо катят на велосипедах селяне.

Говорит Имре Врабель, директор венгерского предприятия ОВИТ, которому поручено эксплуатировать магистраль сверхвысокого напряжения:

— Трасса-750 — это новый важный шаг в укреплении объединенных энергосистем социалистических стран. И с помощью СССР линия построена на самом высоком техническом уровне!

...На улице Юнгмана в Праге высится большое здание. Здесь работает Центральное диспетчерское управление объединенных энергосистем, учрежденное 25 июля 1962 года правительствами Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Советского Союза, Чехословакии. Именно Прага стала штаб-квартирой международной диспетчерской службы — ведь Чехословакия расположена на «энергетическом перекрестке» Европы, отсюда легче управлять сложным и разветвленным хозяйством объединенного энергокольца. В штате управления, на содержание которого делает взносы каждая из стран-участниц,— специалисты по автоматике, телемеханике, электротехнике, экономисты из семи социалистических государств.

В диспетчерском зале за пультом дежурит сегодня инженер Бодо Винек из ГДР. Приборы перед ним регистрируют нагрузку в линиях, показывают, куда и откуда подается ток, кто из партнеров в данный момент экспортирует, а кто импортирует энергию.

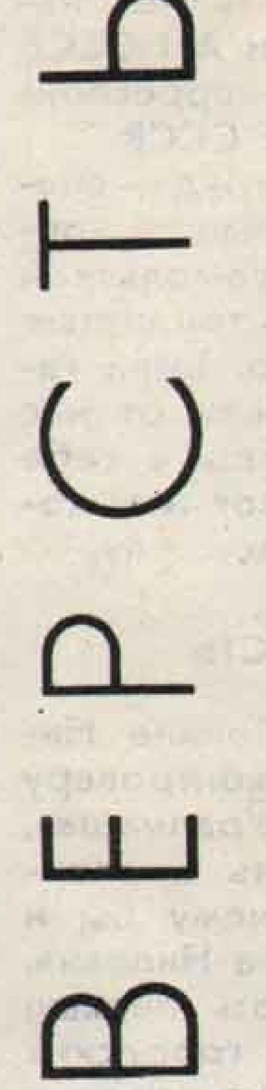
— Вы наблюдаете одно из преимуществ параллельной работы систем,— комментирует чех Ярослав Градил, выпускник Московского энергетического института.— В каждой стране потребление электроэнергии меняется не только по сезонам, но и по месяцам, дням, зависит от характера индустрии, привычек людей. Вот почему пики нагрузок национальных систем, как правило, не совпадают. Значит, партнеры могут помогать друг другу, направлять свободные мощности туда, где в данный момент наивысшая потребность в электроэнергии.

Как-то на одной из крупных венгерских станций случился пожар. Мгновенно сработала автоматика, приборы сами выправили положение, включили резервные мощности. Так же молниеносно система реагирует на внезапные перегрузки, когда в той или иной стране неожиданно возрастает расход электроэнергии. Это бывает зимой в дни резкого похолодания, в часы трансляции популярных телевизионных программ.

А были ли происшествия во время дежурства инженера из ГДР? Бодо Винек открывает специальный журнал. Сегодня серьезных нарушений не наблюдалось. Ничего опасного не происходило и накануне, когда дежурил его коллега Георгий Ячевски из Болгарии. А вот венгру Лайошу Чаба пришлось поволноваться: из-за сильной грозы на несколько минут вышла из строя электролиния между советским Мукачевом и румынским Лудушем. Не будь пражского пульта, не будь объединенных энергосистем, каждой из стран пришлось бы иметь для таких непредвиденных случаев дополнительные мощности.

Но все-таки главная задача ЦДУ — обеспечить плановую передачу электроэнергии на основе соглашений, за счет наличных резервов в тех или иных странах и районах. Например, Венгрия благодаря системе «Мир» покрывает почти четверть своих потребностей. А планами десятой советской пятилетки предусмотрено, что к концу 1980 года поставки электроэнергии странам-партнерам удвоятся.

Эти планы и связаны с пуском магистрали напряжением 750 киловольт между Винницей и Альбертиршей. В объединенные энергосистемы вливается новый мощный электрический поток. Трасса большой пропускной способности надежно свяжет объединенные энергосистемы стран СЭВ с единой энергетической системой Европейской части СССР, даст возможность оперативно и с наименьшими потерями перебрасывать энергию на огромные расстояния — от Берлина до Улан-Батора, с берегов Ангары на берега Дуная.

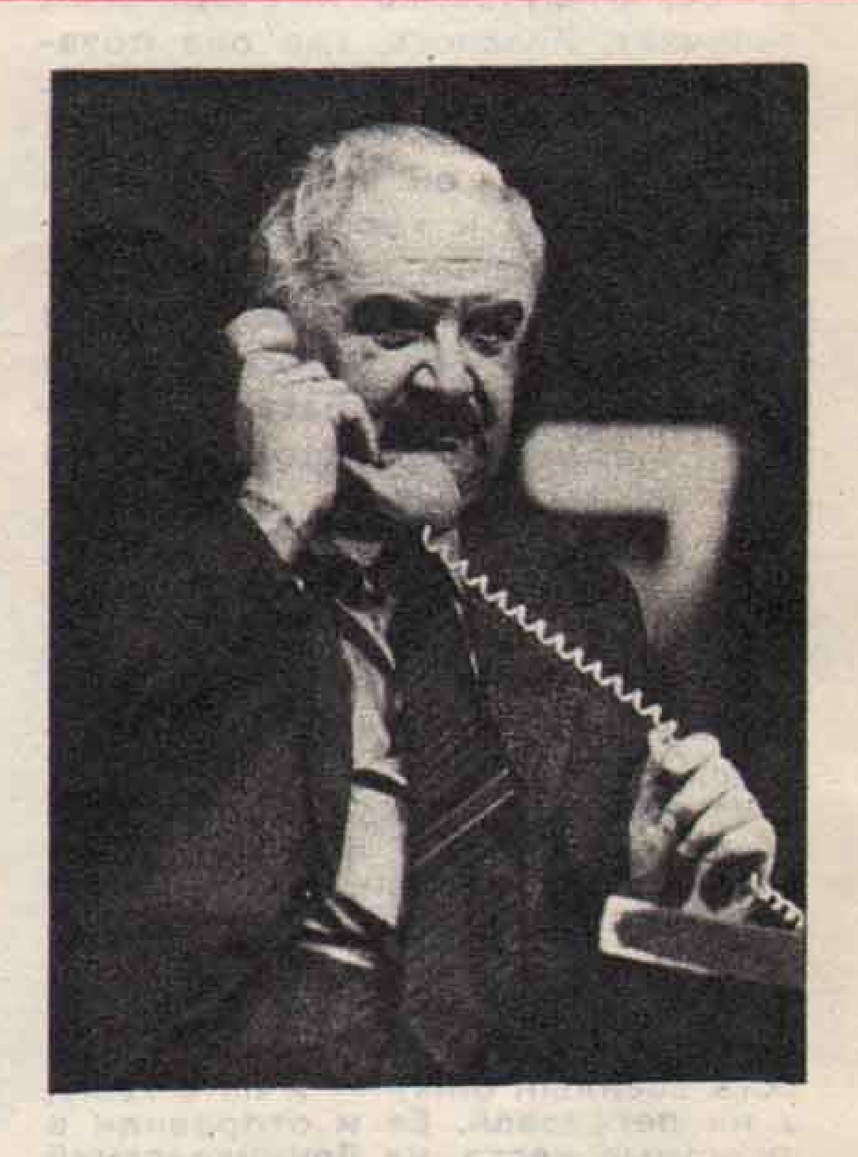

СОТВОРИ СВОЕ ЗАВТРА

Если вы направитесь от старой части города Волгодонска к его новостройкам и, миновав многоэтажие центральных кварталов, выйдете на соединительную магистраль, по которой снуют панелевозы и бензозаправщики, самосвалы и автокраны, то уже издали увидите приближающуюся слева от дороги зеленовато-синеватую глыбу третьего корпуса завода Атоммаш — «голубой айсберг посредине степи», как поэтично назвал его писатель Анатолий Калинин в очерке, помещенном в новом сборнике об атоммашевцах. Образ не-

Звезды Атоммаша. Проза, поэзия, песни. Ростовское книжное издательство, 1978. 192 стр.

В. Хохряков в роли Сергея Берояна.

...Как же получилось, что счастье, благополучие семьи, столь ярко представшее перед нами в первые минуты — веселые лица взрослых детей, смех, праздничное застолье,— оказалось на поверку призрач-

Михаил ВОРОНЕЦКИЙ

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

Этот звездный свет,
летящий в тьму,
этот город, спящий под луною,
помнят о тебе — и потому
навсегда останутся со мною.
Тишина сомкнется, как гранит:
тишина тревоги и разлуки
на сто верст глаза разъединит,
на сто верст раздвинет наши руки.
И из мрака выплывет разгадка
всех моих изорванных ночей,
что так не мучительно, а сладко
от тоски по нежности твоей.
Видно, нет надежнее науки —
лишь в тоске я понял до конца:
версты разделяют наши руки,
но сближают души и сердца.

ВАРШАВСКОЕ ШОССЕ

Шумит, шумит
Варшавское шоссе —
я этот гул всегда узнаю сразу,—
как будто к ближней
фронта полосе
идут войска,
везут боеприпасы.
И, может, к ночи
небо обожгли
не вспышки молний,
а разрывов вспышки.
И вовсе не армады туч вдали —
а бомбовозы на заданье вышли.
И только слышу,
как шоссе гудит,
как воет вертолет,
идя над крышей,
как жаворонок падает в зенит,
как «до свиданья»
говоришь мне —
слышу.

ПОСЛЕ РАЗГОВОРА ПО ТЕЛЕФОНУ

Он стоил года — этот миг,
когда сквозь ночь со снегопадом
так близко голос твой возник,
как будто ты стояла рядом.
Он был родным как никогда.
Он влажным был. А между нами
дымился март, и города
мигали космосу огнями.
И я, на миг вдруг осмелев,
рванул окно
в промозглость улиц —
да так, что головы дерев
в недоуменье отшатнулись.
Упало желтое пятно
куда-то в полусумрак сада,
где дождь нашлепывал давно,
родившийся из снегопада.
К дождю прильнул я головой
и думал: как же мало надо —
лишь только б слышать
голос твой,
и дождь, и гул ночного сада.

НЕРАСТОРЖИМОСТЬ

Вам стала ль пухом
мать-земля сырая?
Родились, жили, канули —
и пусть...
Но отчего ж,
в веках не умирая,
связала нас нерасторжимо
грусть?
Всегда ль добром
за доброту платили?
Кому и в чем сопутствовало зло?
В полях тысячелетним слоем пыли
все это безвозвратно замело.
И знойной мглой подернутые дали
безмолвны, как и тыщу лет назад.
И люди, что любили и страдали,
под плитами курганными лежат.
И душу вдруг сожмет
на солнцевсходе
при взгляде на разливы ковылей...
Чем дальше мы
от прошлого уходим,
тем этот груз раздумий тяжелей.

Калуга.

обычный, неожиданный. Впрочем, весь сборник «Звезды Атоммаша», вовсе не рассчитанный на то, чтобы подивить читателя, рисует облик стройки, необычной даже для нашей страны, привыкшей к масштабам замыслов и воплощений.

Проигрывая немного в оформлении и полиграфически предыдущему сборнику («Атоммаш — судьба моя»), новая книга выгодно отличается широтой жанров, продуманностью композиции, а главное — сильным авторским коллективом. Открывается она беседой корреспондента «Правды» В. Губарева с президентом АН СССР, трижды Героем Социалистического Труда А. П. Александровым на тему значения атомной энергетики для страны и роли строящегося гиганта — и это хороший компас для читателя, отправляющегося в путешествие по Атоммашу.

Главная мысль, пронизывающая многие очерки и репортажи,— преемственность рабочих традиций, нескончаемый трудовой подвиг народа. Особенно ярко эта тема прозвучала в документальной повести «Звезды» М. Андриасова (он же является общественным редактором издания), где писатель создал серию портретов рабочих — представителей различных национальностей нашей Родины. Более полно раскрывается перед читателем биография знаменитого сварщика, дважды Героя Социалистического Труда Алексея Улесова. Ныне он бригадир сварщиков на Атоммаше, председатель совета наставников, общественный корреспондент «Волгодонской правды».

Немало в книге биографий, которые еще только начинаются, красивых и многообещающих юных жизней тех, кто пришел сюда, на стройку, по зову сердца, из армии или по путевке комсомола, чтобы овладеть самой мирной профессией или утвердиться в уже освоенном на другой стройке.

Сколько вам? Пожалуй, только
двадцать.
Как же вы успели, как смогли
Выстроить КамАЗ и вновь
собраться
В путь — к степным ветрам моей
земли?—

пишет Елена Нестерова, прославляя поэтическим словом задор юности, стремление молодежи быть везде, где нелегко, самозабвенный труд и — скромность комсомольцев.

Есть и свои проблемы на стройке. По-боевому, напористо написанный небольшой очерк Петра Лебеденко «Мирный фронт» свидетельствует о том, как заинтересованно, по-хозяйски исследует автор ритмы строительной динамики, рачительно подходит к узловым вопросам жизни и быта атоммашевцев.

Запоминаются эпизоды, посвященные истории формирования знаменитой бригады строителей Н. Потапчика в очерке «Сотвори свое Завтра» М. Анисимовой и В. Боброва, есть что почитать и о руководителях стройки и завода — известных инженерах и партийных работниках, людях с богатым опытом, настойчивых в достижении цели, устремленных в будущее.

Сборник отличается разнообразием творческих манер авторов — от документально точных зарисовок событий, переломных разговоров, к решению средствами художественного образа, к поэтически возвышенным обобщениям. В рецензируемой книге выступают известные ростовские писатели, поэты, журналисты — В. Фоменко, Б. Изюмский, А. Геращенко, В. Ужакин, Н. Шишкина, Ю. Неизвестный, Н. Митник и другие. Сборники об атоммашевцах, эти книжки-ежегодники стали неотъемлемой частью литературно-общественной жизни Дона, идет незримое соревнование талантов, по-разному воспевающих, отражающих, фиксирующих поступь стройки — «песня и вдохновенная стройка» ростовчан тоже в рядах созидателей степного гиганта.

Ю. НОВИКОВ

«ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ»

ным, мнимым?.. Мы, зрители спектакля по пьесе Г. Саркисяна «Головокружение» на сцене Малого театра СССР, очень скоро убеждаемся в этом. Гораздо скорее, чем главный герой постановки — Сергей Бероян.

А. Евдокимова — Гаяне.

Да, поздно этот уважаемый всеми гражданин города, руководитель нескольких предприятий, осознает, что право руководить производством отнюдь не дает права распоряжаться по своему усмотрению еще и судьбами человеческими... Ведь именно нетерпимость, безапелляционность Берояна, возрастающие по мере продвижения по службе, нежелание понять другого человека, даже самого близкого, привели к тому, что в одночасье рушится его домашний покой (а он так всегда к нему стремился). Старшую дочь Гаяне — эту роль темпераментно и точно играет А. Евдокимова — постигает личная трагедия. Легкомысленное поведение младшей, Зепюр, интересно сыгранной Е. Глушенко, не обещает ничего хорошего в будущем. Сын Виген — Н. Верещенко — безвольно и бездумно «прожигает» жизнь. Давнишний товарищ и друг семьи Гурген в исполнении Б. Телегина объявляет Сергея врагом, с которым надо бороться... В довершение всего на одном из заводов по вине Берояна происходит авария. Происходит закономерно, ибо когда и в работе во главу угла ставится только одно-единственное — собственное мнение, когда все дела решаются единолично, самовольно, до беды недалеко...

Только не надо думать, что на сцене находится просто самый настоящий злодей. Далеко не однозначен этот человек в замечательном исполнении народного артиста СССР В. Хохрякова. Бероян ведь действительно любит свое дело и своих детей, хочет им счастья, добра. Только вот как его понимать, добро... Не стало на это хватать у самого Берояна доброты, душевной щедрости, внимательности, желания помочь другому.

Актер мастерски прослеживает малейшие изменения в поведении, в чувствах своего героя. От уверенности в себе, властности и непререкаемости к недоумению и раздражительности и, наконец, к отчаянию, недалекому и от раскаяния... Именно на этой ноте заканчивается спектакль.

Мы покидаем Берояна, как говорится, на подступах к осознанию им своей вины, своей неправоты. Нам остается только предполагать, как сложится дальнейшая его судьба, судьба его семьи. Расчет театра оказался верен: вот эта недоговоренность вольно или невольно заставляет каждого из сидящих в зале мысленно продолжить разговор, тем самым как бы проверив и себя...

Первое действие «Головокружения» решено постановщиком В. Бейлисом в спокойной, неторопливой манере. Режиссер, а также художник С. Бенедиктов дают нам возможность почувствовать самобытность Армении, пропитаться ее ароматом — песнями, танцами, традициями. И мы не сразу замечаем, как сгущаются тучи над этим домом, увитым виноградными лозами и увенчанным гнездом аиста, как уплотняется, ощутимо утяжеляется нравственная атмосфера происходящего; как напряженны, нервны, резки становятся движения героев, их голоса...

В пьесе есть персонаж, который ни разу не появляется на сцене: это отец Берояна, старый учитель; в семье его зовут дедушкой, а иногда — Дон Кихотом. С некоторых пор он перестал встречаться со своим сыном, избегает его... Этот незримый образ дедушки символизирует совесть, справедливость, короче, самые лучшие, светлые человеческие начала. Смерть деда в финале спектакля и оказывается той последней каплей, которая переполняет чашу сомнений и терзаний, настигших Сергея Берояна. И, возможно, вернет в нем к жизни настоящего, подлинного человека, каким он был когда-то...

Н. МИХАЙЛОВА

Фото И. Ефимова

«МЕТЕЛИЦА» ИДЕ

В. КУЗНЕЦОВА,
капитан команды

По штатному расписанию Таня Ревтова — радистка, но пользоваться сигнальной ракетой надо уметь и ей.

В 1968 году шесть московских лыжниц совершили лыжный пробег Москва — Смоленск. Он был хорошей проверкой сил перед походом, посвященным 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, по маршруту Москва — Ленинград — Выборг — Хельсинки — Турку — Тампере — Торнио протяженностью 2600 километров. После финиша лыжниц принял президент Финляндии Урхо Калева Кекконен, который отметил, что «Метелица» установила не только замечательное спортивное достижение, но и рекорд дружбы между нашими странами.

Если первые пробеги были чисто спортивные, то начиная с 1974 года «Метелица» совершает уже научно-спортивные экспедиции. Первая — по отрогам Заполярного Урала: Хальмер-Ю — Амдерма. Затем — по восточному побережью Таймыра, от бухты Марии Прончищевой до мыса Челюскин. А на следующий год — по островам Северной Земли.

Но самой сложной была экспедиция по проливам между островами Земли Франца-Иосифа. Об экспедиции, в которой участвовали десять лыжниц, рассказывается в этом номере «Огонька».

Вот уже четыре года подряд, как только подует первый весенний ветерок, члены команды «Метелица», где бы они ни находились, съезжаются в Москву, чтобы отсюда отправиться в очередную экспедицию. Наши экспедиции дают ответ на многие вопросы, интересующие психологов, пищевиков, полярников...

Мы проводили наблюдения по двум основным направлениям: во-первых, технические вопросы (защита человека от переохлаждения, испытание специальных костюмов и обуви, а также различных средств транспортировки груза и передвижения групп); во-вторых, медико-биологические (режим труда и отдыха, питание, приспособление организма человека к воздействию низких температур и к интенсивной физической нагрузке, психологические вопросы существования группы).

Программа научных исследований была составлена Институтом медико-биологических проблем, Всесоюзным научно-исследовательским институтом консервной промышленности и заводом «Пластик».

Из-за нелетной погоды мы десять дней добирались до острова Греэм-Белл — места старта. В Москве тепло, а в Норильске и на Диксоне метель, пурга. Самое тяжелое — сидеть и ждать, зная, что весна вступает в свои права и может отрезать нам путь на Север. Каждый час отсрочки мог обернуться крушением планов.

Но вот мы, наконец, на острове Греэм-Белл. Это один из островов архипелага Земля Франца-Иосифа, страны ледяных куполов, как называют ЗФИ полярники.

Честь открытия этой земли принадлежит офицеру русского флота Николаю Шиллингу, который еще в 1865 году, основываясь на изучении особенностей морских течений, предсказал в этих широтах наличие острова или группы островов. Царское правительство отказалось тогда финансировать экспедицию Шиллинга и только через восемь лет, в 1873 году, австро-венгерская экспедиция Юлиуса Пайера и Карла Вайпрехта случайно наткнулась на острова, подтвердив открытие русского офицера. Они и назвали землю именем императора Австро-Венгрии.

И только в 1913 году на ЗФИ пришел корабль Георгия Седова «Святой Фока». Две вынужденные зимовки пережил экипаж «Святого Фоки». Команда заболела цингой, многие были в тяжелом состоянии. Болен был и Седов. Но, несмотря на это, 15 февраля 1914 года он стартовал к Северному полюсу. Седов ушел с двумя спутниками и запасом продовольствия, которого могло хватить только до полюса. Но они дошли лишь до острова Рудольфа, а вскоре Седова не стало.

Советские люди свято чтут память отважного полярного исследователя, его именем названы плато, мыс, купол на острове Гукера. По первоначальному замыслу наша экспедиция должна была пройти по маршруту Г. Я. Седова. Но, к сожалению, метеоусловия не позволили этого сделать.

...Итак, 8 мая мы стартовали с острова Греэм-Белл. Наш путь лежал на юго-запад через залив Матусевича. Как и в предыдущих экспедициях, мы шли на лыжах, изготовленных Мукачевской фабрикой. Они удобные и прочные, их можно использовать даже при переправах через трещины.

С собой нам пришлось взять радиостанцию, аккумуляторы, лодки, пиротехнику, оружие, альпинистское снаряжение, киноаппаратуру, медикаменты, палатку, продукты... Все это весило около семисот килограммов.

От снаряжения в полярных экспедициях зависят успех и жизнь участников. Защита от холода, солнца и ветра должна быть серьезно продумана. Свое снаряжение мы проверяем в каждой экспедиции с тем, чтобы выбрать оптимальный вариант и в дальнейшем учесть недоработки. Остаются неизмененными лишь ботинки и бахилы. Ботинки шили на московской фабрике «Спорт», где более 30 лет работает замечательный специалист по спортивной обуви Михаил Васильевич Колесников. Много пришлось ему приложить умения и опыта, чтобы создать такой вариант ботинок.

Не раз с благодарностью вспоминали и коллектив Дома моделей спортивной одежды, который дал нам на испытание экспериментальные костюмы из болоньевой ткани — легкие, удобные, непродуваемые. К тому же мы в них так красивы, что кинооператор спешит запечатлеть нас в работе. Были у нас и маски на лицо — от марлевых до меховых. Без маски в этих переходах нельзя. Солнце в Арктике такое, что можно получить сильный ожог. Хорошо зарекомендовали себя и горнолыжные очки со сменными фильтрами.

Специально для этой экспедиции мы сшили двойную палатку шатрового типа. Полтора месяца трудились над ней не только мы, но и наши друзья и родные.

Нартами служили детские пластиковые санки. Но имелись и специальные нарты, изготовленные из дюралюминия.

Идти было очень непросто: сначала уставали, тяжелые нарты переворачивались, поднимать их трудно, приходилось не раз перепаковывать груз. Но мы уже знали, что через день-два втянемся и все будет нормально.

За сутки совершали 10—12 переходов (каждый переход—50 минут движения и 10 минут отдыха). Через 5—6 переходов останавливались на «обед», который состоял из кружки горячего чая или кофе и галет. После выполнения суточной нормы переходов останавливались на «ночлег» или «дневку». В зависимости от того, в какое время мы шли — днем или ночью. Ставим палатку, делаем вокруг нее снежную стенку для защиты от ветра. Готовим ужин. Продукты сублимированные, поэтому времени на приготовление затрачиваем мало.

Утром раньше всех просыпалась дежурная, а с ней и Римма Диденко, которая взяла на себя самую трудную работу — разжигание примусов. Римма — она теперь отвечает за оздоровительную работу на ВАЗе — очень скромная, трудолюбивая, за ее плечами более десяти сложнейших экспедиций: в пустынях, на Севере, в горах. Собранная, аккуратная, она успевает везде и может сделать все. К тому же не расстается с киноаппаратом.

Наш путь пролегал в основном по торосистому льду, иногда он был прикрыт глубоким снегом, через который приходилось буквально пропахивать себе дорогу, приподнимая и удерживая нарты руками. На протяжении всего маршрута температура менялась от +2 до —18 градусов. Ветер преобладал юго-восточный, а во время пурги — северный и северо-восточный до 25 метров в секунду.

В своих экспедициях мы предпочитаем ночной режим работы. Ночью холоднее, и скольжение лыж лучше. При большом морозе лучше идти, зато днем в палатке теплее — солнце светит ярче, и спать не так холодно.

На ЗФИ полярный день. Ночь и день мы различали по температуре и по положению солнца. Через сутки выходили на радиосвязь. В установке антенны принимала участие вся группа. Руководила этими работами Таня Ревтова — радистка, мастер спорта. Радисты полярных станций островов Рудольфа, Среднего, Хейса знают почерк Татьяны. Они ждали в эфире наши сообщения и тут же передавали их на Большую землю.

Хочется поблагодарить всех, принимавших наши сигналы, особенно В. Наумова. С его помощью «Метелица» была обеспечена надежной связью с Большой землей и оперативными прогнозами погоды.

Большую часть пути пришлось идти в белой мгле, ориентируясь только по компасу. Еще в Москве неоценимую помощь нам оказал Валентин Иванович Аккуратов — заслуженный штурман СССР. Сорок лет он провел в Арктике и хорошо знает острова ЗФИ. Наши штурманы Тоня Егорова и Тамара Афанасьева не раз вспоминали его добрым словом. Тоня окончила Московский авиационный институт и там же работает. Тамара Афанасьева — дебютант в команде, летает штурманом в гражданской авиации. Условия работы штурманов были далеко не простыми. Однажды пришлось устраивать дневку, сидеть целые сутки, ждать хотя бы кратковременного прояснения, чтобы уточнить свое местонахождение.

Солнца и голубого неба ждали не только штурманы, но и наш кинооператор Оля Грошенко. Обстановка для нее сложилась неблагоприятно. Часто подводила погода, к тому же мы не решались ее отпускать далеко от себя. Вся группа переживала, когда Ольга отставала или уходила в сторону, чтобы снять интересные кадры. Основания для беспокойства имелись, и довольно серьезные. Мы были не одни в океане: где-то ря-

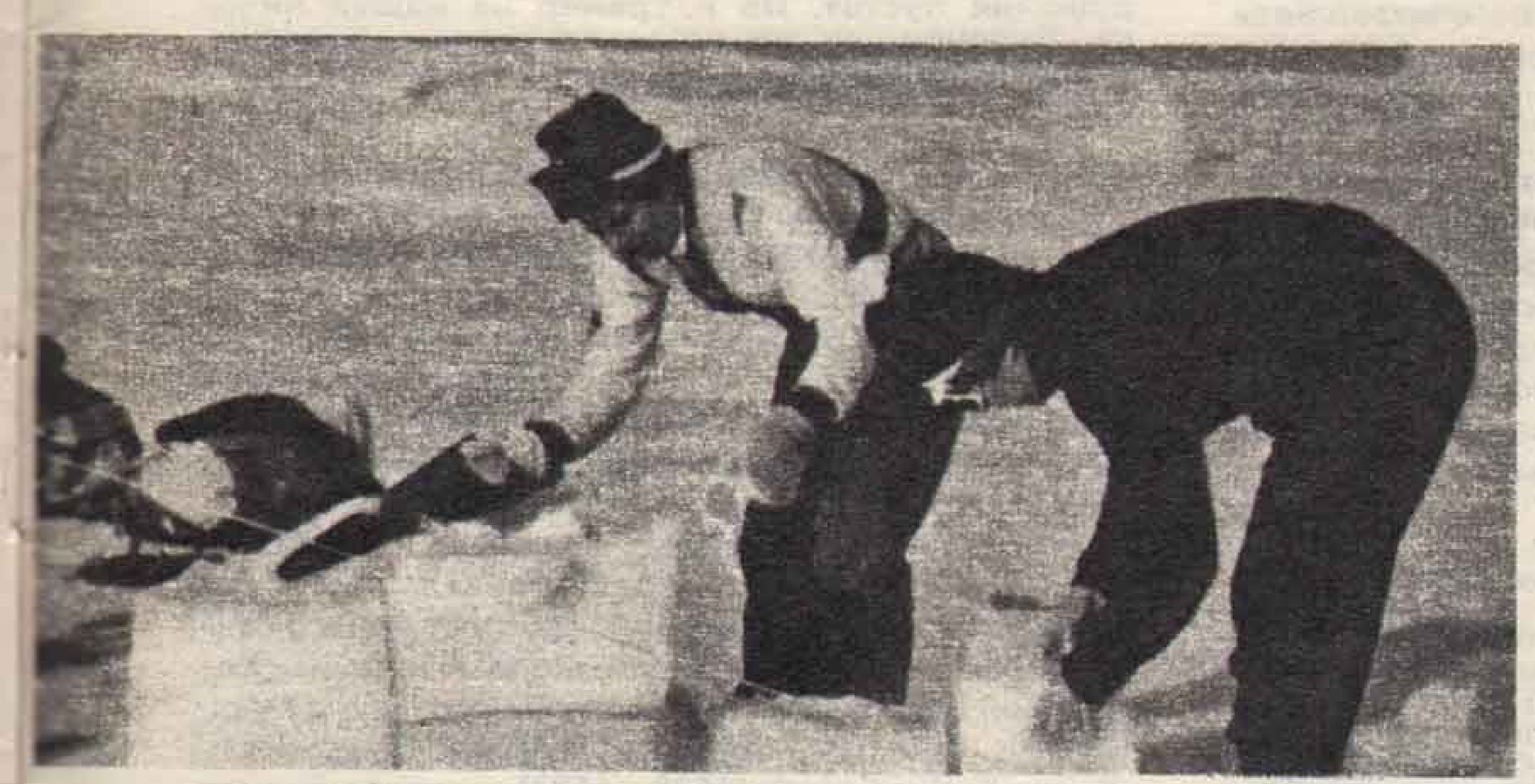
Переправа...

Заполняются тесты для института медико-биологических проблем.

Хоть солнце практически не заходит, все же утро начинается с рассвета.

А перед привалом на ночь прежде всего надо построить стену от ветра. Строительный материал — «кирпичи» из спрессованного снега.

дом незримо присутствовал хозяин Арктики — белый медведь.

Как и когда произойдет встреча? Мы были готовы к ней даже на случай недоброжелательного отношения. И все же до боли в глазах вглядывались в каждый торос; многие казались похожими на медведя, мы ждали, зашевелится или нет...

Каждый день приносил что-то новое. Еще на Диксоне, в Управлений гидрометеоцентра, мы ознакомились с результатами многолетней ледовой обстановки Земли Франца-Иосифа. На наши карты были нанесены полыньи, заснеженность, торошения, толщина льда. Уже в проливе Вандербильдта у берега острова Ла-Ронсьер появился мокрый снег—первый предвестник полыньи. Следующий день принес новую неожиданность — белую мглу, сильное торошение и полыньи. Вот запись из дневника:

«Метель разыгралась такая, что бежишь, если ветер дует в спину, или с трудом передвигаешь ноги при встречном ветре. В отверстия очков задувает снег, ничего не видно; закрываешь отверстия, очки запотевают. Много трещин, есть и полыньи. Пока идем цепочкой без страховки, стараясь не скапливаться на одном участке. Но в некоторых местах проходим связанные веревкой по одному и без нарт. Тяжело даются ледяные километры».

Здесь пригодился опыт Гали Рожальской. Галя — мастер спорта международного класса по альпинизму, «снежный барс». Она работает диспетчером на Челябинском металлургическом заводе.

Через несколько дней, во время очередного перехода, увидели медведя. Рассмотрев внимательно в бинокль, обнаружили, что это огромная медведица с маленьким медвежонком. Заметив нас, она изменила путь. Мы уплотнили ряды. Наши оруженосцы Ира Соловьева и Марина Томашевская приняли готовность № 1, остальные приготовили пиротехнические патроны. Затем двинулись прежним курсом. Медведица пересекла наш путь и появилась справа, на торосе. Она явно следила за нами. Затем исчезла, но через 2—3 часа появилась снова и сопровождала нас до самого конца дня.

Встали на ночевку — это рядом с островом Грили, любимым местом медведей. Перед сном снова просматриваем горизонты: Римма увидела трех медведей, Тамара насчитала пять. И тут спокойный голос Иры: «Пора отбирать бинокль...» Да, нужно отдыхать. Тревожно. Как-то пройдет ночь? Установили «дежурство по медведю». Дежурный не спит, слушает, а остальные видят медведей во сне: Марина приняла бой с медведем, а Римма заявляла о нем в милицию...

В день отдыха разыгралась пурга, видимость нулевая. Кажется, еще мгновение — и вся наша группа вместе с палаткой будет унесена ветром.

А в палатке по-домашнему тепло и уютно. К тому же с наветренной стороны она утеплена специальной медицинской пленкой, предложенной на испытание заводом «Пластик». Используем вынужденный отдых, ремонтируем снаряжение, заполняем дневники и даже вышиваем. Таня Ревтова устроила небольшой концерт, открыв его новой песней «Метелица» идет по островам».

Но долго отдыхать нельзя. Проводим под руководством Иры Соловьевой и Тани Кузнецовой очередные медико-биологические и психологические тесты. Таня Кузнецова — наш врач. Она кандидат медицинских наук, специалист по физиологии сердца. К тому же инструктор по альпинизму и прекрасная лыжница. Ирина отвечает за научные исследования в группе. Но ее главное увлечение — прыжки с парашютом. За ее плечами более 1700 прыжков.

После отдыха на острове Куна наш путь лежал по проливу Бута между островами Грили и Циглера. Прямо по курсу остров Угольные копи. Но путь преградила открытая вода с битым льдом. Припая нет, слева и справа крутые, отвесные берега — пришлось повернуть назад. Попробовали обойти Угольные копи. Большие торосы, пронизывающий ветер со снегом заставили остановиться на ночевку в двух километрах от острова Винера. Спали тревожно. Все время кричали пролетающие над палаткой птицы. Временами раздавался такой шум и треск, что казалось, где-то рядом рушится лед. Дул влажный, порывистый ветер, чувствовалась близость воды.

Но остров Хейса — финиш нашей экспедиции — уже недалеко. Нас встретили четверо полярников с собаками. С их помощью мы преодолели тяжелый перевал через остров Винера — единственный путь к острову Хейса. Но впереди еще 18 километров. Они были самыми трудными: оттепель, лыжи набухли и стали невероятно тяжелыми, на пути трещины и разводья.

Вот, наконец, финиш! Нас встречало все население острова. Ракеты, приветствия, поздравления... А на камбузе нас ждала... окрошка. Представляете, настоящая окрошка со свежими огурцами (специально для нас сняли первый урожай в теплице) на затерянном в Ледовитом океане острове! У входа в столовую большой плакат: «Милая «Метелица», мы тебя любим! Поздравляем с успешным завершением экспедиции! Работники обсерватории имени Э. Т. Кренкеля. Остров Хейса. 22.05.77 года». И семьдесят пять подписей.

...Если кому-нибудь поможет опыт экспедиций, подобных нашим, мы можем считать свою задачу выполненной.

Т ПО ОСТРОВАМ

СУДЬБА БИБЛИОТЕ

страницы минувшего

Василий ОСОКИН

В Лондоне, в Британском музее, среди шедевров искусства и истории есть огромная старинная книга. Тяжелый, как старая, почерневшая доска, переплет. Если перевернуть его, увидишь надпись: «Эту библию на славянском языке получил из царского книгохранилища Джером Горсей в 1581 году».

Надпись эта, а точнее, три слова ее: «книгохранилища» и «1581 году» — приковывают с некоторых пор мое пристальное внимание.

Начиная с 1970 года в разных журналах и газетах опубликовал я около десятка статей о поисках легендарной библиотеки Ивана Грозного. Они печатаются по мере того, как находятся все новые доказательства существования этого уникальнейшего книжного собрания или обнаруживаются новые указания на его местонахождение. Но почему «уникальнейшего», почему «легендарного»? Разве у каждого русского царя, у каждого просвещенного вельможи не было библиотеки, которая теперь по составу книг, естественно, уже уникальна? Была, конечно. Все дело в том, что у Ивана Грозного имелась такая библиотека, обнаружение которой явилось бы открытием нового, неизвестного пласта культуры. Неизмеримо обогатились бы наши представления о прошлом, появились бы на свет исчезнувшие шедевры литературы.

Но вспомним все по порядку, хотя изложение столь важной и столь необычной темы не может носить чисто хронологический характер.

Все началось с того, что в 1822 году на имя профессора Дерптского университета Христиана Дабелова пришел пакет, отправленный из небольшого приморского городка тогдашней Эстляндской губернии Пернова (ныне Пярну). Дабелова это не удивило. По его просьбе — а был он к тому времени уже уважаемым ученым-юриспрудентом — из разных городских архивов то и дело присылали ему для публикации в специальных изданиях старинные документы.

Однако, вскрыв пакет на этот раз, Дабелов не мог не удивиться. Давно пожелтевшая бумага, выцветшие чернила... Рукопись гласила (передаю в сокращении):

«Сколько у царя рукописей с востока. Таковых было до 800, которые частию он купил, частию получил в дар.

Большая часть суть греческие; но также много и латинских.

Ливиевы истории, которые я должен был перевести. Цицеронова книга Де република и восемь книг Историарум.

Светониевы истории о царях...

Тацитовы истории.

Кодекс конституций императора Феодосия.

Вергилия Энеида и Итх...

Оратории и поэмы Кальвуса.

Сии манускрипты писаны на тонком пергаменте и имеют золотые переплеты».

Кроме того, в списке значились творения Аристофана, Пиндара, историка Полибия и многие, многие другие. Таинственное «Итх...», видимо, означало утерянное сочинение Вергилия «Итхифаленку», а произведения Тацита, Ливия, Цицерона, бывшие у Грозного в полном виде, до нас дошли только частично.

Пунктуальный Дабелов тщательно снял копию, отправил письмо обратно и, верный своей привычке публиковать каждый важный документ, напечатал о нем сообщение в одном из рижских изданий.

Прошло два года. Университет, открытый около двадцати лет назад, продолжал пополняться преподавателями. Прибыл Вальтер-Фридрих Клоссиус, также юрист по образованию и, кроме того, большой знаток старинных рукописей. Вскоре он узнал о публикации Дабелова.

Мы, конечно, не можем документально точно воссоздать происходившую между ними беседу, но из дальнейшего хода дела выясняется, что Клоссиус спросил Дабелова, имеется ли у него подлинник рукописи, и огорчился, узнав, что он отправлен назад. Видимо, Клоссиус сообщил Дабелову о существовании «Ливонской хроники» Франца Ниенштедта, в которой есть один эпизод, имеющий непосредственное отношение к загадочной рукописи из Пернова.

Бывший рижский бургомистр Франц Ниенштедт на закате своих дней, приблизительно в 1604 году, фиксировал все то значительное, что видел и слышал в своей жизни. У нас это называлось бы «Летописью», на Западе — «Хроникой».

Ниенштедт писал, что ему довелось быть знакомым с дерптским пастором Иоанном Веттерманом, который поведал ему следующее. В 1565 году, вскоре после того, как царь Иван Грозный отбил у ливонского ордена старинный русский город Юрьев (переименованный немцами в Дерпт), он выслал в окраинные города русские часть дерптцев, заподозренных в связях с ливонцами. Пастор Веттерман сопровождал одну из таких колоний. И в пути, уже на земле московской, произошло с ним подлинное чудо. Царь Иван Грозный, уважавший пастора как человека ученого и высоконравственного, показал ему свою удивительную либерею (так по-латыни назывались тогда библиотеки). Пораженный Веттерман увидел рукописи на греческом и латыни, древнееврейском и арабском, а среди них множество таких произведений, о которых только ходили слухи, что они существовали. Веттерман говорил Ниенштедту, что он готов был бы заложить своих детей, только бы эти ценнейшие рукописи, считавшиеся давно потерянными для человечества, хотя бы на время оказались в университетах Запада.

Царь попросил полиглота Веттермана перевести некоторые из них на русский язык и сулил богатое обеспечение. Соблазн был велик. Но Веттермана прежде всего волновала судьба его земляков-единоверцев, он не считал возможным их покинуть и потому отказался. Обо всем этом Веттерман и рассказал Ниенштедту, вернувшись из ссылки незадолго до своей смерти.

И вот теперь, сопоставляя этот эпизод «Хроники» с рукописью из Пернова, Клоссиус готов был прийти к выводу, что рукопись эта не что иное, как своего рода каталог книг, виденных Веттерманом у Ивана Грозного. Было понятно нетерпение Клоссиуса увидеть подлинную рукопись, а не копию Дабелова. Клоссиус написал в Пернов с просьбой прислать ему ту бумагу, но ответ долго не приходил, и он сам поехал в перновский архив. Каково же было его недоумение и огорчение, когда архивариус заявил, что подобной бумаги он Дабелову не отправлял, ибо в архиве она никогда не имелась. Успокоившись, Клоссиус решил, что, собственно говоря, эта странная потеря не так уж велика: важна в конце концов не бумага, а сама библиотека. И он решил ехать в Москву на поиски либереи Ивана Грозного.

В 1970 году мне довелось побывать в Государственном архиве Эстонской ССР в Тарту (бывшем Дерпте) и познакомиться с делами профессоров университета Клоссиуса и Дабелова. Оба они представляются людьми в высшей степени серьезными. Дабелов, автор трудов, среди которых особым успехом пользовался его курс римского права (в деле имеются десятки запросов на этот учебник), конечно, не способен был на мистификацию, в которой косвенно или прямо, уже после его смерти, последовавшей в 1830 году, заподозрили его некоторые историки. В самом деле, какой был смысл ему, человеку, в сущности, далекому от интересов к памятникам художественной литературы, выдумать этот список? В деле Клоссиуса также есть интересный документ, например, его ходатайство о поездке в Москву. Он обратился в министерство народного просвещения с просьбой позволить ему осмотреть московские и подмосковные библиотеки на предмет нахождения в них... рукописей по истории права. Так он, видимо, замаскировал свое намерение разыскать библиотеку Ивана Грозного, которой восхищался Веттерман. Онемеченный царский двор быстро откликнулся на ходатайство Вальтера-Фридриха Клоссиуса, выделив ему вполне приличную сумму на вояж.

Можно было бы подробно рассказать об этом путешествии, но сейчас упомяну лишь, что оно оказалось неудачным. Древних рукописей, могущих быть в либерее, Клоссиус не нашел и решил, что они, видимо, погибли в один из ужасных пожаров, чем так печально славилась Москва в средние века. Весьма примечательно, что наряду с московскими библиотеками он специально интересовался книжным собранием подмосковной Александровой слободы, где тогда располагался женский монастырь и где ученому показали лишь не очень старые печатные книги.

Статья Клоссиуса с его предположением о гибели либереи в один из грандиозных пожаров была опубликована в «Журнале министерства народного просвещения» в 1834 году. Сам же Клоссиус, увлеченный поисками, столь долго задержался в Москве, что, по всей вероятности, навлек недовольство университетского начальства. Во всяком случае, известно, что вскоре он покинул Дерпт, переехал в небольшой немецкий город, где и умер.

Прошло более пятидесяти лет. И вот в Москву искать либерею приехал другой немецкий ученый, Эдуард Тремер, приват-доцент Страсбургского университета. Приезд его был вызван чрезвычайным обстоятельством. Эллинист, читавший лекции о Гомере, Тремер однажды познакомился с книжкой польского нумизмата Бутковского, в которой тот писал, что знаменитый, так называемый лейденский манускрипт — древний список по Гомеру происходит из архива министерства иностранных дел России; в нем хранятся и остатки легендарной либереи Ивана Грозного. Это известие настолько заинтриговало Тремера, не знавшего о бесплодных поисках Клоссиуса, что он решил ехать в Москву. В упомянутом архиве он долго изучал древние рукописи, но пришел к выводу, что они не из либереи. Между прочим, он с горечью был вынужден убедиться, что его соотечественник, давно уже умерший, знаменитый эллинист профессор Маттеи (обласканный в свое время русским двором), выкрал не только «манускрипт Гомера», который продал Лейденскому университету, но и многие другие рукописи.

С разрешения русского правительства Тремер производил раскопки под Московским Кремлем. Он первый применил зонд для обнаружения пустот. Но и Тремер не нашел ничего. Впрочем, он не разделял мнения Клоссиуса насчет пожаров и уехал, призывая русских ученых продолжать поиски.

Ну, а что же русские ученые? Ведь, судя по только что прочитанному, складывается мнение, что они оставались в стороне. Ничего подобного.

О «Ливонской хронике» Ниенштедта и об эпизоде с пастором Веттерманом знал историк и писатель Н. М. Карамзин, который кратко пересказал этот эпизод в одном из томов своей «Истории государства российского». Он, кстати, одним из первых высказал предположение о том, что либерею привезла на Русь Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора и жена Ивана III. Карамзин был одним из первых, кто так думал, но не самым первым. Первым был князь Андрей Курбский (1528—1583), который, как это установлено совсем недавно, являлся автором «Сказания о Максиме Греке» и передавал в нем то радостное удивление, какое охватило приехавшего на Русь ученого монаха Максима Грека при виде либереи Василия III, отца Ивана Грозного. (Здесь, между прочим, возникает вопрос, почему она называется либереей Ивана Грозного, а не, скажем, Василия III, Ивана III или Софьи Палеолог. Некоторые ученые даже называли ее либереей византийских императоров, но поскольку документально точное происхождение ее не раскрыто, все как-то сошлись в мнении, что правильнее ее называть либереей Ивана Грозного, че-

КИ ИВАНА ГРОЗНОГО

ловека широко образованного, который, безусловно, ею пользовался.) В одном из других своих сочинений Курбский снова упоминает «газофилякию книжную» (то есть библиотеку), которую привезла с собой Софья.

В последней четверти XIX века, когда в России возникла между учеными острая полемика о том, существовала ли у Грозного уникальная библиотека античных рукописей, зафиксированных в списке Дабелова, известный историк И. Е. Забелин опубликовал чрезвычайно любопытный документ — письма московского пономаря Конона Осипова в петровский Сенат. В первом из них Конон Осипов сообщал, что слышал от умершего к тому времени дьяка государева Василия Макарьева, как тот, выполняя тайное поручение правительницы Софьи Алексеевны, пробирался однажды подземным ходом Кремля и вдруг увидел в одном из отсеков множество сундуков с огромными вислыми замками. Осипов обещался привести кого будет надо к тому месту, и, как это видно из документов, любознательный царь Петр I, ревностно заботившийся о создании первого русского музея-кунсткамеры, распорядился дать Осипову помощников. Но следующее письмо Осипова говорит, что он с первого раза не нашел «поклажи», а теперь ручается найти ее. Было это уже в царствование Анны Иоанновны. Тут за пономарем обнаружилась недоимка, и Сенат решил, что он «подлежит наказанию».

Опубликование Забелиным дела Осипова дало сторонникам существования уникальной библиотеки карты в руки, ибо что же, как не заветные рукописи, рассуждали они, хранилось в сундуках? Князь А. А. Щербатов при участии И. Е. Забелина организует раскопки. Но вот в полемику вмешался историк С. А. Белокуров. Серьезный и весьма дотошный исследователь, он заявил, что достоверных данных в пользу либереи нет. Белокуров категорически утверждал, что слова Максима Грека, выражавшего удивление и радость по поводу огромного числа древнегреческих сочинений, которых даже и в земле греческой к XVI веку уже не было, никакого отношения к самому Максиму Греку не имеют, ибо были приписаны Максиму через много лет после его смерти неизвестным и весьма несведущим автором «Сказания». Отвел С. А. Белокуров и два других доказательства: свидетельство пастора Веттермана и список Дабелова. Первое он взял под сомнение из-за некоторых вкравшихся в «Ливонскую хронику» неточностей, второй вообще не пожелал принимать во внимание из-за таинственного исчезновения рукописи.

Фундаментальное исследование С. А. Белокурова «О библиотеке московских государей в XVI столетии» вышло в 1898 году. Казалось, оно навсегда сняло проблему поиска либереи. Однако через каких-нибудь пятнадцать лет она вспыхнула снова с яркой силой благодаря неутомимой деятельности археолога Игнатия Яковлевича Стеллецкого.

О Стеллецком, человеке совершенно необыкновенном, следовало бы рассказать особо. Здесь же я ограничусь краткими сведениями о нем. После блистательного окончания Киевской духовной академии он некоторое время служил в Палестине, где исследовал пещеры и, в частности, нашел описанный древним историком Иосифом Флавием город Иотапату. Затем Стеллецкий перебрался в Москву и окончил незадолго перед тем основанный археологический институт. Узнав о книге Белокурова, он тщательно ее проштудировал, причем все выводы историка ему показались неубедительными. С этого момента Стеллецкий всю свою жизнь посвятил поискам либереи. В 1913 году он поехал в Пернов и, как утверждал впоследствии, нашел в архиве список Дабелова. Но в 1914 году началась первая мировая война, потом настала Октябрьская революция, и Эстония на долгие годы оказалась отрезанной от Советской России. В 1930—1933 годах Стеллецкому удалось осуществить несколько раскопок под Московским Кремлем. Это огромной важности дело стоило археологу немало усилий. Он настолько был убежден в том, что не сегодня-завтра найдет либерею, что образно называл ее «синей птицей», которую уже держит в руках. Эта убежденность и дальнейший неуспех принесли Стеллецкому много огорчений: ему не стали верить и в том, что он собственными глазами видел список Дабелова. Этому не верил даже прекрасно к нему относившийся писатель Р. Пересветов, автор талантливых книг «Тайны выцветших строк» и «По следам находок и утрат», часть которых посвящена либерее.

В 1947 году автор этих строк познакомился со Стеллецким (Игнатий Яковлевич скончался в 1949 году). Старый археолог настойчиво советовал побывать в пярнуском архиве: а вдруг, несмотря на бури последней войны, список Дабелова уцелел?! Только в 1970 году мне удалось посетить Пярну, и что же выяснилось? В 1930-х годах там, оказывается, состоялась выставка документов по истории города, и среди них подлинник списка Дабелова. До сих пор живы некоторые свидетели этого примечательного факта.

* * *

Итак, в «Хронике» Ниенштедта 1565 год (и никакой другой!) упоминается как год, когда Веттерман видел либерею.

Постараемся проверить этот факт по русским летописям. Увы, они ничего не сообщают о либерее. Зато две летописи как бы согласно заявляют: в 1565 году действительно из Дерпта в тогдашние окраины Руси были направлены четыре группы дерптцев: одна в Нижний Новгород, другая в Кострому, третья в Углич и четвертая во Владимир. Названы имена всех четырех русских конвоиров.

Но где в это время находился сам царь? В декабре 1564 года он покинул Москву в неизвестном направлении. Впрочем, вскоре выяснилось, что обосновался он в Александровой слободе, которая теперь на многие годы становится столицей опричнины. Там он вершил свои кровавые расправы, появляясь в Москве лишь изредка, принимая особо важных послов или опять учиняя свой страшный суд. Известно и то, что в Александров отправил он всю свою казну, а царская библиотека и казна составляли одно целое, тому также есть документальное свидетельство.

По справедливому замечанию академика М. И. Тихомирова, либерея была необходима Грозному хотя бы для того, чтобы при ее помощи вести на должной высоте полемику с боярской оппозицией в лице начитанного и умного боярина Андрея Курбского. Нужен был ему и переводчик на русский язык иностранных рукописей либереи.

А теперь вооружимся географической картой и посмотрим, каким путем двигались плененные дерптцы в указанные им пункты. Нет никакого сомнения, что путь их от Дерпта (ныне Тарту) лежал через Псков, Старую Руссу, Вышний Волочек на Тверь. Далее три первые группы, направлявшиеся в поволжские города Нижний Новгород, Кострому и Углич, конечно, переходили на суда и плыли по Волге до этих городов. Ну, а четвертая группа, следовавшая во Владимир? Самый прямой путь ее лежал через Клин, Дмитров и... Александров. Дороги эти — старинные, протоupоренные, русские торговые пути. Что же касается дальнейшего следования, то дорога Александров — Владимир столь известна и популярна, что силою исторических судеб и ныне эти города соединяются шоссе.

Но как непримиримый к внешним и внутренним врагам Иван Грозный любезно принимал пленного дерптца пастора Веттермана и гостеприимно показывал ему свою либерею, да еще просил заняться переводами? Но ведь в «Ливонской хронике» особо подчеркивается, что Иван Грозный заочно знал Веттермана как человека ученого и высоконравственного и поэтому мог сделать для него исключение. Как показывает одна из старинных карт, в Александрове даже была специальная слобода для иноземцев. Кроме того, Ниенштедт со слов Веттермана нигде не говорит, что сам царь присутствовал при демонстрации библиотеки, а называет лишь трех его советников: Висковатого («Высровату»), Щелкалова («Салкана») и Фуникова («Фунику»). Все это люди вполне реальные, занимавшие определенные, довольно высокие должности при дворе Ивана Грозного.

Здесь я подхожу к весьма существенному пункту разногласий между доктором исторических наук А. А. Зиминым и мной. Нужно оговориться, наши известные историки, к сожалению, очень редко обращаются к теме либереи, считая ее уделом беллетристов. А. А. Зимин — исключение.

Историк считает существование библиотеки античных рукописей у Ивана Грозного вполне вероятным и приводит в пользу этого ряд веских и важных соображений. Однако он считает, что Веттерман видел библиотеку не в Александрове в 1565 году, а в Москве в 1570 году. На то у исследователя, казалось бы, веские соображения: убежденность, что таким персонам, как пленный немец Веттерман и его спутники, не стали бы показывать библиотеку по пути их следования в ссылку, а демонстрировали ее лишь после того, как в 1570 году они были прощены. Главное же в том, что в числе лиц, сопровождавших Веттермана, Ниенштедт называет Фому (Томаса) Шреффера. А. А. Зимин полагает, что это не кто иной, как Христиан Шрафер, упомянутый в свите датского принца Магнуса, торжественно принятого Грозным в Москве в 1570 году. Но справедливо ли это, когда Ниенштедт никакой другой даты, кроме 1565 года, не упоминает?

Вот почему мне представляется единственным выводом: пастор Веттерман и его спутники видели либерею в 1565 году в Александровой слободе, где она находилась в то время. А была ли она привезена обратно в Москву? «Вряд ли,— говорит александровский краевед М. Н. Куницын.— Вспомним, при каких обстоятельствах Иван Грозный покинул слободу. Было это в двадцатых числах ноября 1581 года, когда он в страшном смятении шел за гробом убитого им 19 ноября сына Ивана, коего прочил на царство. В Москве в скорбных чувствах он и прожил до самой смерти еще два с лишним года, то неистово молясь, то призывая колдунов. До либереи ли ему было? А далее правление богобоязненного Федора, слишком далекого от сочинений «богомерзких» античных писателей, кратковременное царствование Бориса Годунова, мудрого правителя, но человека «бесписьменного», по утверждению современника... Смута, разорение государства, на троне малолетний Михаил Романов, затем «тишайший» Алексей Михайлович, цари «растительного образа жизни». И, наконец, Петр I, яростно прорубивший окно в Европу, переполненный военными и государственными заботами. К тому времени библиотека была уже забыта, коль она не упоминается в бумагах Сената в связи с челобитием Осипова о неизвестной «поклаже».

...Возвращаюсь к тому, с чего начал, к книге с автографом: «Эту библию на славянском языке получил из царского книгохранилища Джером Горсей в 1581 году». Если конец ноября и декабрь этого года были столь омрачены в жизни Ивана Грозного, что совершенно исключается его занятие либереей, то очевидно и другое: подарок ему в том году царь сделал до трагического дня 19 ноября. Где же находилась либерея, или «царская книгохранительница», как назвал ее Горсей, если Иван Грозный почти неотлучно жил тот год в слободе до дня своего окончательного ухода из нее? Там, в слободе, и подарил Иван Грозный только что отпечатанную Иваном Федоровым книгу, издание, известное специалистам под названием «Острожская библия», и, как особая ценность, сразу же попавшее в либерею.

В Александрове, где либерею, в сущности, не искали, есть подземные ходы и многочисленные погреба. Писатель-историк К. Валишевский упоминает «огромные подвалы с таинственными закоулками, с подземными ходами, уходящими в неведомую глубь, откуда, кажется, готовы подняться кровавые призраки...».

Опричник Г. Штаден писал, что подземным ходом, настолько он был широк, можно было проехать на тройке до старой слободы или до реки Серой. Сотрудники местного историко-краеведческого музея, расположенного в бывшем монастыре, укажут вам три места провалов земли.

Число подобных фактов можно было бы приумножить. Но теперь слово за археологами. Пора от теоретических предпосылок переходить к практическим выводам.

КЛИК ЖУРАВЛЕЙ

Арви СИЙГ

КАНУН

Все — как обычно.
В лесу засыпающем
птичьи умолкли
уже голоса.
Клен облетает.
С ветвей осыпаются
бабочки листьев,
порхая в кустах.
В море осеннем
лишь солнце купается —
желтая шапочка
в дальней волне,
как поплавок,
полегоньку качается.
Поезд вечерний
зевнул в тишине.
Мы — накануне зимы.
Но весеннее
есть что-то в шуме
балтийской волны.
Сердце как будто
сместилось во времени.
Клик журавлей мне —
как голос весны.

ЗОВ

Память стережет былые годы...
Сад вишневый, дикий.
Ветра вздохи.
Во дворе колодец. На воде
лик русалки.
Потолок в избе.
Жизнь, верни мне прожитые годы.
Отдохнуть хочу
под их я сводом.
Жизнь, верни вишневый, дикий
сад.
И русалочий
на дне колодца взгляд.
И как только вспять помчатся
годы,
встречу детства день
я вновь у входа.
И сама собой пойдет бадья
вверх и вниз —
одна, без журавля.
Побелю я старый потолок...
Но несет вперед меня
поток.
За спиною остается зов:
«Жизнь,
верни мне алых вишен сок».

ОЧАГ

Сердце опять возвращается
в детство.
Чем я владел?
Чистотой. Тишиной.
Снегом и ветром.
Ольшаником редким.
Узкой тропинкой.
Избушкой лесной.
Что получил я
от жизни в наследство?
Шумного города водоворот.
Трепет стиха.
Расставанья и встречи.
Дом, где любимая
вечером ждет.
Что же еще?
Но опять возвращаюсь
узкой тропинкой
к избушке лесной,
к той, где старушка
в печурке мешала
угли когда-то стальной кочергой.

РЕБЕНОК

Он за бабочкой гнался по лугу,
на бегу поднимая сачок,
загоняя проказницу в угол,
под деревья, на яркий цветок.
Из-под ног ускользнула плутовка,
с хрупких крыльев роняя пыльцу.
Растворилась в воздушном потоке.
Превратилась в туман и мечту.
Луг отцвел и зацвел. Дни и годы
шли неспешно своей чередой.
И однажды он вышел из дому
и побрел по росе луговой.
Детство кончилось. Крепло
сознанье,
что мечту не поймаешь сачком.
Он ступил на порог мирозданья
и готов был войти в этот дом.

ДОРОЖНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Я пробьюсь сквозь стены лет —
к березам
на свиданье в августе приду.
Отзвенели на лугах покосы.
В поле рожь вскипает на ветру.
Ветер жизни
остудил мне душу.
Взгляд мой строже стал
и холодней.
Почему же ворот словно душит
что-то стародавнее во мне?..
Я молчу.
Вокруг молчат березы.
Лишь склонилась до земли одна.
Удалась и красотой и ростом.
И куда-то вдаль глядит она.
К долу
шторм пригнул ее осенний,
жилистые корни обнажив.
И как будто стала мне яснее
собственной души немая жизнь.
Ведь и я корнями
весь в деревне,
лишь верхушка в город уперлась...
Прислонились к городу деревья,
испытав осенних ветров власть.

* * *

Они уходят в степь
тропой, от зноя бурой.
Горячий воздух сух.
Соль сохнет на губах.
Два сердца, две судьбы,
одна лишь только куртка,
наброшенная им
на плечи второпях.
Садится солнце. Степь
притихшая безлюдна.
Палатки позади.
А впереди курган.
Там грузной буровой
чернеют в небе трубы
и факел на ветру
свой изгибает стан.
Там рвется из земли,
отдушину нащупав
зажатый в глубине
тугой, горючий газ.
Из горловины труб
он вылетает с шумом
и, вспыхнув на лету,
огнем встречает нас.
Бормочет ветер. Ночь,
пропахшая полынью,
непрошеных гостей
встречает и ведет
к кургану, где огонь —
как символ вечной жизни —
из щедрых недр земли
фонтаном в небо бьет.
Они молчат. Слова
уже запали в сердце.
А факел в темноте,
как лампа из окна,
притягивает их.
Им хочется вглядеться
в неповторимый лик
подземного огня.
Когда-нибудь поймут:
любовь всегда горенье.
Как жаль, что на ветру
сгорают недр рубли.
Скорее в дело их,
и в дело жизнь скорее...
Они уходят в степь —
во власть ее любви.

Перевел с эстонского
Анатолий ГОРЮШКИН.

гастроли

ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ

Музыкальной мистерией «Улица коммунаров» открыл свои первые гастроли в Москве Государственный молодежный театр Литовской ССР. Спектакль, созданный драматургами С. Шальтянисом и С. Геда в содружестве с композитором О. Балакаускасом, поставленный главным режиссером театра Д. Тамулявичюте, ошеломляет яркостью, зрелищностью сценического языка. «Улица коммунаров» — реквием памяти революционеров, трагически погибших в Вильнюсе в годы борьбы за Советскую власть. Создавая спектакль, театр стремился, чтобы вечная тема борьбы людей за правду и справедливость нашла новое современное воплощение, стремился заинтересовать и взволновать зрителя, который придет в театр сегодня, спустя шесть десятков лет после гибели коммунаров...

Москвичи смогли посмотреть семь спектаклей: здесь и детская сказка «Бябянчюкас» К. Кубилинскаса, и «Андрюс» В. Пальчинскайте, предназначенный младшим школьникам, «Прикосновение» Р. Ибрагимбекова — для подростков старшего возраста, «Загонщики огня» С. Шальтяниса, Л. Яцинявичюса и композитора Г. Купрявичюса — для молодежи...

Коллектив прекрасно сознает меру ответственности, что возлагается на главный республиканский молодежный театр. Этим объясняется и разнообразие репертуара, и вызывающая доверие ясность, и простота разговора со своим зрителем.

Сейчас, когда подросток, стараясь не обнаружить перед другими свою незащищенность, наивность, нередко отгораживается иронией, внешней легкостью отношения ко всему происходящему, театр выбирает, пожалуй, самый нелегкий путь. Он не боится высоких слов, трагических открытий. Театр словно бы и не знает, что в зале сидит современный ироничный подросток. Он исповедует другое: человек всегда стремится к постижению вечных истин — что есть правда, что есть любовь, что есть добро и зло.

В работах театра одним из главных выразительных средств является музыка. Первый литовский мюзикл «Загонщики огня» — о наших молодых современниках. О любви, что нуждается в защите, о честности перед самим собой. Из камерной, казалось бы, незначительной истории вырастает психологическая драма. Театр скрупулезно исследует ситуацию, ее героев, словно заявляя нам: это люди, живущие рядом, те, кого вы встречаете каждый день на улице, в толпе. У каждого своя боль и радость. Нет обезличенного человека, есть Человек...

«Улица коммунаров». Фото М. Строкова

Государственный молодежный театр Литовской ССР находится еще в том прекрасном возрасте — ему тринадцать лет,— когда кажется, что все в твоих силах, нет невозможного, во всем тебе будет сопутствовать удача. Театр захвачен неугомонным буйным духом студийности. Но вечно оставаться юным невозможно — с годами приходит зрелость, строгость в отборе выразительных средств, взыскательность по отношению к себе. Будем надеяться, что коллектив обретет это. Сейчас же в нем есть главное — преданность прекрасному искусству.

Л. ЛУКЬЯНОВА

М. Красильников. МОЛОДЫЕ ТРАКТОРОСТРОИТЕЛИ.

Выставка «Молодые художники России — 60-летию Ленинского Комсомола».

Л. Шилов. ЛИКБЕЗ.

Выставка «Молодые художники России — 60-летию Ленинского Комсомола».

АРЕНА ПОД ВОДОЙ

Ю. ЛУШИН
Фото автора

На воде Куртлинского водохранилища под Ашхабадом метались разноцветные кораблики. Какая-то неведомая сила заставляла их то мчаться вперед, то кружиться на месте. Когда кораблик подплывал к буйку, сидящий в лодке судья поднимал и опускал флажок, как бы отправляя кораблик в дальнейшее плавание. Буйков было много, и кораблики как заведенные обходили их один за другим. Однако главное происходило под водой, в темной глубине, где, ориентируясь по приборам, стремились к намеченной цели современные ихтиандры — пловцы-подводники. Именно они заставляли мчаться по поверхности игрушечные кораблики, привязанные тонким плетеным шнуром к поясу спортсменов.

Кораблики были визитными карточками подводных пловцов. Когда метрах в пяти от буйка-ориентира кораблик начинал в нерешительности кружиться, это значило, что пловец потерял ориентировку и сейчас пытается решить, в чем причина. Может быть, при прокладке курса он отсчитал неверный угол? Или его снесло течением? А может быть, неточны показания лага?..

Пловец мечется вправо, влево, вперед, но ориентир ускользает от него, а секунды бегут и бегут, все меньше шансов на успех. Вот начинает падать давление в баллоне акваланга, скоро дышать будет нечем. И выдержка изменяет спортсмену, он резко бросается в сторону от цели и не слышит беспощадной команды главного судьи: «Снять с дистанции». Такой исход неизбежен, если пловец неверно взял ориентир, не уложился в контрольное время, показал над водой часть снаряжения или просто всплыл, не пройдя дистанции, потому что кончился воздух в баллоне...

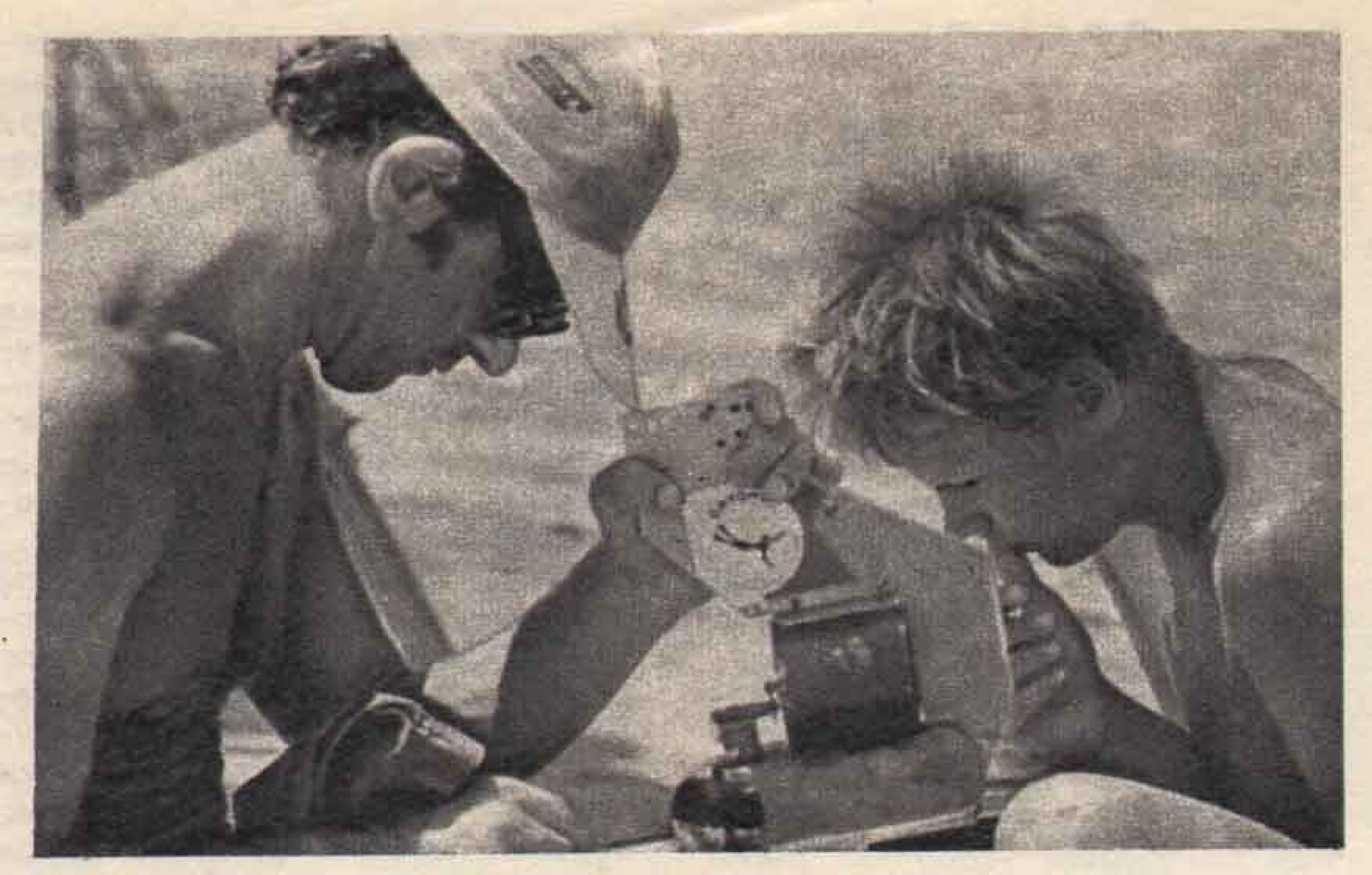
Я сидел на берегу и болел за новосибирскую команду. Она в пятый раз выигрывала «Хрустальную ладью» — Кубок СССР. Может быть, сибирякам было легче других, потому что в их составе находились чемпион мира Александр Салмин, чемпионы Европы Владимир Загозин, Любовь Литвина, Сергей Трунев; новосибирцы составляют более половины сборной Советского Союза.

Это меня и удивляло и восхищало одновременно. Почему именно в Сибири, с ее долгой зимой и холодными водоемами, расцвело подводное ориентирование? Почему не на Черном море (там тоже есть отличные пловцы-подводники, но и возможностей, согласитесь, гораздо больше, чем где бы то ни было)? Я задавал эти вопросы пока самому себе, ожидая «играющего» тренера (как сказали бы хоккеисты!) новосибирской команды Владимира Загозина. Он как раз находился под водой, и я напряженно следил, как летел, рассекая воду, его поплавок-кораблик от ориентира к ориентиру почти по идеальной прямой. Создавалось впечатление, что он видит под водой не на два метра, а по крайней мере на десять. Он элегантно прошел контрольные ворота точно посередине, и судья объявил: «Отклонение — ноль».

Его финиш окончательно перечеркнул надежды соперников. Я видел перед собой победителей, но неистовой пляски восторга, вздымания рук, объятий — словом, ритуала, ставшего таким привычным на футбольных и иных игровых полях, не произошло. Более того, победители словно бы даже недовольны были своей победой, и потом во время разговора с Загозиным я услышал объяснение этому.

— Мы и в победах ищем минусы, просчеты,— сказал он.— И сегодня могли бы лучше выступить, но к открытой воде после бассейна не успели толком привыкнуть...

— Я как раз хотел спросить — трудно ли это привыкание?

Прокладка курса — дело не простое.

— Во всяком случае, не просто. Бассейн дает нам физическую подготовку, скоростные навыки, что очень важно. Но собственно ориентированием в нем ведь не займешься.

— Как же объяснить тогда ваши постоянные успехи? Кто первым в Сибири начал заниматься подводным ориентированием?

— Наш спорт еще молод. Он возник в СССР лет двадцать назад, а Сибирь с ним впервые познакомили томские студенты. У томичей был небольшой бассейн, который назывался по-домашнему — «баня». Здесь они тренировались круглый год и одно время были сильнейшими в России. Мы с ними встречались, постоянно проигрывали и мечтали о победе. Наконец, в Новосибирске появился свой бассейн — «Динамо». Нас пускали туда в самое неудобное время — в шесть утра и в двенадцать ночи, но мы не роптали, тренировались упорно и самозабвенно. За два года мы резко ушли вперед и стали побеждать своих соперников. Я работал тогда инженером на заводе, и это обстоятельство неожиданно сыграло большую роль в дальнейших наших успехах...

— Почему именно это обстоятельство?

— У нас довольно сложное снаряжение, а промышленность, кроме аквалангов, ничего не выпускает. Вот и приходится делать все самим. Это, поверьте, не просто — рассчитать и сделать лаг, глубиномер, компас. Нужны знания, инженерные навыки... Затем мы усовершенствовали ласты, удлинили их, и теперь в таких ластах состязаются все без исключения спортсмены и у нас и за рубежом.

— Мне рассказывали, что однажды на международных соревнованиях вы одолжили свое снаряжение шведскому спортсмену, и он тут же установил рекорд...

— Это были традиционные весенние соревнования на приз Штехлинзее в ГДР. Мы тогда впервые предложили одну новинку... Раньше акваланги находились у пловцов за спиной. Но несколько лет назад я подсмотрел удивительный способ плавания, который продемонстрировал московский пловец мастер спорта Иванов. Тот самый, что дублировал главную роль в фильме «Человек-амфибия». Он вообще любил все новое, охотно его сам испытывал и, может быть, только поэтому не достиг в спорте выдающихся результатов... Так вот, Иванов плыл,

Новосибирская команда.

держа баллон акваланга на вытянутых руках впереди себя, а не за спиной. Я попробовал плыть так же, и мне понравилось. Сопротивление воды снизилось, а скорость плавания ощутимо возросла. Но когда мы попытались применить этот способ в ориентировании, то потерпели неудачу. Приборы пришлось монтировать непосредственно на баллоне, и металл баллона влиял на магнитную стрелку компаса, сбивал с правильного курса. Компас стал врать, а мы — плыть совсем не в ту сторону, куда нужно. Тогда мы обратились к ученым нашего Сибирского отделения Академии наук с просьбой изготовить баллоны из алюминия, которые бы не влияли на компас, но из этого тоже ничего не вышло. Конечно, есть способ пересчета, поправок, но он довольно сложен. Мы продолжали плавать по-старому, пока не появились немагнитные баллоны, и вот тогда-то, наконец, решили испытать новый способ на соревнованиях в ГДР... Готовились всю зиму. Сначала на нас смотрели с недоверием, но когда мы начали сокрушать рекорды один за другим, скепсиса как не бывало. И вот в перерыве ко мне подошел шведский пловец Свен Оландер и попросил разрешения осмотреть «сибирское чудо». Мы предложили ему испытать «чудо» в деле, в одном из стартов, и швед в первом же заплыве побил свое прежнее достижение. Сейчас с аквалангом за спиной никто не плавает...

Соревнования заканчивались. Последние пловцы облекались в плотные прорезиненные брюки, привязывали к поясу свинцовый груз, нож (на случай, если запутается снаряжение, чего, к счастью, еще не случалось ни разу), проверяли давление воздуха в баллонах, бросали последний взгляд на вычерченный на пластиковой дощечке курс движения и после выстрела стартера уходили с коротким всплеском под воду.

С этого момента подводнику не могли помочь ни советы друзей, ни указания тренера, ничто на свете, кроме его собственной воли, выдержки, интуиции, знаний, опыта и тренированности.

И как бы подтверждая эту мысль, возле поплавка, маячившего уже минуты три-четыре в нескольких метрах от ориентира, вдруг показалась голова вынырнувшего спортсмена. Нервы сдали, не выдержал.

— Опыта маловато,— прокомментировал Загозин и пошел к своей команде.— Не забыли баллоны заправить?— услышал я его голос.— Завтра, как обычно, тренировка с утра...

Они победили, но спорт не любит остановок. На то он и спорт.

СМЕРТЬ НА ПО

Гюнтер ПРОДЛЬ

I

Свалка находилась юго-западнее Гамбурга, у Овельгенне. Когда кандидат в комиссары полиции Бевензен прибыл туда 4 марта 1968 года около восьми часов утра, единственные ворота перед подъемом на плато стояли на запоре. Табличка гласила: «Сегодня свал только с 10 часов». Ворота были ниже человеческого роста и из той же проволочной сетки, что и растянувшаяся на километры ограда, за которой высилась громадная, метров в пятьдесят над землей гора мусора.

Спортивными успехами Бевензен похвастать не мог да и с виду был больше похож на почтового чиновника, чем на гимнаста. Однако такие ворота и ему не представлялись бы неодолимым препятствием, если бы за ними не скалилась здоровенная, величиной с теленка собака неопределенной породы. Все же он вышел из своей служебной машины и сделал неловкую попытку подружиться с этой дворнягой.

— Ах ты мой красавчик! Ну, поди сюда, поди! Не сердись, милый, не надо.

На миг собака и впрямь умолкла, прислушиваясь к этой пустой болтовне, вернее всего, потому что такой дружеский тон был для нее непривычен. Но затем она ринулась в атаку на Бевензена, хотя добраться до него ей не позволяла цепь.

Поняв уже, что этого цербера ему не умаслить, Бевензен вернулся в свой «фольксваген» и медленно повел его по ухабистой проселочной дороге в сторону от ограды, чтобы затем попытаться с какого-нибудь другого места проникнуть все же на заветное плато. Над свалкой стаями носились вороны — он никогда не видывал таких крупных — и, как голодные стервятники, высматривали добычу.

Бевензен снова вышел из машины. Дуйсбургский грузовой автопоезд, за которым он охотился, был уже на месте и сейчас наверняка со всей поспешностью разгружался. Не оставалось ничего другого, как превратиться в альпиниста и приступом взять гору мусора. Это был единственный шанс застигнуть подозреваемых, прежде чем бульдозер перемешает высокоядовитые промышленные отходы с обычным домашним мусором.

Через полчаса Бевензен покорил-таки намеченную вершину и в своем испачканном, помятом костюме был меньше всего похож на представителя власти. Однако старался он не зря: в центре плато стоял мощный тягач с двумя большими прицепами. Номер был дуйсбургский, а название фирмы, похоже, заклеили пленкой, которую по окончании запретной операции можно сразу же удалить. Опрокинутый гидравлическим подъемником кузов первого прицепа вывалил уже на землю десять тонн раскисшего месива. Теперь бульдозер раскатывал его, смешивая с кульками, пластиковыми пакетами, старыми ботинками, поломанными детскими игрушками и прочим хламом, попавшим сюда с помоек огромного города.

Делом, видимо, были заняты четыре-пять человек. Один работал на бульдозере; еще один мог сидеть рядом с водителем в кабине; двое возились с опрокинутым кузовом, соскребая остатки грязи, а один молодой человек, похоже, исполнял роль надсмотрщика. Ему не могло быть еще и тридцати лет, по виду он явно происходил откуда-то с юга, а его элегантное дорогое кожаное пальто никак не вязалось с работой на мусорной свалке.

Водитель бульдозера, первым заметив постороннего, указал на него южанину, и тот, обернувшись к Бевензену, на ломаном немецком языке произнес:

— Не глазеть. Уходить. Не понимать? — Для большей ясности он замахал худыми руками, точно прогоняя кур.— Уходить, аванти, нет здесь искать, вход посторонний господин воспрещен.

Бевензен распахнул свое испачканное пальто, доставая полицейский жетон.

— Ничего не запрещен. Мне здесь есть что искать...— Он показал жетон.— Вот! Полиция, полис, понятно? Отделение охраны окружающей среды, понятно?

Итальянец упрямо замотал головой; его черные глаза сверкали.

— Нет полис! Я здесь босс! Частная фирма. Ну, вали отсюда, аванти!

Он говорил как заведенный и слушать ничего не желал. Но тут Бевензен вспомнил про своих дождевых червей и решил наглядно продемонстрировать этому человеку, что такое ядовитые промышленные отходы и почему их ни в коем случае нельзя сваливать здесь.

— Пойдемте,— сказал он,— я покажу вам, какую опасную грязь вы сюда привезли. Эта штука сожжет весь мусор до самой земли и просочится в грунтовые воды. Кончится тем, что люди станут дохнуть, как мухи. Понятно? Вот почему нельзя сваливать здесь такие отходы.

Бевензен потащил итальянца за собой, продолжая на ходу говорить:

— Сейчас я вам покажу, и вы сами убедитесь, насколько это опасно.

Внезапно молодой человек очень хорошо его понял и не только уловил суть дела, но и сам заговорил на значительно более правильном немецком:

— Ничего ядовитого, никакой опасности для немецких людей.— Он достал из кармана бумажник.— У меня и документ есть!

Он предъявил сильно потрепанный, почти уже разорванный на сгибах бланк итальянской автомобильной фирмы «Альфа-Ромео». Бевензен, однако, ничего, кроме всемирно известного названия, разобрать не смог. Текст был написан по-итальянски; ни даты, ни номера автомашины в нем не было.

— На что мне это? — не понял Бевензен.

Все сильнее волнуясь, итальянец тыкал указательным пальцем в бумажку.

— Здесь сказано, что ничего нет опасного, абсолютно неядовито, никаких вредных последствий ни для людей, ни для животных...

— Сейчас увидим!—уже сердито проворчал Бевензен.

Он подошел ко второму, еще не разгруженному прицепу, вынул из кармана круглую табакерку и осторожно, кончиками пальцев извлек на свет двух дождевых червей, припасенных им для рыбной ловли. Затем он тщательно очистил их от чернозема и положил на бурую, засохшую грязь, лежавшую в кузове. Словно почуяв опасность, черви на миг замерли, но потом вдруг дернулись, как будто их ударило током, завертелись, задрожали, свернулись спиралью и подохли. Затем стали распадаться, превратились в жидкую кашицу, которая тут же растеклась по застывшей грязной коре и исчезла в трещинах. Через несколько секунд от обоих червей не осталось и следа.

Некоторое время Бевензен ошеломленно смотрел на это. Такого быстрого эффекта своего опыта он и сам не ожидал. Почти испуганно захлопнув табакерку, он дал наконец волю своему гневу:

— Не ядовито, да? Абсолютно никакой опасности для немцев?!— Рассвирепев, он обернулся к итальянцу, стоявшему в нескольких шагах позади него.— Ты, проклятый макаронник! Обдурить меня хотел! Ну, подожди, я с тобой разделаюсь. Ни лицензии, ни вида на жительство тебе больше не видать, я уж об этом позабочусь!

Он говорил с яростью, как правило, совершенно ему не свойственной. Итальянец побелел, испуганно отступил и снова принялся за свое:

— Я не понимать, не ядовито, мне сказали.

— Черт подери! Меньше чем за десять секунд кислота сожрала червей. Что, ты думаешь, будет с людьми, которые станут пить эту отравленную воду? То же, что с червями. Погибнут тысячи, десятки, сотни тысяч людей! Кто тебя знает, сколько ты уже перетаскал сюда или на другие свалки такого вот яда! Довольно, ты арестован. Тебя будут судить! Такому типу самое место на каторге!

Итальянец стоял как вкопанный, широко расставив ноги, заложив обе руки в карманы пальто, с ненавистью устремив на Бевензена черные, сузившиеся в щелки глаза.

— Я не ходить!

Он вытащил из кармана правую руку, сжимая пальцами револьвер.

— Ты подохнешь, как твои черви. И, как они, растворишься. Ничего от тебя не останется...— Он поднял удлиненный глушителем пистолет, целясь в голову Бевензену.

Сначала Бевензен готов был еще съязвить: здесь, мол, не место для итальянских вариаций вестерна, мальчик! Но потом до него дошло, что парень не шутит, что он в панике и видит единственное спасение в убийстве Бевензена, который только что сам — и надо же было быть таким идиотом! — продемонстрировал, как можно именно здесь, не оставив ни малейших следов, уничтожить труп. Другие, конечно, с ним заодно, все они одна шайка, на их помощь рассчитывать не приходится.

Бевензен чувствовал, как у него судорогой сводит желудок, как все его тело пронизывает дрожь. Мысли вихрем проносились у него в голове. Как завороженный смотрел он на черное дуло пистолета. Каждый день случались теперь такие убийства, бесцельные, ненужные, лишенные всякого смысла, вызванные обыкновенной досадой, а то и просто недоразумением. И он, Бевензен, тоже хорош! Зачем он пригрозил этому человеку каторгой? У него ведь и власти не было привести в исполнение свою угрозу. Нет такого закона. За сброс в неположенном месте ядовитых отходов самое большее пришлось бы уплатить 250 марок штрафа. Просто смешно.

И вот из-за такого пустяка он должен был умереть, именно он, кандидат в комиссары полиции Лотар Вернер Эрих Бевензен, проживший только 32 года, находящийся в самом расцвете лет, имеющий семью — жену и полуторагодовалую дочь. Нелепая смерть! На помойке! Он ведь и на службу в полицию пошел не ради геройских подвигов, он никогда не рвался расследовать убийства и грабежи. Он хотел быть простым чиновником, иметь надежное место, приличный оклад и гарантированную пенсию по старости: именно так рекламировали службу в полиции набранные крупным шрифтом объявления в газетах. Только это его и привлекло, причем служить он намеревался исключительно в административном аппарате[1]. И необходимое комиссару образование в полицейской академии Хильтрупа по-

[1] В ряде западных стран полицейский аппарат не является единым, и отдельные его ведомства действуют почти автономно, называясь по основным направлениям деятельности полициями безопасности, уголовной, административной (иногда ее называют кабинетной), политической (тайной) и др.

лучил лишь с целью перевода в более высокую должностную категорию. В академии он тоже успешно избежал всякой специализации по оперативной работе, добровольно записавшись только на новый дополнительный семинар по охране окружающей среды.

Охрана лесов и полей, водных источников и атмосферы—это было ему по вкусу. Тут он был среди самых прилежных курсантов. Он выучил назубок водное законодательство, правовой режим заповедников, проекты готовящихся в Федеративной Республике Германии законов по борьбе с загрязнением окружающей среды вредными промышленными отходами. Он закончил курс с весьма высокой оценкой, представив экзаменационной комиссии убедительные аргументы в пользу намеченных правовых норм.

Тезис первый: загрязняя землю и воздух, человек идет по пути к собственной гибели.

Тезис второй: нещадно эксплуатируя природу и бездумно уничтожая ее богатства, человек лишает себя и своих потомков всех источников существования.

Тезис третий, непосредственно вытекающий из двух предыдущих: полиция должна самым решительным образом пресечь эти пагубные действия, для чего ее необходимо срочно вооружить эффективными средствами борьбы.

Вернувшись затем снова в административную полицию Гамбурга, Бевензен мог твердо рассчитывать на соответствующую полученному аттестату должность. Так оно и случилось. Его назначили начальником отделения 3-б, созданного специально для борьбы с загрязнением окружающей среды.

Почти год провел он затем среди пустых полок, стремясь извлечь практические рекомендации из всего, что писалось в газетах и в научных журналах, говорилось по радио и по телевидению о защите окружающей среды; составляя письменные обзоры этих материалов и складывая их на полки, ничем другим все еще не заполненные.

Его отделение 3-б долгие месяцы оставалось в зачаточном состоянии — этакий неразвившийся побег полицейского дерева. Весь штат был представлен единственно Бевензеном, который был сам себе начальником и своим же собственным заместителем, а также секретарем, машинисткой и уборщицей. Полицейские власти создали новое отделение, отреагировав таким образом на поднятую прессой кампанию; большего они сделать не могли. Для активных действий не было ни поводов, ни нормативных актов, которыми следовало в таких случаях руководствоваться.

Бевензена все это не слишком печалило. Желанное место в административной полиции он получил, не за горами было и производство в комиссары; в общем, положение было вполне терпимым, и он готов был до самой пенсии торчать здесь.

И вот тут-то на его письменный стол легло анонимное письмо ревнивой жены одного возчика: «Бульдозер-тягач с дуйсбургским номером ДИ-НД103, или 113, или 203, или что-то в этом роде, ежемесячно вывозит на мусорную свалку у Овельгенне два прицепа с высокоядовитыми мышьяковистыми и солянокислыми отходами!»

За отсутствием сотрудников, которым можно было бы перепоручить это дело, Бевензен волей-неволей вынужден был сам заняться проверкой. Четверо суток следил он за въездом на свалку. Ежедневно сюда прибывало до пятидесяти автопоездов, но все они были из Гамбурга и свозили самый обычный домашний мусор.

В дневные часы Бевензен сидел с удочкой у соседнего со свалкой ручья, по которому текла вонючая красноватая жижа, время от времени пронося какую-нибудь дохлую рыбу, а то и одинокую красноперку. По ночам он становился со своим «фольксвагеном» на пост в полуразвалившемся сарае заброшенного крестьянского двора. На смену он из-за нехватки личного состава рассчитывать не мог и потому заваливался спать, не слишком надеясь, что анонимное заявление подтвердится. Ночи стояли холодные, да и «фольксваген» не обладал удобствами спального вагона.

Интерес Бевензена к борьбе с загрязнением окружающей среды катастрофически падал и был уже, в сущности, на нуле, когда Бевензен скорее случайно, чем благодаря бдительности заметил в то утро взбиравшийся по склону дуйсбургский тягач с двумя прицепами.

Отчаянные раздумья Бевензена были прерваны не выстрелом, но криком и глухим стуком. Черное дуло исчезло. Итальянец упал замертво. Кровь, обагряя черные волосы, растекалась под его головой в лужу.

Гигант лет пятидесяти с лишним, широколицый, обрюзгший, усатый, в непромокаемой куртке, бриджах и высоких сапогах, подошел к лежавшему молодому человеку, склонился над ним, проверил, не дышит ли, забрал револьвер. Другой рукой он поднял с земли окровавленную четырехгранную ножку стола и с размаху зашвырнул ее в еще не разгруженный прицеп.

Затем он повернулся к Бевензену, и тот снова увидел угрожающе нацеленный револьвер.

— Отдайте мне ваше служебное оружие. Позже я вам его верну.

Бевензен вне себя от испуга поднял обе руки.

— Проверьте сами. У меня нет при себе оружия.

Весь в поту, он покорно дал себя обыскать. Потом наконец спросил:

— Что здесь происходит? Зачем вы его так?

Стокилограммовый великан энергично схватил его за плечи, повернул и ткнул в спину револьвером.

— Вам хотелось самому здесь лежать? Так что ступайте. В кабину.

Двое пожилых мужчин в рабочей одежде, стоя возле заднего прицепа, хмуро и без интереса смотрели, как Бевензен под конвоем идет к тягачу и садится в кабину.

Задержавшись на миг у открытой дверцы, человек в непромокаемой куртке крикнул им:

— Я сейчас разгружусь. Вы сразу принимайтесь за дело.

Он поднялся в кабину, револьвером приказал Бевензену потесниться, включил мотор и привел в действие гидравлический подъемник.

Кузов второго прицепа бесшумно пополз вверх. Рабочие быстро откинули борт и подались в сторону. Десять тонн ядовитого груза заскользили к земле. Тяжелая машина медленно двинулась, делая дугу, чтобы развернуться с обоими прицепами. Когда кузов второго прицепа стал почти вертикально, комья засохшего месива обрушились на труп итальянца и погребли его под собой. А затем еще бульдозер, не хуже дорожного катка утрамбовав эту ядовитую массу, сровнял ее с землей и окончательно уничтожил следы недавней трагедии.

Бевензен оцепенело смотрел сквозь ветровое стекло. Сидевший рядом гигант мастерски вывел тяжелый автосостав через узкую горловину на дорогу, змейкой сбегавшую вниз, к воротам. Только осуществив этот маневр, он глянул в зеркальце и мимоходом сообщил:

— Его никто уже не найдет. Да и искать его здесь никто не станет. Но из-за вас весь полицейский аппарат был бы поднят на ноги! Они все вверх дном перевернули бы, чтобы добраться до обстоятельств вашей гибели. Вот этому я должен был помешать.

На самой малой скорости грузовой автопоезд спустился по серпантинной ленте дороги к выезду со свалки. Один из рабочих шел впереди. Он загнал собаку в барак и отпер ворота. Бевензен думал, что водитель напоследок обменяется с этим рабочим каким-нибудь условным знаком, но, хотя не сводил глаз с обоих, ничего такого не заметил.

Добравшись до места, где Бевензен оставил свой «фольксваген», водитель спросил:

— Ваша машина?

— Да,— нерешительно откликнулся Бевензен.— Служебная.

— Есть в ней рация?

Бевензен судорожно хохотнул.

— У меня не такое важное отделение. И полиция не так богата, чтобы иметь возможность оснастить дорогостоящей аппаратурой каждую машину.

— Значит, хватятся ее не так уж скоро?

Бевензен почувствовал, что у него снова сводит желудок и начинают дрожать колени.

— Пусть не сразу, но если она долго простоит здесь, ее, конечно, заметят.

Они подъехали к автостраде В-73, ведущей из Харбурга[1] в Куксхафен. Водитель не ответил. Притормозив, он посмотрел направо, налево. Бевензен напряженно ждал, не свернет ли он в сторону, на глухую проселочную дорогу к болотам—в этом случае все стало бы ясно без слов.

Он с облегчением вздохнул, когда водитель, не уклоняясь от автомагистрали с ее оживленным движением, повернул к Куксхафену. А когда он вдобавок убрал с приборной доски и сунул в карман куртки револьвер, Бевензен совсем успокоился и даже позволил себе осторожно задать вопрос:

— Что вы намерены со мной делать?

Водитель пожал плечами.

— Не знаю еще. Поймите, мне нужно выиграть время, чтобы полиция не сразу напала на мой след, когда примется за розыски.

— Какие розыски? — спросил Бевензен самым простодушным тоном, какой только можно было изобразить.

— Я пристукнул итальянца и уничтожил его труп. Я свалил в неположенном месте ядовитые отходы... Обо всем этом вы как полицейский чиновник должны будете доложить и завести на меня дело.

— Начнем по порядку! Убийство итальянца вы совершили, чтобы спасти мне жизнь, то есть морально ваши действия оправданы.

— Морально? Таких доводов полиция не признает!

— Позвольте мне договорить. На юридическом языке, а следовательно, и на языке полиции это называется необходимой обороной и ответственности за собой не влечет!

— Это вы сейчас так говорите.

— Так говорит закон, параграф пятьдесят третий уложения о наказаниях гласит дословно: «Деяние, в иных условиях преступное, не является таковым, если оно было вызвано необходимой обороной». А необходимая оборона означает, что человек защищал себя или другого от грозящего нападения. Так что за это вам ничего не будет. У меня есть достаточные основания засвидетельствовать, что оборона действительно была необходимой.

Водитель долго молчал, неотрывно смотрел на дорогу и обдумывал услышанное, прежде чем тем же невозмутимым тоном заметил:

— За это, вы говорите, мне ничего не будет? А за другое? Расследовать придется ведь все. И тут выплывут на свет совсем другие вещи! Вот тогда мне действительно капут. Понятно вам? Из этого дерьма мне не выбраться. Здесь хвост вытащишь — нос увязнет. Что в такой ситуации прикажете делать?

Бевензен понял, что беспокоит этого человека.

— Значит, вы не впервые сбросили там свой ядовитый груз? И давно вы этим занимаетесь?

Он спросил это так простецки небрежно, точно речь шла о совершенно естественном занятии, которое можно походя обсуждать с первым встречным.

Водитель, однако, дернулся и, впервые оторвав взгляд от дороги, порывисто обернулся к нему.

— Что значит «я»?! Все так делают. Тальке в Мюнхене, Хюрт в Кельне, Ханиель в Дуйсбурге, Штиннес в Мюльгейме, Хиллебрандт в Майнце, Тенус во Франкфурте, Кубе в Дюссельдорфе, Бернхольд в Гамбурге! Я могу пе-

[1] Район Гамбурга.

А. П. Чехов читает «Чайку» актерам Художественного театра.

ВОСПИТЫВА

Исполняется восемьдесят лет со дня основания Московского Художественного академического театра имени М. Горького.
Наш корреспондент А. Баташев встретился с одним из старейших мхатовцев, народным артистом СССР М. И. ПРУДКИНЫМ, и попросил его рассказать о встречах с основателями МХАТа, о том, как воспитывали они нового актера, привносящего в роль все богатство и своеобразие своей личности.

И. Москвин и М. Прудкин в спектакле «Фронт».

Б. Ливанов в роли Егора Булычова.

— Константин Сергеевич Станиславский, Владимир Иванович Немирович-Данченко, знаменитые актеры и режиссеры первого поколения мхатовцев... Их имена сегодня окружены легендами. Однако, к сожалению, величие их творческих достижений порой связывается в восприятии некоторых людей с какой-то особенной величавостью и даже недоступностью, которые якобы были им присущи. Это абсолютно неверно. Потому что Станиславский, Немирович-Данченко и воспитанные ими деятели театра отличались удивительной чуткостью, внимательностью к другим людям, способностью воспринимать чужую боль как свою собственную. И именно эта незащищенность, проницаемость души и составляла их главный — человеческий и профессиональный — талант.

...В 1918 году я стал актером Художественного театра, учеником Станиславского.

Двадцатые годы... Это были тяжелые, голодные и холодные годы. Утром, придя в театр, Константин Сергеевич прежде всего узнавал, привезли ли дрова, достаточно ли тепло будет на сцене и за кулисами. Потом шел в буфет: «Чем сегодня будут кормить актеров?» И только после этого начинались репетиции.

Если кто-то из актеров заболевал, Константин Сергеевич звонил ему, справлялся о здоровье. В связи с этим однажды произошел забавный случай. Заболел Топорков. Через некоторое время Константин Сергеевич звонит ему. А надо сказать, что актеры любили копировать Станиславского. И когда Топорков снял трубку и услышал: «Здравствуйте, Василий Осипович, это я, Станиславский»,— он решил, что его разыгрывают, и отвечал с чрезмерной уж непринужденностью: «Что-то ты долго не звонил мне, зазнался, что ли?»

Станиславский, страшно смущаясь, снова назвал себя, однако прошло немало времени, прежде чем Топорков понял, с кем говорит. Возникла громадная пауза, после чего Топорков рассыпался в извинениях.

— Ничего, ничего,— ответил Станиславский.— Но вы, между прочим, запомните, как себя вели. Вдруг вам придется на сцене сыграть человека, попавшего в такую ситуацию.

В этом был весь Станислав-

▶

речислить вам все экспедиционные конторы, всех экспедиторов от Мюнхена до Куксхафена, которые ежедневно сваливают ядовитые отходы где попало, лишь бы от них отделаться. Извозный промысел уже сто лет занимается этим!

Бевензен, как уже говорилось, не был ни супергероем полиции, ни Шерлоком Холмсом, ни Джеймсом Бондом, но это отнюдь не значит, что у него начисто отсутствовало честолюбие, что он не мечтал подняться еще на одну ступеньку служебной лестницы, больше получать, иметь лучшие перспективы на пенсию. А нюх у него на все сулящее такую возможность был безошибочный. Сейчас, почуяв ее, он совсем забился в угол и притих, боясь помешать неожиданно прорвавшемуся речевому потоку у прежде замкнутого и угрюмого великана. Он намеренно не глядел даже на револьвер, который при каждом толчке машины все больше высовывался из наружного кармана непромокаемой куртки, так что одним молниеносным движением можно было завладеть им. Но сейчас важнее всего было другое: ни слова не пропустить из столетней истории извозного промысла, существующего на территории между Мюнхеном и Куксхафеном.

— Промышленности просто девать больше некуда отходы, содержащие мышьяк, цианиды, серную, соляную и азотную кислоты. Дегусса, Крупп, «Даймлер-Бенц», «Фольксвагенверке», заводы красителей — все они готовы вдесятеро платить экспедиторам за этот ядовитый фрахт. Для крупных фирм такие деньги — сущий пустяк в сравнении с сотнями миллионов, необходимых для создания собственных очистных установок и печей сжигания. Вот так это дело и идет. А теперь и заграничные фирмы смекнули, что проще и дешевле всего использовать под свалку старушку Германию.

Бевензен не удержался все же от вопроса:

— Но почему вы взялись помогать им? Вот ведь сегодня вы свозили отходы «Альфа-Ромео»?

— Почему? Почему? Потому что здесь наши крупные экспедиционные конторы уже и этот пирог меж собой поделили. Теперь мелкий предприниматель вроде меня должен за каждый груз отваливать этой банде пятьдесят процентов прибыли. Это действительно самая настоящая банда, такие же гангстеры, как в Америке. Попробуй не подчиниться им, они тебе живо шины проколют, подожгут твой гараж, а то и самого тебя угробят. Я так нисколько в этом не сомневаюсь..

Они приближались к мосту, на котором шли ремонтные работы и движение было разрешено только в один ряд. Дорожный знак уже раньше предписал ограничение скорости до тридцати километров, и впереди образовалась пробка. Все внимание водителя тягача было теперь сосредоточено на дороге. Рукоятка револьвера уже совсем высунулась из кармана его куртки.

Бевензен, потихоньку придвигаясь поближе, возобновил разговор:

— И вы боитесь, как бы в результате полицейского расследования вашим компаньонам не стало известно, что вы, не делясь с ними барышами, обслуживали иностранные фирмы?

— И это тоже...— лаконично откликнулся водитель.— При всех обстоятельствах дело мое швах.

Он вынужден был то и дело посматривать в зеркальце, чтобы убедиться, что его широкие прицепы не нарушают становящийся все более тесным ряд. Бевензену удалось незаметно вытащить левой рукой револьвер, переложить его в правую руку и спрятать к себе за отворот пальто.

Перед самым мостом тягачу пришлось задержаться, чтобы пропустить поток встречных машин. Водитель выключил скорость и откинулся на спинку сиденья.

— У вас такой удивленный вид, что можно подумать, вы вообще не знали, что у нас здесь творится, а?

Не стоило объяснять ему, как мало до сих пор такие дела волновали полицию. Защита окружающей среды — это понятие было знакомо полиции только из газет, но никак не из собственной практики. Бевензен предпочел вернуться к прежней теме:

— Если бы я позволил вам сохранить ваше предприятие — я могу, к примеру, повернуть дело так, чтобы о вас вообще не упоминалось,—согласитесь ли вы оказать мне ответную услугу?

— Какую именно?

— Видите ли, на истории с таким мелким предпринимателем, как вы, я карьеры не сделаю. Но если бы я напал на след ваших главных компаньонов, этих, как вы их называете, гангстеров, польза была бы нам обоим. Вы сохранили бы ваше микропредприятие. Здесь я могу дать вам гарантию, и за такое я готов отвечать. Ваши двадцать тонн мира не погубят — цена невелика, если я плачу ее за то, чтобы покончить с крупными хищниками. Разделавшись с ними, я заслужу честь и хвалу, а человечество сохранит больше шансов выжить. Сделка, на мой взгляд, приемлемая.

Снова надолго задумавшись, водитель рассеянно потянулся правой рукой к карману. Но, прежде чем он обнаружил пропажу, Бевензен сам показал ему пистолет и извиняющимся тоном произнес:

— Я забрал его.

Регулировщик с моста махнул флажком и громко крикнул:

— Эй, не спи, приятель!

Водитель включил скорость и сказал Бевензену:

…Я НОВОГО АКТЕРА

«Горе от ума». В. И. Немирович-Данченко среди исполнителей. Слева — В. Качалов (Чацкий).

ский: все, что он видел в жизни, он сразу же переводил в область искусства. И он не жалел сил, чтобы мы, молодые, сумели проникнуть в эту таинственную и манящую область.

В середине 20-х годов Станиславский и Немирович-Данченко приняли решение привлечь к руководству молодежь, создав так называемое молодое управление театра, в которое вошли Хмелев, Завадский, Судаков, Баталов, Марков и я.

Это было новшеством в театральной практике. Разумеется, мы, не имевшие опыта подобной работы, допускали ошибки. Однако Станиславский доверял нам, ибо был убежден, что молодежь обладает обостренным чувством нового. Ко всем нашим предложениям он относился с интересом и вниманием. Благодаря инициативе молодого управления и поддержке Станиславского в театр были тогда привлечены современные советские драматурги: Вс. Иванов, М. Булгаков, А. Афиногенов...

И сегодня, когда я вижу, как активно работают в художественном совете МХАТа молодые актеры, я с удовлетворением отмечаю, что традиции Станиславского и Немировича-Данченко живут в нашем театре.

Станиславский и Немирович-Данченко очень часто шли на риск, давая молодым артистам самые сложные и ответственные роли. Так, в начале 20-х годов они ввели в старый спектакль «Горе от ума» целый ряд новых исполнителей. Мне, в частности, была поручена роль Чацкого, которую до этого играл сам Качалов!

Поначалу я был очень робок. Меня легко понять, ведь Станиславский в этом спектакле играл Фамусова. Я просто-напросто боялся его. Это мешало мне быть на сцене свободным. Однако Константин Сергеевич сумел незаметно ободрить меня, снять ненужное напряжение, расположить к себе. Такое отношение Константина Сергеевича возвышало во мне актера, заставляло чувствовать себя не марионеткой в руках постановщика, а равноправным участником творческого процесса.

Запомнился и другой эпизод. Во время одного из спектаклей «Горя от ума», когда я произносил монолог «А судьи кто?», в зале вдруг раздался смешок. Это выбило меня из колеи, я растерялся...

В антракте ко мне в гримерную вошел Константин Сергеевич.

— Я был в зрительном зале, — сказал он, — и позволил себе во время вашего монолога неосторожный комический жест, который рассмешил публику. То, что я сделал, недопустимо. Извините меня, пожалуйста.

Вот вам и «недоступность» Станиславского!

Он всегда заботился о том, чтобы у актера было хорошее настроение, ибо был уверен: отрицательные эмоции — огромная помеха творчеству. Вспоминаю, как на репетиции «Талантов и поклонников» А. К. Тарасовой не удавалась одна сцена. Станиславский предложил ей выполнить этюд. Снова неудача. Тарасова стала нервничать и в конце концов разрыдалась: «Все. Больше не могу». Но Станиславский успокоил ее и сказал:

— Вы должны воспитывать свою волю, должны обязательно выполнить поставленную задачу. Иначе вы уйдете с репетиции в плохом настроении и вам будет трудно снова поверить в себя.

Тарасова продолжала репетировать, и этюд, наконец, получился! На глазах актрисы вновь заблестели слезы, но теперь это были слезы радости...

Константин Сергеевич никогда не разделял требования, предъявляемые к актеру, на эстетические и этические, поскольку был убежден, что эстетика и этика — единое целое и что миссия актера не кончается в тот миг, когда опускается занавес. Сам он никогда не позволял себе быть несобранным, заниматься во время спектакля посторонними делами.

Для того, чтобы вечером на сцену театра вышел не ремесленник, а «актер-человек», как говорил Станиславский, нужно тщательно готовить себя к этому, бережно выращивая в себе не только каждое чувство, но и каждый оттенок чувства.

И для Станиславского и для Немировича-Данченко театр был средоточием поэзии и романтики. Владимир Иванович как-то сказал, что если дух поэзии отлетает от кулис — это невосполнимая потеря для театра...

О. Андровская в «Днях Турбиных».

— О'кэй. Сейчас будет полицейский пост. Если хотите, я поеду прямо туда.

Бевензен опустил правое стекло и, когда они достигли середины моста, кинул револьвер подальше в воду. Снова поднимая стекло, он сказал:

— Тут неподалеку должна быть приличная закусочная для водителей машин дальнего следования. Мы могли бы позавтракать там и все обсудить, герр?..

Он вопросительно взглянул на соседа, надеясь, что тот назовет себя. Великан, однако, напряженно провел свой грузовой автопоезд по узкому спуску с моста, постепенно снова набрал скорость, миновал без остановки полицейский пост и только затем откликнулся:

— Ладно, идет. Я вижу, что иначе от вас все равно не отделаться.— Он вытащил из внутреннего кармана бумажник и протянул его Бевензену.— Здесь мои документы—то, чем полиция всегда интересуется в первую очередь... Но вот что я вам сразу скажу: вашим постоянным полицейским шпиком я не стану. Я составлю для вас письменный отчет обо всем, что мне известно, но подписи моей на нем не будет. И вообще больше меня в это дело не путайте.

— У нас еще будет время обо всем поговорить, герр Клингбайль,— успокоительно произнес Бевензен. Он достал уже из бумажника водительские права, на которых значилось: «Зигфрид Клингбайль. Предприниматель. Дуйсбург. Мейдерише Ландштрассе, 147».

— И как только я расплачусь с долгами, я брошу это занятие.

— Сколько же вы задолжали?

Клингбайль помедлил и уклонился от прямого ответа:

— Два моих автопоезда оплачены еще не полностью, ссуду на постройку дома я получил в банке под довольно большие проценты, и потом я должен буду еще уплатить жене. Я хочу получить развод.

— Ну, в таком случае вам придется еще долгонько заниматься этим делом.

У Клингбайля все уже было довольно точно подсчитано.

— Полгода, если не стрясется никакой новой беды. Ездка в среднем приносит три тысячи марок. Тысяча уходит на издержки. Ездить я в состоянии круглые сутки. Считайте теперь сами.

Бевензен вернул ему бумажник.

— Сейчас я хотел бы прежде всего как следует позавтракать. Поднажмите, чтобы нам скорее быть на месте...

За столом Бевензен написал на обороте сигаретной коробки: «Кандидат в комиссары Бевензен, отделение 3-б, Гамбург, высотное здание полиции, Штрохаус, 31, телефон: 24 82 01». Он протянул коробку Клингбайлю. Тот лишь мельком глянул на запись.

— Кандидат в комиссары? И такие есть?

— Слишком много и слишком подолгу.

Клингбайль крикнул проходившей мимо официантке:

— Счет, пожалуйста! — Затем сказал Бевензену: — Ну, мне пора, вы уж извините. Но я в самое ближайшее время дам знать о себе, вот только все запишу...

Он двинул сигаретную коробку по столу.

— Возьмите ее. Вашу фамилию я и так запомню. А остальное есть ведь в телефонном справочнике. Жена, с тех пор как я затеял развод, шарит по всем моим карманам.

Когда официантка принесла счет и Клингбайль, расплатившись, хотел уже уйти, Бевензен, замявшись, сказал:

— Этот мертвый итальянец, надо бы и с ним что-то решить.

Это был самый щекотливый пункт их конспиративного сообщества. И самый опасный! Зарытый на свалке труп превращал Бевензена в соучастника преступления, делал его повинным в укрывательстве, мог стоить ему драгоценной карьеры.

— Кто-нибудь заявит ведь в полицию, что человек пропал без вести. Как вы думаете?

— Итальяшка?—Клингбайль произнес это с таким пренебрежением, словно речь шла о ничтожной безделице.— Здесь его никто искать не станет. Да никто и не знает, что он сопровождал меня в Гамбург. Вот уж о чем можно не беспокоиться! Я отведу состав обратно в Мюнхен и оставлю на той же стоянке, где взял.

Бевензен оторопело вскинул глаза.

— Этот автопоезд прибыл сюда из Италии?

— Да! Итальянец всегда приводил его в Мюнхен. А оттуда уже я вез груз дальше. Заранее неизвестно было, на какой свалке можно будет сбросить его. Договориться об этом и все организовать должен был я.

— А дуйсбургский номер?

— Он с одного из моих автопоездов. О заграничном тягаче среди водителей сразу пошли бы разговоры!

У Бевензена камень с души свалился. В ФРГ в то время насчитывалось свыше двух миллионов иностранных рабочих, и случайное исчезновение какого-то одного заезжего итальянца не должно было вызвать в полиции особого переполоха.

— Ну, а эти рабочие, которые все видели, они не доставят нам неприятностей?

— Эти? Они, считайте, слепые, глухие и немые. Вовсе не в их интересах, чтобы полиция стала ворошить мусор на свалке. Они от этого только проиграли бы. Им ведь тоже платят с каждого воза.

Окончание следует.

Перевела с немецкого Татьяна ГИНЗБУРГ.

ЦВЕТ И СВЕТ

Евгений ПЕРМЯК

ДЕЛИКАТНАЯ СКАЗКА

— Друг мой, вы, кажется, тяготитесь цветом своего лица?

— Как можно тяготиться цветом лица, унаследованным от родной матери, от своего народа! Все же признаюсь вам, мой заботливый покровитель: горько быть гонимым только за то, что я не бел.

— Тем не менее вас полюбила такая красивая белая девушка!

— Да! Любовь не знает различий в цвете лиц, предпочитая свет сердец и душ. Но я проклинаю запрет стать ее мужем.

— Вы правы, это преподлый закон.

— Он выдуман для порабощения таких, как я.

— Скажите, милый юноша, как бы вы отнеслись, если бы кто-то превратил ваше лицо в белое?

— А руки?

— И руки, и ноги, и всего вас...

— Извините, добрейший господин, мне стыдно продолжать такой разговор.

— Тогда прекратим его... Все же, на всякий случай я вам подарю эту коробку с ампулами. В них заключено вещество красящих лучей. В светлых ампулах сгущены лучи, превращающие темную кожу в белую. В коричневых ампулах — те, которые могут вернуть ваш прежний цвет. Руководство в коробке. Прощайте! Поразмыслите наедине.

Они расстались...

После долгих раздумий молодой человек, обуреваемый любовью, посоветовался с невестой. Уединился. Разбил светлую ампулу. И...

И мать не узнала своего сына, ставшего белым. Она, как и вся ее темнокожая родня, хотя и не была в восторге от такой перемены, все же великодушно и чистосердечно пожелала ему счастья с белой невестой.

И они стали счастливы. Никто ни в чем теперь не мог упрекнуть любящую пару. Он занял подобающее место в белом обществе и получил работу, в которой отказывали ему, когда он был темнокожим.

Счастье грезилось нескончаемым. Оно бы и цвело долго-долго, если бы у белой матери не родился черный сын. Его появление вызвало громкий скандал, который трудно представить людям, не знающим национальных и других коварных розней.

А здесь, в этой не очень большой, но и не столь маленькой стране, царила жестокая оценка людей — не по их человеческим достоинствам, а по расовой принадлежности. Трудно поверить, что такие отвратительные нравы закреплялись судебными уложениями.

Счастливая чета оказалась глубоко несчастной. Газеты, радио, телевидение сенсационно трезвонили о попрании прав белой женщины перекрашенным туземцем. И его...

И его заключили в тюрьму. Там долго и пристрастно выясняли, какая демоническая магия помогла ему сменить свою черную шкуру. Криминалисты изощренно, упрямо, но тщетно пытались смыть его белизну, применяя для этого уйму патентованных моющих снадобий. Но и они не помогли тюремщикам добиться потемнения кожи хотя бы на малой частице его тела.

— Ничего, ничего,— ободрял прокурор,— белая мать принесет в суд черного ребенка и уличит этого преступно побелевшего туземца.

Суд был объявлен широким и гласным. Собралось множество разноцветных людей. Явились фотографы, репортеры бульварной печати и операторы телевизионной фирмы «Интимный объектив». Явились все, кто зарабатывал на злой злобе дня. Профессиональные шакалы знали цену способу предрешенной казни. Они старательно, четко запечатлят в замедленном темпе предсмертные конвульсии умирающего.

Не напрасно им преподан гнусный афоризм: «Чем четче патология на экране, тем звонче золото в кармане». И вот...

И вот он, исхудавший, обреченный на смерть, сидит на скамье подсудимых. Его темные локоны подчеркивают бледность лица, яркий нервный румянец щек, следы кислотных ожогов лба.

Но вы, пожалуйста, не волнуйтесь. Мало ли чего не случается в сказках и никогда не бывает в жизни цивилизованных стран. Успокойтесь! Подготовьте себя к появлению пока еще не приговоренной к семилетнему заключению молодой матери. Возьмите себя в руки. Вот, кажется, она входит. Да, это она! Но...

Но почему ее голова, плечи, руки покрыты куском черного, плотнотканого тюля? Кто-то шепнул: «Она стыдливо прячет лицо и своего черного сына».

Пусть кто-то думает не шире узости своего разума. А мы не позволим себе строить подобного рода предположения, низводящие материнскую гордость до боязливости нашкодившей кошки. Вы только взгляните, как величаво идет эта высокая, стройная женщина сквозь душную тишину судебного зала! Ее тонкий слух, кажется, улавливает сочувственное биение женских сердец...

Однако дадим ей сесть на позорную скамью рядом с ее мужем, вторично повенчанным с нею рождением ребенка.

И вот она села рядом с ним. Села и стремительно откинула легкое, черное покрывало. Зал ахнул!

Зал ахнул и мертвенно стих. Окаменели присяжные и судьи. Прокурор в изумлении открыл рот, и из него выпала верхняя золотая челюсть...

Тишина стала еще глубже. Удары сердец отчетливее и сильней! Похолодели и без того холодные стены суда. Казалось, присели, укоротившись, античные колонны, поддерживающие балкон, забитый «черными» в двойном понимании этого гнусного прозвища.

Что же произошло, что оглушило всех своей неожиданностью? От чего дрогнуло беломраморное изваяние Фемиды?

Произошло то, чего не ожидал никто. Даже муж. Даже она до вчерашней бессонной ночи.

Все увидели синеглазую, белокурую красавицу с темно-оливковым лицом и такими же лосняще-темными обнаженными руками и плечами — тон в тон с младенцем.

Люди терялись в догадках: как это могло произойти, неужели она вся такова? Сомнения недолго мучили жадные до подробностей души. Раздался пронзительный плач проголодавшегося ребенка. Он громче и настойчивее требовал своего. И вот молодая женщина извечным движением материнской руки обнажила темную грудь. Ребенок трепетно приник к ней. Приник, как все дети всех веков, всех народов. Операторы в ажиотаже телевизионной находки...

Криминалисты и судьи не осмелились определять способ изменения цвета ее тела. Некоторым из них теперь показалось, что все это произошло по воле Провидения или... или самого Сатаны.

Мистика не была чужда судебным чиновникам. Она не обошла своим вниманием и почти всех сидящих в зале. Они стихийно поднялись, распрямились и в молитвенном экстазе стали прославлять мадонну: «Аве Мария!»...

Многим из восседающих за столом послышалось торжественное многозвучное дыхание органа.

Одному из операторов фирмы «Интимный объектив» привиделось, что с глаз статуи Фемиды спала белая повязка и что весы в руке богини бешено заколебались. Не будем обращать внимания на то, что померещилось трусливым и пакостным нахлебникам богини правосудия.

Для нас важнее другое. Оно состоит в том, что обстоятельства подсказали присяжным оправдать подсудимых.

В самом деле, в чем, при этой ситуации, состоит причина обвинения? В чем? Черная мать родила черного ребенка от туземца. Не так важно, какого он теперь цвета. Туземец остается туземцем. А то, что мать не черная, не докажут никакие эксперты. Да и попробуй засуди такую... Не только партер и балкон судебного зала, но и вся страна запоет «Аве Мария!» или что-то более песнеопасное. Да еще возьмут и причислят ее к лику святых. К тому же два чуда: чёрный преобразился в белого, белая — в черную. Иди и доказывай, отчего и почему! Нет, господа, здесь нужна хитроумная тактика.

Суд, на скорую руку посовещавшись, объявил, что состава преступления не обнаружилось и подсудимым даруется почетное освобождение.

И тут, как говорится, ликовал зал и шляпки в воздух бросал.

Забудем это печальное самообольщение обманутой толпы. Лучше послушаем, что сказала, вернувшись домой, черная жена своему белому мужу. Она мягко, мимоходом, заметила ему:

— Милый, если тебе захочется вернуть тот облик, в каком ты очаровал меня, то имей в виду, что в коробке остались коричневые ампулы.

Муж стал на колени перед своей женой, затем на несколько минут удалился и вернулся таким, каким был от рождения. И на душе его стало еще чище и светлее.

Кажется, конец — делу венец. Все обошлось лучше некуда!

Нет! Сказка продолжилась новым, закрытым судебным заседанием. Ищейки выискали крамольное исчадие адового перекрашивания. И вот...

И вот ученый сидит на смертной скамье, а на судебном столе коричневеет большая стеклянная колба.

— Утверждаешь ли ты, слуга мрака,— угрожающе спросил прокурор,— что наукой открыты лучи, изменяющие расовый цвет кожи, предначертанный создателем всего живого?

— Да, утверждаю,— с достоинством ответил ученый,— лучевое вещество в моей колбе на столе. Проверьте, коли сомневаетесь...

— Ты лжешь, совратитель! — визгливо и неистово крикнул главный судья. Он в запальчивости трахнул судейским молотком по стеклянной колбе. И тут же в считанные секунды, молниеносно почернели все вершители тайного суда. Этого не произошло с ученым, предусмотревшим противолучевые меры. Он громко объявил:

— Черные судьи! Вы теперь, по законам вашей страны, лишились права судить меня — белого человека!

Ученый, громко расхохотавшись, покинул зал суда, а вскоре и страну.

Теперь-то уж, кажется, все, как положено в сказке: зло наказано, добродетель торжествует.

— Нет, я еще не досказалась,— возразила сказка.— У меня еще есть нечто интересное. Посмотрим, что творится с белыми женами черных служителей безнравственных законов.

Служители были дискриминированы, а законы остались незыблемыми. Они категорически запрещали темнокожим супругам вернуться к своим белым женам. Ни государственные паспорта, ни родословные портреты, ни клятвенные заверения сановитых особ не могли опровергнуть, что черный не является черным, родись он самым пресветлым ангелом. Закон — и никакой формальной логики...

Судейские жены предпочли стать оливковыми, но замужними, нежели изнемогать белыми вдовами.

Правда, это их личное, частное дело. Не личным и не частным делом оказались грозные демонстрации, возмущения и гневные протесты многоцветных граждан, спаянных единством высоких помыслов и чистотой сердец. Негодование народа нарастало и усиливалось до такого накала, что невольно возникал вопрос: каким же будет финал?

Деликатная сказка ответила на это загадочной улыбкой.

Гм-м? Странно, очень странно!

Может быть, сказка опасалась высказать рискованное предположение? Вернее всего, она была недостаточно компетентна для глубокого, научно обоснованного суждения о сложном процессе социального преображения данной страны. И все же...

И все же она должна была сама, не утруждая других, рассказать, что стало с ученым, тем более что о нем появились в печати любопытнейшие публикации.

Оказывается, он, перебравшись в нейтральную державу, расширил спектр своих лучей, успешно применяя их по прямому назначению в кожевенном деле и легкой промышленности для дешевой и быстрой окраски обуви, портфелей, сумочек, перчаток, ремней. А в ослабленной консистенции — для косметических целей завзятых модниц.

Увы!.. Ампулы всех цветов стали предметом доходной контрабанды. За них баснословно платили предусмотрительные деятели не очень устойчивых правительств, профессиональные лазутчики, тайные резиденты и все, кому было крайне необходимо изменять свой облик.

Таким образом, открытие ученого оказалось весьма эффективным не только в сказочных коллизиях, но и нашло применение в театре, кино и, конечно, телевидении.

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

ТАКОВ ВОПРОС. КАКОВ ОТВЕТ?

Ленинградка Н. В. Иванова, работающая на Ижорском заводе имени Жданова, прислала в «Огонек» письмо с вопросом, за ответом на который мы обратились в Министерство целлюлозно-бумажной промышленности. Оттуда автору письма ответили, и казалось бы, тем все исчерпано. Но когда мы ознакомились с копией ответа Минбумпрома, то лишь руками развели. Вопрос: когда появится в магазинах 16-миллиметровая лента для пишущих машин? Ответ начальника производственно-технологического управления министерства И. П. Тюрина: «С целью увеличения выпуска красящих лент закуплено по импорту специальное оборудование и ведется реконструкция действующего производства. После осуществления реконструкции в 1978 году мощность по производству красящих лент будет увеличена в 1,5 раза. Однако использование закупленного оборудования на полную мощность будет зависеть от обеспечения объединения «Союз» специальными тканями, выпускаемыми предприятиями Минлегпрома СССР».

Но что же с 16-миллиметровыми лентами? Об этом ни слова. Читательница спрашивает о ленте, а начальник управления пишет об оборудовании. И отмечает, что пуск его еще ничего не гарантирует. Оборудование, судя по ответу, закупалось без консультации с производителями специальных тканей. Выходит, планы одного министерства не были согласованы с планами поставщика?..

А теперь пример ответа конкретного, прямого.

В «Огоньке» приводился факт, подсказанный нашими читателями. Речь шла о недостаточном выпуске таких новинок химиков, как «штрих» и «шрифтоочиститель»,— оба эти изделия очень нужны для работы машинисток. Начальник Союзбытхима В. М. Милаков сообщает: публикация рассмотрена, журнал правильно и справедливо подверг критике работу объединения за отсутствие на прилавках магазинов некоторых препаратов бытовой химии. В текущем году, сообщает далее тов. Милаков, производственным объединением Мосбытхим организован выпуск препарата «штрих» в полимерной таре. Во втором полугодии будет выпущено 50 тысяч упаковок, на 1979 год запланировано выпустить 125 тысяч упаковок с последующим увеличением в 1980 году до миллиона упаковок. Для выпуска препарата «шрифтоочиститель» создан опытно-промышленный участок. Во втором полугодии 1978 года будет выпущено 30 тысяч упаковок. В 1979 году объем выпуска планируется увеличить до 300 тысяч штук.

Так решают вопросы при деловом к ним отношении. Продуманно, без ссылок на «объективные» трудности. Прежде «штрих» не во что было упаковывать — не поставлялись флаконы. Можно было, конечно, ссылаться на поставщиков, ждать... Но можно сделать и так, как в Министерстве химической промышленности: здесь начали выпуск пластиковых флакончиков и разливают в них корректирующий состав «штрих» — он уже есть в некоторых магазинах.

Но не всюду. И тут следует сказать вот о чем. Спрос на малую оргтехнику велик. Планы выпуска «штриха» и «шрифтоочистителя» быстро нарастают. А торговля с осторожностью присматривается к новому товару, робко его рекламирует. Впору вспомнить, что нет ни одного магазина, который соответствовал бы нынешнему уровню производства оргтехники вообще и «малой» в частности. Даже в Москве и Ленинграде никак не могут решиться на создание таких магазинов. И на пути новинок возникают еще и торговые барьеры...

К. КОСТИН

АФОРИЗМЫ И ШУТКИ

Владимир
ХОЧИНСКИЙ

Не ведает, а творит...

Имел два лица и оба чужие.

Петушком, петушком... и в индюки!

Верил в счастливый конец света.

Не сотвори себя кумиром.

Если ты не Шекспир, не создавай много шума из ничего...

Юность начинаешь ценить, когда она уходит, старость тоже...

Дурак видит выгоду. Умный — ее последствия.

И Титаны кипятятся.

Нашли общий язык — замолчали.

Когда славу начинают удерживать, она уходит.

Своих взглядов не имел, но вечно от них отказывался.

Так умел поднять вопрос, что тот повисал в воздухе.

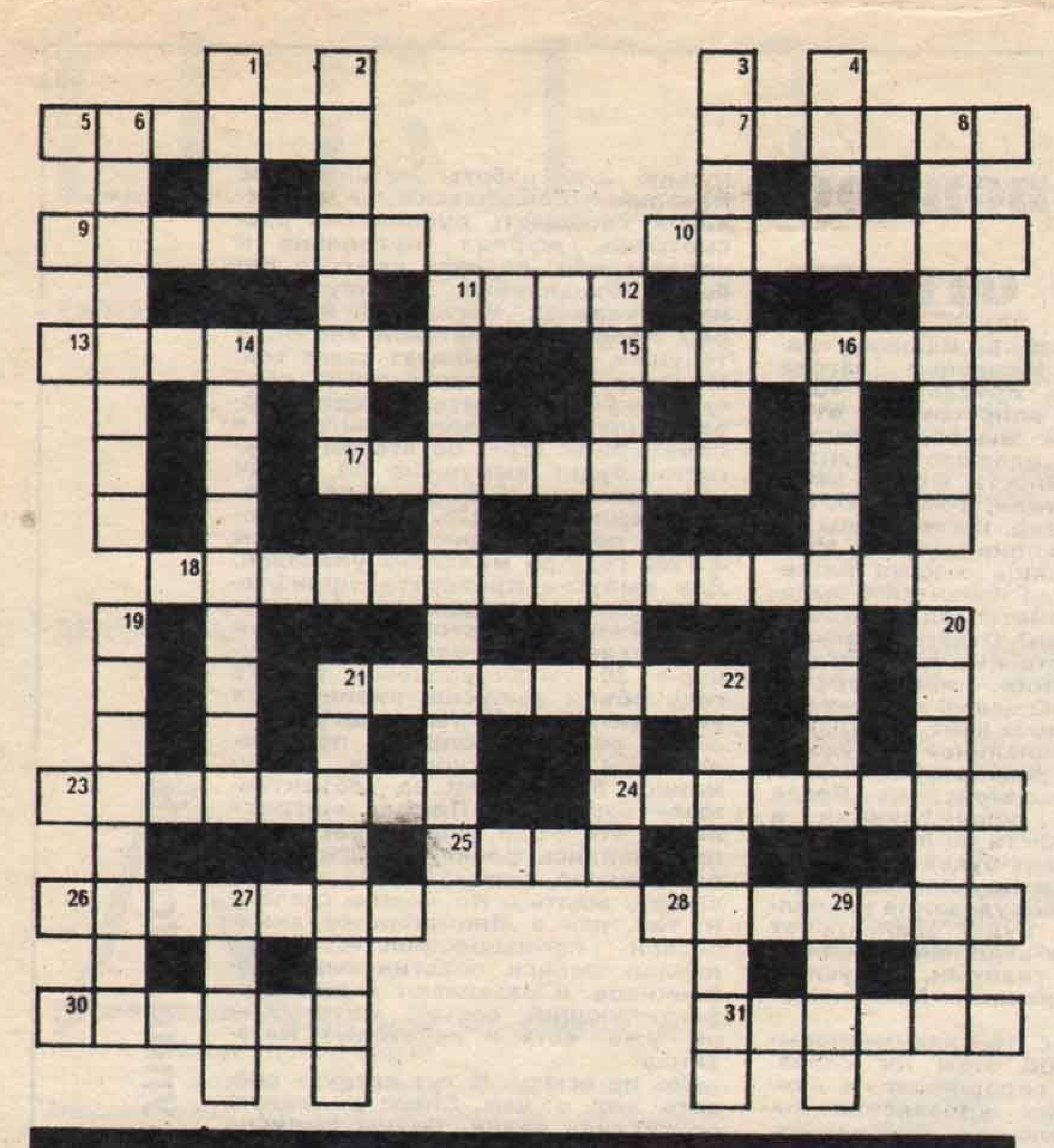
Не отчаивайтесь! У вас же все позади...

Залатанное рыцарство.

Острый угол зрения больше говорит о широте взгляда, чем тупой.

Уступая место женщине, разве ты не поднимаешься?

КРОССВОРД

По горизонтали:
5. Отпечаток с гравюры. 7. Возвышенность, простирающаяся от Волги до Восточного Маныча. 9. Популярный народный танец. 10. Советский художник. 11. Наклонная площадка для спуска и подъема судов. 13. Вещество, приготовленное для химических исследований. 15. Народная артистка СССР, выступавшая во МХАТе. 17. Хищник, обитающий в лесах Африки и Южной Азии. 18. Часть речи. 21. Скопление мелких организмов в водных глубинах. 23. Рассказ М. Горького. 24. Спортивная игра. 25. Горная порода, применяемая для поделок. 26. Симфония П. И. Чайковского. 28. Клумба. 30. Трагедия Шекспира. 31. Центр штата в Нигерии.

По вертикали:
1. Витой белый хлеб. 2. Место для конских бегов, скачек. 3. Лирическая песня. 4. Река в Тюменской области. 6. Промысловая морская рыба. 8. Автор поэмы «Русские женщины». 11. Способ быстрой записи устной речи. 12. Видимая даль. 14. Краткое изложение содержания учебного предмета, курса. 16. Город в Амурской области. 19. Единица мощности. 20. Жанр античной поэзии. 21. Картина В. Г. Перова. 22. Советский геолог и палеонтолог, академик. 27. Монета некоторых стран Ближнего Востока. 29. Звено гусеницы танка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали:
3. «Травиата». 5. «Бородино». 7. Геленджик. 8. Бекар. 10. Полуй. 11. Эстония. 13. Ваниль. 14. Октава. 15. Карьер. 16. Литера. 18. Саратов. 21. Гамак. 22. Автор. 23. Растрелли. 25. «Аленушка». 26. Радиатор.

По вертикали:
1. Пирог. 2. Гопак. 3. Тургенев. 4. Асбест. 5. Бардин. 6. Опалубка. 9. Рубильник. 10. Партитура. 11. Эльбрус. 12. Яковлев. 15. Керамика. 17. Ареометр. 19. Ретина. 20. Тренер. 23. Резус. 24. Индия.

На первой и четвертой обложках: Москва, Комсомольская площадь. 28 апреля 1978 года здесь состоялся митинг. Бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XVIII съезда ВЛКСМ уезжали на важнейшие объекты десятой пятилетки: БАМ, Уренгойское газовое месторождение в Западной Сибири, Усть-Илимск, Атоммаш, в Нечерноземную зону РСФСР.

Фотоплакат В. Будана (ТАСС)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

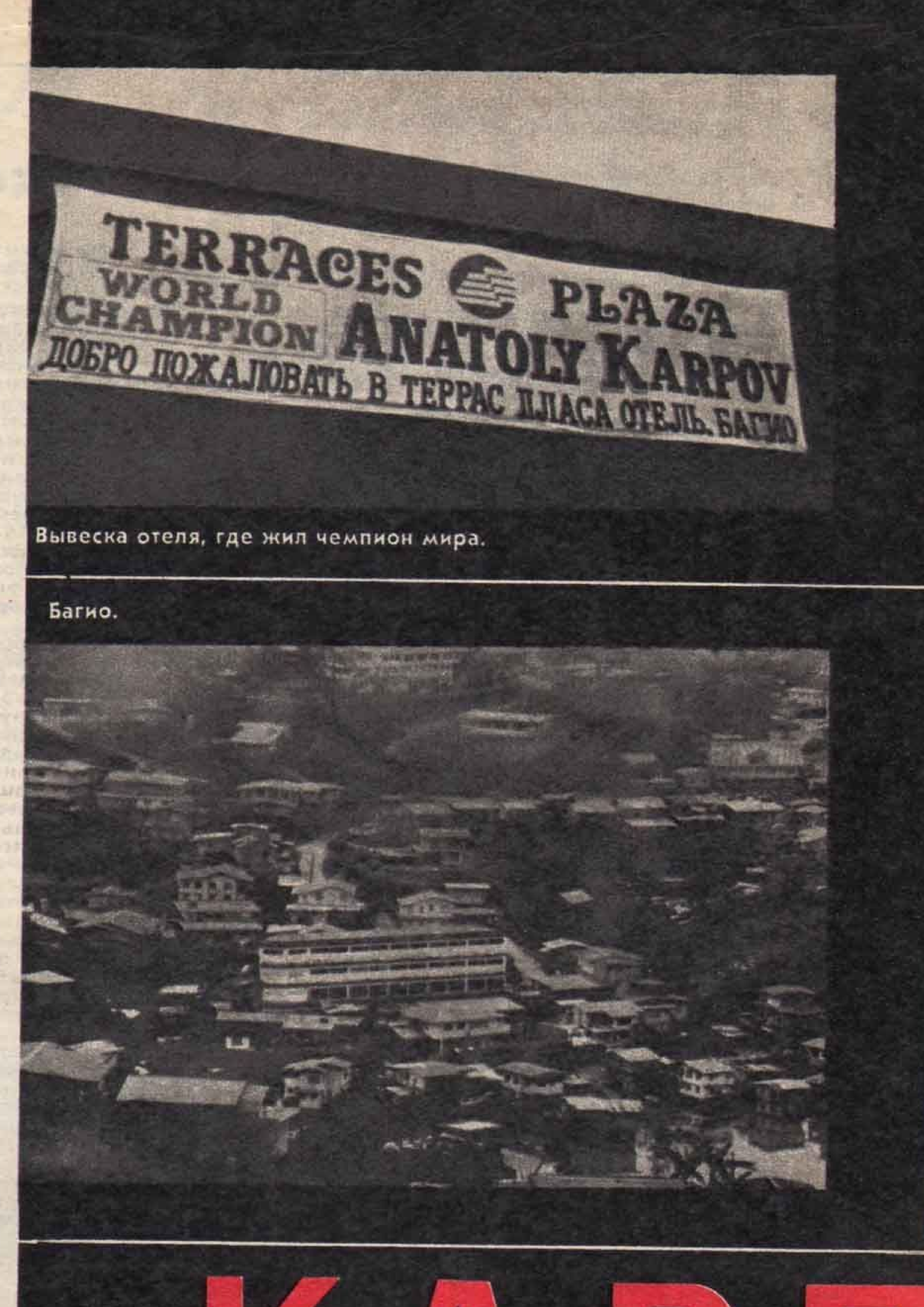
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 9.X.78. Подписано к печати 24.X.78. А 01237.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 2 030 000 экз. Изд. № 2502. Заказ № 2906.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Вывеска отеля, где жил чемпион мира.

Багио.

КАРП

Редкая свободная минута.

Анатолий Карпов готов начать очередную партию.

ОВ В БАГИО

После очередной победы.

Автографы, автографы...

Фото В. РИХТЕРА и ТАСС

В кругу почитателей шахмат.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

